

Дж. К. Ролинг

Гарри Поттер и Философский Камень

Глава 1

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ

Мистер и миссис Дурсль проживали в доме номер четыре по Тисовой улице и всегда с гордостью заявляли, что они, слава богу, абсолютно нормальные люди. Уж от кого-кого, а от них никак нельзя было ожидать, чтобы они попали в какую-нибудь странную или загадочную ситуацию. Мистер и миссис Дурсль весьма неодобрительно относились к любым странностям, загадкам и прочей ерунде.

Мистер Дурсль возглавлял фирму под названием «Граннингс», которая специализировалась на производстве дрелей. Это был полный мужчина с очень пышными усами и очень короткой шеей. Что же касается миссис Дурсль, она была тощей блондинкой с шеей почти вдвое длиннее, чем положено при ее росте. Однако этот недостаток пришелся ей весьма кстати, поскольку большую часть времени миссис Дурсль следила за соседями и подслушивала их разговоры. А с такой шеей, как у нее, было очень удобно заглядывать за чужие заборы. У мистера и миссис Дурсль был маленький сын по имени Дадли, и, по их мнению, он был самым чудесным ребенком на свете.

Семья Дурслей имела все, чего только можно пожелать. Но был у них и один секрет. Причем больше всего на свете они боялись, что кто-нибудь о нем узнает. Дурсли даже представить себе не могли, что с ними будет, если выплывет правда о Поттерах. Миссис Поттер приходилась миссис Дурсль родной сестрой, но они не виделись вот уже несколько лет. Миссис Дурсль даже делала вид, что у нее вовсе нет никакой сестры, потому что сестра и ее никчемный муж были полной противоположностью Дурслям.

Дурсли содрогались при одной мысли о том, что скажут соседи, если на Тисовую улицу пожалуют Поттеры. Дурсли знали, что у Поттеров тоже есть маленький сын, но они никогда его не видели. И они категорически не хотели, чтобы их Дадли общался с ребенком таких родителей.

Когда во вторник мистер и миссис Дурсль проснулись скучным и серым утром — а именно с этого утра начинается наша история, — ничто, включая покрытое тучами небо, не предвещало, что вскоре по всей стране начнут происходить странные и загадочные вещи. Мистер Дурсль что-то напевал себе под нос, завязывая самый отвратительный из своих галстуков. А миссис Дурсль, с трудом усадив сопротивляющегося и орущего Дадли на высокий детский стульчик, со счастливой улыбкой пересказывала мужу последние сплетни.

Никто из них не заметил, как за окном пролетела большая сова-неясыть.

В половине девятого мистер Дурсль взял свой портфель, клюнул миссис Дурсль в щеку и попытался на прощанье поцеловать Дадли, но промахнулся, потому что Дадли впал в ярость, что с ним происходило довольно часто. Он раскачивался взад-вперед на стульчике, ловко выуживал из тарелки кашу и заляпывал ею стены.

— Ух, ты моя крошка, — со смехом выдавил из себя мистер Дурсль, выходя из дома.

Он сел в машину и выехал со двора.

На углу улицы мистер Дурсль заметил, что происходит что-то странное, — на тротуаре стояла кошка и внимательно изучала лежащую перед ней карту. В первую секунду мистер Дурсль даже не понял, что именно он увидел, но затем, уже миновав кошку, затормозил и резко оглянулся. На углу Тисовой улицы действительно стояла полосатая кошка, но никакой карты видно не было.

— И привидится же такое! — буркнул мистер Дурсль.

Наверное, во всем были виноваты мрачное утро и тусклый свет фонаря. На всякий случай мистер Дурсль закрыл глаза, потом открыл их и уставился на кошку. А кошка уставилась на него.

Мистер Дурсль отвернулся и поехал дальше, продолжая следить за кошкой в зеркало заднего вида. Он заметил, что кошка читает табличку, на которой написано «Тисовая улица». Нет, конечно же не читает, поспешно поправил он самого себя, а просто смотрит на табличку. Ведь кошки не умеют читать — равно как и изучать карты.

Мистер Дурсль потряс головой и попытался выбросить из нее кошку. И пока его автомобиль ехал к Лондону из пригорода, мистер Дурсль думал о крупном заказе на дрели, который

рассчитывал сегодня получить.

Но когда он подъехал к Лондону, заполнившие его голову дрели вылетели оттуда в мгновение ока, потому что, попав в обычную утреннюю автомобильную пробку и от нечего делать глядя по сторонам, мистер Дурсль заметил, что на улицах появилось множество очень странно одетых людей. Людей в мантиях. Мистер Дурсль не переносил людей в нелепой одежде, да взять хотя бы нынешнюю молодежь, которая расхаживает черт знает в чем! И вот теперь эти, нарядившиеся по какой-то дурацкой моде.

Мистер Дурсль забарабанил пальцами по рулю. Его взгляд упал на сгрудившихся неподалеку странных типов, оживленно шептавшихся друг с другом. Мистер Дурсль пришел в ярость, увидев, что некоторые из них совсем не молоды, — подумать только, один из мужчин выглядел даже старше него, а позволил себе облачиться в изумрудно-зеленую мантию! Ну и тип! Но тут мистера Дурсля осенила мысль, что эти непонятные личности наверняка всего лишь собирают пожертвования или что-нибудь в этом роде... Так оно и есть! Стоявшие в пробке машины наконец тронулись с места, и несколько минут спустя мистер Дурсль въехал на парковку фирмы «Граннингс». Его голова снова была забита дрелями.

Кабинет мистера Дурсля находился на девятом этаже, где он всегда сидел спиной к окну. Предпочитай он сидеть лицом к окну, ему, скорее всего, трудно было бы этим утром сосредоточиться на дрелях. Но он сидел к окну спиной и не видел пролетающих сов — подумать только, сов, летающих не ночью, когда им и положено, а среди бела дня! И это уже не говоря о том, что совы — лесные птицы, и в городах, тем более таких больших, как Лондон, не живут.

В отличие от мистера Дурсля, находившиеся на улице люди отлично видели этих сов, стремительно пролетающих мимо них одна за другой, и широко раскрывали рты от удивления и показывали на них пальцами. Большинство этих людей в жизни своей не видели ни единой совы, даже в ночное время.

В общем, у мистера Дурсля было вполне нормальное, лишенное сов утро. Он накричал на пятерых подчиненных, сделал несколько важных звонков и несколько раз повысил голос на своих телефонных собеседников. Так что настроение у него было просто отличное — до тех пор, пока он не решил немного размять ноги и купить себе булочку в булочной напротив.

Мистер Дурсль уже забыл о людях в мантиях и не вспоминал о них, пока не столкнулся с группкой странных типов неподалеку от булочной. Он не мог понять, почему при одном только взгляде на них ему становилось не по себе.

Эти типы тоже оживленно перешептывались, и он не заметил у них в руках ни одной кружки для сбора пожертвований. Выйдя из булочной с пакетом, в котором лежал большой пончик, мистер Дурсль вновь вынужден был пройти мимо этих странных личностей, и в этот момент он абсолютно случайно услышал:

— ...да, совершенно верно, это Поттеры, именно так мне рассказывали...

— ...да, их сын, Гарри...

Мистер Дурсль замер. У него перехватило дыхание. Он ощутил, как на него накатывает волна страха. Он оглянулся на шептавшихся типов, словно хотел сказать им что-то, но потом передумал.

Мистер Дурсль метнулся через дорогу, поспешно поднялся в офис, рывкнул секретарше, чтобы его не беспокоили, сорвал телефонную трубку и уже набирал предпоследнюю цифру своего домашнего номера, когда вдруг передумал и положил трубку обратно на рычаг. Затем он начал поглаживать усы, думая о том, что...

Нет, конечно, это была глупость. Поттер — не такая уж редкая фамилия. Мистер Дурсль легко убедил себя в том, что в Англии живет множество семей, носящих фамилию Поттер и имеющих сына по имени Гарри. И он даже не может со стопроцентной уверенностью утверждать, что его племянника зовут именно Гарри. Он ведь никогда не видел этого мальчика. Вполне возможно, что его зовут Гэри. Или Гарольд.

В общем, мистер Дурсль решил, что ему совсем ни к чему беспокоить миссис Дурсль, тем более что она всегда ужасно огорчалась, когда речь заходила о ее сестре. Мистер Дурсль не упрекал жену — если бы у него была такая сестра, как у миссис Дурсль, он бы... Но тем не менее эти люди в мантиях и то, о чем они говорили, — все это было странно.

После похода за пончиком мистеру Дурслю было куда сложнее сосредоточиться на дреях. Когда в пять часов вечера он покидал здание фирмы, он был настолько взволнован, что, выходя из дверей, не заметил проходившего мимо человека и врезался в него.

— Извините, — пробурчал он, видя, как маленький старикашка пошатнулся и едва не упал. Мистеру Дурслю понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что старичок был одет в фиолетовую мантию. Кстати, старикашка несколько не огорчился тому, что его едва не сбили с ног. Напротив, он широко улыбнулся и произнес писклявым голосом, заставившим прохожих обернуться:

— Не извиняйтесь, мой дорогой господин, даже если бы вы меня уронили, сегодня меня бы это совсем не огорчило. Ликуйте, потому что Вы-Знаете-Кто наконец исчез! Даже такие маглы, как вы, должны устроить праздник в этот самый счастливый день!

С этими словами старикашка обеими руками обхватил мистера Дурсля где-то в районе живота, крепко стиснул его и ушел.

Мистер Дурсль буквально прирос к земле. Подумать только, его обнял абсолютно незнакомый человек! Мало того, его назвали каким-то маглом. Что бы там ни означало это слово, мистер Дурсль был потрясен. И когда ему наконец удалось сдвинуться с места, он быстрым шагом пошел к машине, надеясь, что все происходящее сегодня — не более чем плод его воображения. Хотя мистер Дурсль крайне отрицательно относился к воображению и его плодам.

Когда он свернул с Тисовой улицы на дорожку, ведущую к дому номер четыре, он сразу заметил уже знакомую полосатую кошку. Настроение его резко упало. Мистер Дурсль не сомневался, что это та самая кошка — у нее была та же окраска и те же странные пятна вокруг глаз. Теперь кошка сидела на заборе, отделяющем его дом и сад от соседей.

— Брысь! — громко произнес мистер Дурсль.

Но кошка не шелохнулась. Более того, она очень строго посмотрела на мистера Дурсля, так что он даже подумал: «Может быть, кошки всегда себя так ведут?»

Затем, собравшись с духом, он вошел в дом, внушая себе при этом, что ему ни в коем случае не следует ни о чем рассказывать жене.

Для миссис Дурсль этот день был, как всегда, весьма приятным. За ужином она охотно рассказала мистеру Дурслю о том, что у их соседки серьезные проблемы с дочерью, и напоследок сообщила, что Дадли выучил новое слово «хаччу!». Мистер Дурсль изо всех сил старался вести себя как обычно.

Когда миссис Дурсль уложила Дадли в кроватку, мистер Дурсль поцеловал его, пожелал спокойной ночи и пошел в гостиную включить телевизор. По одному из каналов как раз заканчивались вечерние новости.

«И в завершение нашего выпуска о странном поведении сов по всей Англии. Хотя совы обычно охотятся ночью и практически никогда не показываются днем, сегодня поступали сотни сообщений от людей, которые с самого рассвета в разных точках страны видели беспорядочно летающих сов. Специалисты не могут объяснить, почему совы решили изменить свой распорядок дня. — Тут диктор позволил себе ухмыльнуться. — Очень загадочно. А теперь я передаю слово Джиму МакГаффину с его прогнозом погоды. Как ты думаешь, Джим, не будет ли сегодня вечером новых дождей из сов?»

«Не знаю, Тед. — На экране появился метеоролог. — Однако сегодня не только совы вели себя необычно. Наши зрители из таких отдаленных уголков Англии, как Кент, Йоркшир и Данди, звонили мне, чтобы сообщить, что вместо дождя, который я пообещал вчера вечером, у них был настоящий звездопад! Возможно, кто-то устраивал фейерверки по случаю приближающегося праздника. Хотя до праздника еще целая неделя. А что касается погоды — сегодняшней вечер обещает быть дождливым...»

Мистер Дурсль застыл в своем кресле. Падающие звезды, совы среди бела дня, странные люди в мантиях. И еще непонятное перешептывание по поводу этих Поттеров...

Миссис Дурсль вошла в гостиную с двумя чашками чая. И мистер Дурсль почувствовал, как тает его решимость ни о чем не говорить жене. Он понял, что хотя бы что-то ему рассказать придется. И нервно прокашлялся.

— Э... Петунья, дорогая... Ты давно не получала известий от своей сестры?

Как он и ожидал, миссис Дурсль изобразила удивление, а потом на ее лице появилась злость. Все-таки обычно они делали вид, что у нее нет никакой сестры. Так что подобная реакция на вопрос мистера Дурсля была вполне объяснима.

— Давно! — отрезала миссис Дурсль. — А почему ты спрашиваешь?

— В новостях говорили всякие загадочные вещи, — пробормотал мистер Дурсль. Несмотря на огромную разницу в габаритах, он все же побаивался жену, и именно она была хозяйкой в доме. — Совы... падающие звезды... по городу ходят толпы странно одетых людей...

— И что? — резким тоном перебила его миссис Дурсль.

— Ну, я подумал... Может быть... Может, это как-то связано с... Ну, ты понимаешь... С такими, как она...

Миссис Дурсль поджала губы и поднесла чашку ко рту. А мистер Дурсль задумался, осмелится ли он сказать жене, что слышал сегодня фамилию Поттер. И решил, что не осмелится. Вместо этого он произнес как бы между прочим:

— Их сын — он ведь ровесник Дадли, верно?

— Полагаю, да. — Голос миссис Дурсль был холоден как лед.

— Не напомним ли мне, как его зовут? Гарольд, кажется?

— Гарри. На мой взгляд, мерзкое, простонародное имя.

— О, конечно. — Мистер Дурсль ощутил, как екнуло сердце. — Я с тобой полностью согласен.

Больше мистер Дурсль не возвращался к этой теме — ни когда они допивали чай, ни когда встали и пошли наверх в спальню. Но как только миссис Дурсль ушла в ванную, мистер Дурсль открыл окно и выглянул в сад. Кошка все еще сидела на заборе и смотрела на улицу, словно кого-то ждала.

Мистер Дурсль спросил себя, не привиделось ли ему все то, с чем он столкнулся сегодня? И если нет, то неужели все это связано с Поттерами? Если это так... и если выяснится, что они, Дурсли, имеют отношение к этим Поттерам... Нет, мистер Дурсль не вынес бы этого.

Дурсли легли в постель. Миссис Дурсль быстро заснула, а мистер Дурсль лежал без сна, вспоминая все, что видел и слышал в этот день. И самая последняя мысль, посетившая его перед тем, как он уснул, была очень приятной: даже если Поттеры на самом деле связаны со всем случившимся сегодня, им совершенно ни к чему появляться на Тисовой улице. К тому же Поттеры прекрасно знали, как он и Петунья к ним относятся...

Так что мистер Дурсль сказал себе, что ни он, ни Петунья ни в коем случае не позволят втянуть себя в творящиеся вокруг странности.

Мистер Дурсль глубоко заблуждался, но пока не знал об этом.

Долгожданный и беспокойный сон уже принял в свои объятия мистера Дурсля, а сидевшая на его заборе кошка спать совершенно не собиралась. Она сидела неподвижно, как статуя, и, не мигая, смотрела в конец Тисовой улицы. Она даже не шелохнулась, когда на соседней улице громко хлопнула дверь машины, и не моргнула глазом, когда над ее головой пронеслись две совы. Только около полуночи будто окаменевшая кошка наконец ожила.

В дальнем конце улицы — как раз там, куда неотрывно смотрела кошка — появился человек. Появился неожиданно и бесшумно, будто вырос из-под земли или возник из воздуха. Кошкин хвост дернулся из стороны в сторону, а глаза ее сузились.

Никто на Тисовой улице никогда не видел этого человека. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебру его волос и бороды — таких длинных, что их можно было заправить за пояс. Он был одет в длинный сюртук, поверх которого была наброшена подметающая землю лиловая мантия, а на его ногах красовались ботинки на высоком каблуке, украшенные пряжками. Глаза за затемненными очками были голубыми, очень живыми, яркими и искрящимися, а нос — очень длинным и кривым, словно его ломали по крайней мере два раза. Звали этого человека Альбус Дамблдор.

Казалось, Альбус Дамблдор абсолютно не понимает, что появился на улице, где ему не рады — не рады всему, связанному с ним, начиная от его имени и заканчивая ботинками. Однако его, похоже, это не беспокоило и он рылся в карманах своей мантии, пытаясь что-то отыскать. Он явно чувствовал, что за ним следят, потому что внезапно поднял глаза и посмотрел на кошку, взвешивающую на него с другого конца улицы. Странно, но вид кошки почему-то развеселил его.

— Это следовало ожидать, — пробормотал он, усмехнувшись.

Наконец во внутреннем кармане он нашел то, что искал. Это был предмет, похожий на серебряную зажигалку. Альбус Дамблдор откинул серебряную крышечку, поднял зажигалку и щелкнул. Ближний к нему уличный фонарь тут же погас с негромким хлопком. Он снова щелкнул зажигалкой — и следующий фонарь погрузился во тьму. После двенадцати щелчков на Тисовой улице погасло все, кроме двух далеких, крошечных колючих огоньков — глаз неотрывно следившей за Дамблдором кошки. И если бы в этот момент кто-либо выглянул из своего окна — даже миссис Дурсль, от чьих глаз-бусинок ничто не могло ускользнуть, — этот человек не смог бы увидеть, что происходит на улице.

Дамблдор засунул свою зажигалку — точнее, гасилку — обратно во внутренний карман мантии и двинулся к дому номер четыре. А дойдя до него, сел на забор рядом с кошкой и, даже не взглянув на нее, сказал:

— Странно видеть вас здесь, профессор МакГонагалл.

Он улыбнулся и повернулся к полосатой кошке, но та уже исчезла. Вместо нее на заборе сидела довольно сурового вида женщина в очках, форма которых была до странности похожа на отметины вокруг кошачьих глаз. Женщина тоже была в мантии, только в изумрудной. Ее черные волосы были собраны в тугий узел на затылке. И сразу было заметно, что вид у нее раздраженный.

— Как вы меня узнали? — спросила она.

— Мой дорогой профессор, я в жизни не видел кошки, которая сидела бы столь неподвижно.

— Станешь тут неподвижной — целый день просидеть на кирпичной стене, — парировала профессор МакГонагалл.

— Целый день? В то время как вы могли праздновать вместе с другими? По пути сюда я стал свидетелем, как минимум, дюжины вечеринок и гулянок.

Профессор МакГонагалл рассерженно фыркнула.

— О, да, действительно, все празднуют, — недовольно произнесла она. — Казалось бы, им следовало быть немного поосторожнее. Но нет — даже маглы заметили, что что-то происходит. Они говорили об этом в новостях. — Она резко кивнула головой в сторону темного окна, за которым находилась гостиная Дурслей. — Я слышала. Стаи сов... падающие звезды... Что ж, они ведь не полные идиоты. Они просто обязаны были что-то заметить. Подумать только — звездопад в Кенте! Не сомневаюсь, что это дело рук Дедалуса Дингла. Он никогда не отличался особым умом.

— Не стоит их обвинять, — мягко ответил Дамблдор. — За последние одиннадцать лет у нас было слишком мало поводов для веселья.

— Знаю. — В голосе профессора МакГонагалл появилось раздражение. — Но это не оправдывает тех, кто потерял голову. Наши люди ведут себя абсолютно безрассудно. Они появляются на улицах среди бела дня, собираются в толпы, обмениваются слухами. И при этом им даже не приходит в голову одеться, как маглы.

Она искоса взглянула на Дамблдора своими колючими глазами, словно надеясь, что он скажет что-то в ответ, но Дамблдор молчал, и она продолжила:

— Будет просто превосходно, если в тот самый день, когда Вы-Знаете-Кто наконец исчез, маглы узнают о нашем существовании. Кстати, я надеюсь, что он на самом деле исчез, это ведь так, Дамблдор?

— Вполне очевидно, что это так, — ответил тот. — Так что это действительно праздничный день. Не хотите ли лимонную дольку?

— Что?

— Засахаренную лимонную дольку. Это такие сладости, которые едят маглы, — лично мне они очень нравятся.

— Нет, благодарю вас. — Голос профессора МакГонагалл был очень холоден, словно ей совсем не казалось, что сейчас подходящее время для поедания лимонных долек. — Итак, я остановилась на том, что даже если Вы-Знаете-Кто действительно исчез...

— Мой дорогой профессор, мне кажется, что вы достаточно разумны, чтобы называть его по имени. Это полная ерунда — Вы-Знаете-Кто, Вы-Не-Знаете-Кто... Одиннадцать лет я пытаюсь убедить людей, что они не должны бояться произносить его настоящее имя — Волан-де-Морт.

Профессор МакГонагалл вздрогнула, но Дамблдор, поглощенный необходимостью разделить две слипшиеся лимонные дольки, похоже, этого не заметил.

— На мой взгляд, возникает ужасная путаница, когда мы говорим: Вы-Знаете-Кто, — продолжил он. — Никогда не понимал, почему следует бояться произносить имя Волан-де-Морта.

— Да-да, конечно. — В голосе профессора раздражение чудесным образом сочеталось с обожанием. — Но вы не такой, как все. Все знают, что вы единственный, кого Вы-Знаете-Кто — хорошо-хорошо, кого Волан-де-Морт — боялся.

— Вы мне льстите, — спокойно ответил Дамблдор. — Волан-де-Морт обладал такими силами, которые мне неподвластны.

— Только потому, что вы слишком... слишком благородны для того, чтобы использовать эти силы.

— Мне повезло, что сейчас ночь. Я не краснел так сильно с тех пор, как мадам Помфри сказала мне, что ей нравятся мои новые ушные затычки.

Взгляд профессора МакГонагалл уткнулся в Альбуса Дамблдора.

— А по сравнению с теми слухами, которые курсируют взад и вперед, стаи сов — это просто ничто. Вы знаете, о чем все говорят? Они гадают, почему он исчез? Гадает, что же наконец смогло его остановить?

Впечатление было такое, что профессор МакГонагалл наконец заговорила о том, что беспокоило ее больше всего, о том, что ей так хотелось обсудить, о том, ради чего она просидела целый день как изваяние на холодной каменной стене. И буравящий взгляд, которым она смотрела на Дамблдора, только подтверждал это. Было очевидно: несмотря на то что она знает, о чем говорят все вокруг, она не поверит в это, пока Дамблдор не скажет ей, что это правда. Однако Дамблдор, увлекшийся лимонными дольками, с ответом не торопился.

— Говорят, — настойчиво продолжила профессор МакГонагалл, — говорят, что прошлой ночью Волан-де-Морт появился в Годриковой Впадине. Что он появился там из-за Поттеров. Если верить слухам, то Лили и Джеймс Поттеры... То они... Они мертвы...

Дамблдор склонил голову, и профессор МакГонагалл судорожно втянула воздух.

— Лили и Джеймс... Не может быть... Я так не хотела в это верить... О, Альбус...

Дамблдор протянул руку и коснулся ее плеча.

— Я понимаю... — с горечью произнес он. — Я очень хорошо вас понимаю.

Когда профессор МакГонагалл снова заговорила, голос ее дрожал:

— И это еще не все. Говорят, что он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но не смог. Он не смог убить этого маленького мальчика. Никто не знает почему, никто не знает, как такое могло произойти. Но говорят, что, когда Волан-де-Морт попытался убить Гарри Поттера, его силы вдруг иссякли — и именно поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это... это правда? — запинаясь, спросила профессор МакГонагалл. — После всего, что он сделал... После того, как он убил столько из нас... он не смог убить маленького мальчика? Это просто поразительно... Если вспомнить, сколько раз его пытались остановить... Какие меры для этого предпринимались... Но каким чудом Гарри удалось выжить?

— Мы можем лишь предполагать, — ответил Дамблдор. — Возможно, мы так никогда и не узнаем правды.

Профессор МакГонагалл достала из кармана кружевной носовой платок и принялась вытирать слезы под очками. Дамблдор шумно втянул носом воздух, достал из кармана золотые часы и начал пристально их разглядывать. Это были очень странные часы. У них было двенадцать стрелок, но не было цифр — вместо цифр там были маленькие планеты, при этом они не стояли на месте, а безостановочно вращались по кругу. Однако Дамблдор прекрасно понимал, что именно показывают часы, потому что он засунул их обратно в карман и произнес:

— Хагрид задерживается. Кстати, я полагаю, именно он сказал вам, что я буду здесь?

— Да, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Но, я полагаю, вы не скажете мне, почему вы оказались именно здесь?

— Я здесь, чтобы отдать Гарри его тете и дяде. Они — единственные родственники, которые у него остались.

— Неужели вы... Неужели вы имеете в виду тех, кто живет здесь?! — вскрикнула профессор МакГонагалл, вскакивая на ноги и тыча пальцем в сторону дома номер четыре. — Дамблдор, вы этого не сделаете. Я наблюдала за ними целый день. Вы не найдете другой парочки, которая была бы так непохожа на нас. И у них есть сын — я видела, как мать везла его в коляске, а он пинал ее ногами и орал, требуя, чтобы ему купили конфету. И вы хотите, чтобы Гарри Поттер оказался здесь?!

— Для него это лучшее место, — твердо ответил Дамблдор. — Когда он повзрослеет, его тетя и дядя смогут все ему рассказать. Я написал им письмо.

— Письмо? — очень тихо переспросила профессор МакГонагалл, садясь обратно на забор. — Помилуйте, Дамблдор, неужели вы на самом деле думаете, что сможете объяснить в письме все, что случилось? Эти люди никогда не поймут Гарри! Он станет знаменитостью, даже легендой — я не удивлюсь, если сегодняшний день войдет в историю как день Гарри Поттера! О нем напишут книги, каждый ребенок в мире будет знать его имя!

— Совершенно верно, — согласился Дамблдор, очень серьезно глядя на профессора поверх своих затемненных очков. — И этого будет достаточно для того, чтобы вскружить голову любому мальчику: стать знаменитым прежде, чем он научится ходить и говорить! Он даже не будет помнить, что именно его прославило! Неужели вы не видите, насколько лучше для него самого, если он будет жить здесь, далеко от нашего мира, до тех пор, пока не вырастет и будет в состоянии справиться со своей славой?

Профессор МакГонагалл поспешно открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но, передумав, сделала глубокий вдох и перевела дыхание.

— Да... Да, конечно же вы правы. Но скажите, Дамблдор, как мальчик попадет сюда?

Она внимательно оглядела его мантию, словно ей вдруг пришло в голову, что под ней он прячет Гарри.

— Его принесет Хагрид.

— Вы думаете, это... Вы думаете, это разумно — доверить Хагриду столь ответственное задание?

— Я бы доверил ему свою жизнь, — просто ответил Дамблдор.

— Я не ставлю под сомнение его преданность вам, — неохотно выдавила из себя профессор МакГонагалл. — Но вы ведь не станете отрицать, что он небрежен и легкомыслен. Он... Что это там?

Ночную тишину нарушили приглушенные раскаты грома. Их звук становился все громче. Дамблдор и МакГонагалл стали вглядываться в темную улицу в поисках приближающегося света фар. А когда они наконец догадались поднять головы, сверху послышался рев, и с неба свалился огромный мопед. Он приземлился на Тисовой улице прямо перед ними.

Мопед был исполинских размеров, но сидевший на нем человек был еще больше. Он был почти вдвое выше обычного мужчины и по меньшей мере в пять раз шире. Попросту говоря, он был непозволительно велик, и к тому же имел дикий вид — спутанная борода и заросли черных волос практически полностью скрывали его лицо. Его ладони были размером с

крышки от мусорных баков, а обутые в кожаные сапоги ступни — величиной с маленьких дельфинов. Его гигантские мускулистые руки прижимали к груди сверток из одеял.

— Ну наконец-то, Хагрид. — В голосе Дамблдора явственно слышалось облегчение. — А где ты взял этот мопед?

— Да я его одолжил, профессор Дамблдор, — ответил гигант, осторожно слезая с мопеда. — У молодого Сириуса Блэка. А насчет ребенка — я привез его, сэр.

— Все прошло спокойно?

— Да не очень, сэр, от дома, считайте, камня на камне не осталось. Маглы это заметили, конечно, но я успел забрать ребенка, прежде чем они туда нагрянули. Он заснул, когда мы летели над Бристолем.

Дамблдор и профессор МакГонагалл склонились над свернутыми одеялами. Внутри, еле заметный в этой куче тряпья, лежал крепко спящий маленький мальчик. На лбу, чуть пониже хохолка иссиня-черных волос, был виден странный порез, похожий на молнию.

— Значит, именно сюда... — прошептала профессор МакГонагалл.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Этот шрам останется у него на всю жизнь.

— Вы ведь можете что-то сделать с ним, Дамблдор?

— Даже если бы мог, не стал бы. Шрамы могут сослужить хорошую службу. У меня, например, есть шрам над левым коленом, который представляет собой абсолютно точную схему лондонской подземки. Ну, Хагрид, давай ребенка сюда, пора покончить со всем этим.

Дамблдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслей.

— Могу я... Могу я попрощаться с ним, сэр? — спросил Хагрид.

Он нагнулся над мальчиком, заслоняя его от остальных своей кудлатой головой, и поцеловал ребенка очень колючим из-за обилия волос поцелуем. А затем вдруг завыл, как раненая собака.

— Тс-с-с! — прошипела профессор МакГонагалл. — Ты разбудишь маглов!

— П-п-простите, — прорыдал Хагрид, вытаскивая из кармана гигантский носовой платок, покрытый грязными пятнами, и пряча в нем лицо. — Но я п-п-п-просто не могу этого вынести. Лили и Джеймс умерли, а малыш Гарри, бедняжка, теперь будет жить у маглов...

— Да, да, все это очень печально, но возьми себя в руки, Хагрид, иначе нас обнаружат, — прошептала профессор МакГонагалл, робко поглаживая Хагрида по плечу.

А Дамблдор перешагнул через невысокий забор и пошел к крыльцу. Он бережно опустил Гарри на порог, достал из кармана мантии письмо, сунул его в одеяло и вернулся к поджидавшей его паре. Целую минуту все трое стояли и неотрывно смотрели на маленький сверток — плечи Хагрида сотрясались, профессор МакГонагалл яростно моргала глазами, а сияние, всегда исходившее от глаз Дамблдора, сейчас померкло.

— Что ж, — произнес на прощанье Дамблдор. — Вот и все. Больше нам здесь нечего делать. Нам лучше уйти и присоединиться к празднующим.

— Ага, — сдавленным голосом согласился Хагрид. — Я это... я, пожалуй, верну Сириусу Блэку его мопед. Доброй ночи вам, профессор МакГонагалл, и вам, профессор Дамблдор.

Смахнув катящиеся из глаз слезы рукавом куртки, Хагрид вскочил в седло мопеда, резким движением завел мотор, с ревом поднялся в небо и исчез в ночи.

— Надеюсь увидеть вас в самое ближайшее время, профессор МакГонагалл, — произнес Дамблдор и склонил голову. Профессор МакГонагалл вместо ответа лишь высморкалась.

Дамблдор повернулся и пошел вниз по улице. На углу он остановился и вытащил из кармана свою серебряную зажигалку. Он щелкнул ею всего один раз, и двенадцать фонарей снова загорелись как ни в чем не бывало, так что вся Тисовая улица осветилась оранжевым светом. В этом свете Дамблдор заметил полосатую кошку, заворачивающую за угол на другом конце улицы. А потом посмотрел на сверток, лежащий на пороге дома номер четыре.

— Удачи тебе, Гарри, — прошептал он, повернулся на каблуках и исчез, шурша мантией.

Ветер, налетевший на Тисовую улицу, шевелил аккуратно подстриженные кусты, ухоженная улица тихо спала под чернильным небом, и казалось, что если где-то и могут происходить загадочные вещи, то уж никак не здесь. Гарри Поттер ворочался во сне в своих одеялах. Маленькая ручка нащупала письмо и стиснула его. Он продолжал спать, не зная о том, что он особенный, о том, что стал знаменитостью. Не зная, что он проснется через несколько часов от крика миссис Дурсль, которая перед приходом молочника откроет дверь, чтобы выставить за нее пустые молочные бутылки. Не зная о том, что несколько следующих недель кузен Дадли будет щипать и тыкать его — да и несколько последующих лет тоже...

И еще он не знал, что в то время, пока он спал, люди, тайно либо открыто собиравшиеся по всей стране, чтобы отметить праздник, поднимали бокалы и произносили шепотом или во весь голос:

— За Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

Глава 2

ИСЧЕЗНУВШЕЕ СТЕКЛО

Почти десять лет прошло с того утра, когда Дурсли обнаружили на своем пороге невесть откуда взявшегося племянника, но Тисовая улица за это время почти не изменилась. Солнце вставало над теми же ухоженными садиками и освещало ту же самую бронзовую четверку на входной двери дома Дурслей; оно пробиралось в гостиную, оставшуюся почти неизменной с того вечера, когда мистер Дурсль смотрел по телевизору пророческий выпуск новостей.

Только стоящие на камине фотографии в рамках свидетельствовали о том, что с тех пор прошло немало времени. Десять лет назад на фотографиях было запечатлено нечто, напоминавшее большой розовый мяч в разноцветных чепчиках, но с тех пор Дадли Дурсль вырос, и теперь на фотографиях был крупный светловолосый мальчик, сидящий на своем первом велосипеде, кружащийся на ярмарочной карусели, играющий с отцом в компьютерные игры, мальчик в объятиях целующей его матери. Однако ничто на этих фотографиях не говорило о том, что в доме живет еще один ребенок

Тем не менее Гарри Поттер все еще жил здесь, и в настоящий момент он крепко спал, хотя спать ему оставалось недолго. Тетя Петунья уже проснулась и подходила к его двери, и через мгновение утреннюю тишину пререзал ее пронзительный визгливый голос:

— Подъем! Вставай! Поднимайся!

Гарри вздрогнул и проснулся. Тетя продолжала барабанить в дверь.

— Живо! — провизжала она.

Гарри услышал ее удаляющиеся шаги, а затем до него донесся звук плюхнувшейся на плиту сковородки. Он перевернулся на спину и попытался вспомнить, что же ему снилось. Это был хороший сон. В этом сне он летел по воздуху на мопеде. У него было странное ощущение, что когда-то он уже видел этот сон.

Тетя вернулась к его двери.

— Ты что, еще не встал? — настойчиво поинтересовалась она.

— Почти, — уклончиво ответил Гарри.

— Шевелись побыстрее, я хочу, чтобы ты присмотрел за беконом. И смотри, чтобы он не подгорел, — сегодня день рождения Дадли, и все должно быть идеально.

В ответ Гарри застонал.

— Что ты там говоришь? — рявкнула тетя из-за двери.

— Нет, ничего. Ничего...

День рождения Дадли — как он мог забыть? Гарри медленно выбрался из постели и огляделся в поисках носков. Он обнаружил их под кроватью и, надевая, стряхнул ползающего по ним паука. Гарри привык к паукам — их было много в чулане под лестницей, а именно в чулане было его место.

Одевшись, он пошел на кухню. Весь стол был завален приготовленными для Дадли подарками. Похоже, что Дадли подарили новый компьютер, который тот так хотел, еще один телевизор и гоночный велосипед — это не говоря обо всем прочем. Для Гарри оставалось загадкой, почему Дадли хотел гоночный велосипед, ведь кузен был очень толстым и ненавидел физические упражнения — хотя отлупить кого-нибудь он был совсем не против. Любимой «грушей» Дадли был Гарри, но Дадли далеко не всегда удавалось поймать кузена. Хотя поверить в то, что Гарри мог быстро бегать, было довольно сложно.

Возможно, именно жизнь в темном чулане привела к тому, что Гарри выглядел меньше и слабее своих сверстников. К тому же он казался еще меньше и тоньше, чем был на самом деле, потому что ему приходилось донашивать старые вещи Дадли, а Дадли был раза в четыре крупнее его, так что одежда висела на Гарри мешком. У Гарри было худое лицо, острые коленки, черные волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил круглые очки, заклеенные скотчем и только благодаря этому не разваливающиеся — Дадли сломал их, ударив Гарри по носу.

Единственное, что Гарри нравилось в собственной внешности — это тонкий шрам на лбу, напоминавший молнию. Шрам был у него с самого детства, и первый осмысленный вопрос, который он задал тете Петунье, был как раз о том, откуда у него взялся этот шрам.

— Ты получил его в автокатастрофе, в которой погибли твои родители, — отрезала тетя. — И не приставай ко мне со своими вопросами.

«Не приставай ко мне со своими вопросами» — это было первое правило, которому он должен был следовать, чтобы жить в мире с Дурслиями.

Когда Гарри переворачивал подрумянившиеся ломтики бекона, в кухню вошел дядя Вернон.

— Причешься! — рявкнул он вместо утреннего приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон смотрел на Гарри поверх газеты и кричал, что племянника надо подстричь. Наверное, Гарри стригли чаще, чем остальных его одноклассников, но это не давало никакого результата, потому что его волосы так и торчали во все стороны, к тому же они очень быстро отрастали.

К моменту когда на кухне появились Дадли и его мать, Гарри уже вылил на сковородку яйца и готовил яичницу с беконом. Дадли как две капли воды походил на своего папашу. У него было крупное розовое лицо, почти полностью отсутствовала шея, маленькие глаза были водянисто-голубыми, а густые светлые волосы аккуратно лежали на большой жирной голове. Тетя Петунья часто твердила, что Дадли похож на маленького ангела, а Гарри говорил про себя, что Дадли похож на свинью в парике.

Гарри с трудом расставил на столе тарелки с яйцами и беконом — там почти не было свободного места. Дадли в это время считал свои подарки. А когда закончил, лицо его вытянулось.

— Тридцать шесть, — произнес он грустным голосом, укоризненно глядя на отца и мать. — Это на два меньше, чем в прошлом году.

— Дорогой, ты забыл о подарке от тетушки Мардж, он здесь, под большим подарком от мамы и папы! — поспешно затараторила тетя Петунья.

— Ладно, но тогда получается всего тридцать семь. — Лицо Дадли покраснело.

Гарри, сразу заметив, что у Дадли вот-вот приключится очередной приступ ярости, начал поспешно поглощать бекон, опасаясь, как бы кузен не перевернул стол.

Тетя Петунья, очевидно, тоже почувствовала опасность.

— Мы купим тебе еще два подарка, сегодня в городе. Как тебе это, малыш? Еще два подарочка. Ты доволен?

Дадли задумался. Похоже, в голове его шла какая-то очень серьезная и сложная работа. Наконец он открыл рот.

— Значит... — медленно выговорил он. — Значит, их у меня будет тридцать... тридцать...

— Тридцать девять, мой сладенький, — поспешно вставила тетя Петунья.

— А-а-а! — Уже привставший было Дадли тяжело плюхнулся обратно на стул. — Тогда ладно...

Дядя Вернон выдавил из себя смешок.

— Этот малыш своего не упустит — прямо как его отец. Вот это парень! — Он взъерошил волосы на голове Дадли.

Тут зазвонил телефон, и тетя Петунья метнулась к аппарату. А Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дадли разворачивает тщательно упакованный гоночный велосипед, видеокамеру, самолет с дистанционным управлением, коробочки с шестнадцатью новыми компьютерными играми и видеомagneтофон.

Дадли срывал упаковку с золотых наручных часов, когда тетя Петунья вернулась к столу. Вид у нее был разозленный и вместе с тем озабоченный.

— Плохие новости, Вернон, — сказала она. — Миссис Фигг сломала ногу. Она не сможет взять

этого.

Тетя махнула рукой в сторону Гарри.

Рот Дадли раскрылся от ужаса, а Гарри ощутил, как сердце радостно подпрыгнуло у него в груди. Каждый год в день рождения Дадли Дурслей на целый день отвозили сына и его друга в Лондон, а там водили их на аттракционы, в кафе и в кино. Гарри же оставляли с миссис Фигг, сумасшедшей старухой, жившей в двух кварталах от Дурслей. Гарри ненавидел этот день. Весь дом миссис Фигг насквозь пропах кабачками, а его хозяйка заставляла Гарри любоваться фотографиями многочисленных кошек, живших у нее в разные годы.

— И что теперь? — злобно спросила тетя Петунья, с ненавистью глядя на Гарри, словно это он все подстроил.

Гарри знал, что ему следует пожалеть миссис Фигг и ее сломанную ногу, но это было непросто, потому что теперь целый год отделял его от того дня, когда ему снова придется рассматривать снимки Снежинки, мистера Лапки и Хохолка.

— Мы можем позвонить Мардж, — предложил дядя.

— Не говори ерунды, Вернон. Мардж ненавидит мальчишку.

Дурслей часто говорили о Гарри так, словно его здесь не было или словно он был настолько туп, что все равно не мог понять, что речь идет именно о нем.

— А как насчет твоей подруги? Забыл, как ее зовут... Ах, да, Ивонн.

— Она отдыхает на Майорке, — отрезала тетя Петунья.

— Вы можете оставить меня одного, — вставил Гарри, надеясь, что его предложение всем понравится и он наконец посмотрит по телевизору именно те передачи, которые ему интересны, а может быть, ему даже удастся поиграть на новом компьютере Дадли.

Вид у тети Петунии был такой, словно она проглотила лимон.

— И чтобы мы вернулись и обнаружили, что от дома остались одни руины? — прорычала она.

— Но я ведь не собираюсь взрывать дом, — возразил Гарри, но его уже никто не слушал.

— Может быть... — медленно начала тетя Петунья. — Может быть, мы могли бы взять его с собой... и оставить в машине у зоопарка...

— Я не позволю ему сидеть одному в моей новой машине! — возмутился дядя Вернон.

Дадли громко разрыдался. То есть на самом деле он вовсе не плакал, последний раз настоящие слезы лились из него много лет назад, но он знал, что стоит ему состроить жалобную физиономию и завывать, как мать сделает для него все, что он пожелает.

— Дадли, мой маленький, мой крошка, пожалуйста, не плачь, мамочка не позволит ему испортить твой день рождения! — вскричала миссис Дурсль, крепко обнимая сына.

— Я... Я не хочу... Не хоч-ч-чу, чтобы он ехал с нами! — выдавил из себя Дадли в перерывах между громкими всхлипываниями, кстати, абсолютно фальшивыми. — Он... Он всегда все по-портит!

Миссис Дурсль обняла Дадли, а тот высунулся из-за спины матери и, повернувшись к Гарри, состроил отвратительную гримасу.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— О господи, это они! — В голосе тети Петунии звучало отчаяние.

Через минуту в кухню вошел лучший друг Дадли, Пирс Полкисс, вместе со своей матерью. Пирс был костлявым мальчишкой, очень похожим на крысу. Именно он чаще всего держал жертв Дадли, чтобы они не вырывались, когда Дадли будет их лупить. Увидев друга, Дадли сразу прекратил свой притворный плач.

Полчаса спустя Гарри, не смеявший поверить в свое счастье, сидел на заднем сиденье машины Дурслей вместе с Пирсом и Дадли и впервые в своей жизни ехал в зоопарк Тетя с дядей так и не придумали, на кого его можно оставить. Но прежде чем Гарри сел в машину, дядя Вернон

отвел его в сторону.

— Я предупреждаю тебя! — угрожающе произнес он, склонившись к Гарри, и лицо его побагровело. — Я предупреждаю тебя, мальчишка, если ты что-то выкинешь, что угодно, ты просидишь в своем чулане взаперти до самого Рождества!

— Я буду хорошо себя вести! — пообещал Гарри. — Честное слово...

Но дядя Вернон не поверил ему. Ему никто никогда не верил.

Проблема заключалась в том, что с Гарри часто приключались довольно странные вещи, и было бесполезно объяснять Дурслям, что он тут ни при чем.

Однажды тетя Петунья заявила, что ей надоело, что Гарри возвращается из парикмахерской в таком виде, словно вовсе там не был. Взяв кухонные ножницы, она обкорнала его почти налысо, оставив лишь маленький хохолок на лбу, чтобы, как она выразилась, «спрятать этот ужасный шрам». Дадли весь вечер изводил Гарри глупыми насмешками, и Гарри не спал всю ночь, представляя себе, каким посмешищем он станет в школе, где над ним и так издевались из-за мешковатой одежды и заклеенных скотчем очков.

Однако на следующее утро он обнаружил, что его волосы снова успели отрасти и выглядит он точно так же, как выглядел до того, как тетя Петунья решила его подстричь. За это ему запретили целую неделю выходить из чулана, хотя он пытался заверить Дурслей, что понятия не имеет, почему волосы отросли так быстро.

В другой раз тетя Петунья пыталась заставить его надеть старый джемпер Дадли — ужасный, просто отвратительный джемпер, коричневый с оранжевыми кругами. Чем больше усилий она прикладывала, чтобы натянуть джемпер на Гарри, тем меньше он становился, и, в конце концов, съехался настолько, что с трудом налез бы на куклу, но уж никак не на Гарри. К счастью, тетя Петунья решила, что джемпер сел после стирки, и Гарри избежал наказания.

Был еще случай, когда Гарри натерпелся неприятностей из-за того, что его заметили на крыше школьной столовой. В тот день Дадли и его компания, как обычно, гонялись за Гарри, который пытался от них ускользнуть, и в какой-то момент он, к собственному удивлению — и к удивлению всех остальных, — оказался на трубе. Классная руководительница Гарри послала Дурслям гневное письмо, в котором написала, что он лазает по крыше школы.

Гарри пытался объяснить дяде Вернону что он всего лишь хотел перепрыгнуть через мусорные баки, стоявшие за столовой, и сам не понял, как оказался на крыше, но тот молча запер его в кладовке и ушел. Самому себе Гарри объяснил, что, когда он прыгал через баки, его подхватил порыв ветра — потому так все и получилось.

Но сегодня все должно было пойти просто отлично. Гарри даже не жалел о том, что находится в компании Дадли и Пирса, — ведь ему посчастливилось провести день не в школе, не в чулане и не в пропахшей кабачками гостиной миссис Фигг. А за такую возможность Гарри готов был дорого заплатить.

Всю дорогу дядя Вернон жаловался тете Петунье на окружающий мир. Он вообще очень любил жаловаться: на людей, с которыми работал, на Гарри, на совет директоров банка, с которым была связана его фирма, и снова на Гарри. Банк и Гарри были его любимыми — то есть нелюбимыми — предметами. Однако сегодня главным объектом претензий дяди Вернона стали мопеды.

— Носятся как сумасшедшие, вот мерзкое хулиганье! — проворчал он, когда их обогнал мопед.

— А мне на днях приснился мопед, — неожиданно для всех, включая себя самого, произнес Гарри, вдруг вспомнив свой сон. — Он летел по небу.

Дядя Вернон чуть не въехал в идущую впереди машину. К счастью, он успел затормозить, а потом рывком повернулся к Гарри — его лицо напоминало гигантскую свеклу с усами.

— МОПЕДЫ НЕ ЛЕТАЮТ! — проорал он.

Дадли и Пирс дружно захихикали.

— Да, я знаю, — быстро сказал Гарри. — Это был просто сон.

Он уже пожалел, что открыл рот. Дурсли терпеть не могли, когда он задавал вопросы, но еще больше они ненавидели, когда он говорил о чем-то странном, и не имело значения, был ли это

сон или он увидел что-то такое в мультфильме. Дурсли сразу начинали сходить с ума, словно им казалось, что это его собственные идеи. Совершенно лишние и очень опасные идеи.

Воскресенье выдалось солнечным, и в зоопарке было полно людей. На входе Дурсли купили Дадли и Пирсу по большому шоколадному мороженому, а Гарри достался фруктовый лед с лимонным вкусом — и то только потому, что они не успели увести его от прилавка, прежде чем улыбающаяся мороженщица, обслужив Дадли и Пирса, спросила, чего хочет третий мальчик. Но Гарри и этому был рад, он с удовольствием лизал фруктовый лед, наблюдая за чешущей голову гориллой, — горилла была вылитый Дадли, только с темными волосами.

У Гарри давно не было такого прекрасного утра. Правда, он был настороже и старался держаться чуть в стороне от Дурслей, потому что к полудню заметил, что Дадли и Пирсу уже надоело смотреть на животных, а значит, они могут решить заняться своим любимым делом — попытаться избить его. Но пока все обходилось.

Они пообедали в ресторанчике, находившемся на территории зоопарка. А когда Дадли закатил истерику по поводу слишком маленького куска торта, дядя Вернон заказал ему кусок побольше, а остатки маленького достались Гарри.

Впоследствии Гарри говорил себе, что начало дня было чересчур хорошим для того, чтобы таким же оказался и его конец.

После обеда они пошли в террариум. Там было прохладно и темно, а за освещенными окошками прятались рептилии. Там, за стеклами, ползали и скользили по камням и корягам самые разнообразные черепахи и змеи. Гарри было интересно абсолютно все, но Дадли и Пирс настаивали на том, чтобы побыстрее пойти туда, где живут ядовитые кобры и толстые питоны, способные задушить человека в своих объятиях.

Дадли быстро нашел самую большую в мире змею. Она была настолько длинной, что могла дважды обмотаться вокруг автомобиля дяди Вернона, и такой сильной, что могла раздавить его в лепешку, но в тот момент она явно была не в настроении демонстрировать свои силы. А если точнее, она просто спала, свернувшись кольцами.

Дадли прижался носом к стеклу и стал смотреть на блестящие коричневые кольца.

— Пусть она проснется, — произнес он плаксивым тоном, обращаясь к отцу.

Дядя Вернон постучал по стеклу, но змея продолжала спать.

— Давай еще! — скомандовал Дадли.

Дядя Вернон забарабанил по стеклу костяшками кулака, но змея не пошевелилась.

— Мне скучно! — завыл Дадли и поплелся прочь, громко шаркая ногами.

Гарри встал на освободившееся место перед окошком и уставился на змею. Он бы не удивился, если бы оказалось, что та умерла от скуки, ведь змея была абсолютно одна, и ее окружали лишь глупые люди, целый день стучавшие по стеклу, чтобы заставить ее двигаться. Это было даже хуже, чем жить в чулане, единственным посетителем которого была тетя Петунья, барабанящая в дверь, чтобы тебя разбудить. По крайней мере, Гарри мог выходить из чулана и бродить по всему дому.

Внезапно змея приоткрыла свои глаза-бусинки. А потом очень, очень медленно подняла голову так, что та оказалась вровень с головой Гарри.

Змея ему подмигнула.

Гарри смотрел на нее, выпучив глаза. Потом быстро оглянулся, чтобы убедиться, что никто не замечает происходящего, — к счастью, вокруг никого не было. Он снова повернулся к змее и тоже подмигнул ей.

Змея указала головой в сторону дяди Вернона и Дадли и подняла глаза к потолку. А потом посмотрела на Гарри, словно говоря: «И так каждый день».

— Я понимаю, — пробормотал Гарри, хотя и не был уверен, что змея слышит его через толстое стекло. — Наверное, это ужасно надоедает.

Змея энергично закивала головой.

— Кстати, откуда вы родом? — поинтересовался Гарри.

Змея ткнула хвостом в висевшую рядом со стеклом табличку, и Гарри тут же перевел взгляд на нее. «Боа констриктор, Бразилия», — прочитал он.

— Наверное, там было куда лучше, чем здесь?

Боа констриктор снова махнул хвостом в сторону таблички, и Гарри прочитал:

«Данная змея родилась и выросла в зоопарке».

— А понимаю, значит, вы никогда не были в Бразилии?

Змея замотала головой. В этот самый миг за спиной Гарри раздался истошный крик Пирса, Гарри и змея подпрыгнули от неожиданности.

— ДАДЛИ! МИСТЕР ДУРСЛЬ! СКОРЕЕ СЮДА, ПОСМОТРИТЕ НА ЗМЕЮ! ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, ЧТО ОНА ВЫТВОРИТ!

Через мгновение, пыхтя и отдуваясь, к окошку приковылял Дадли.

— Пошел отсюда, ты, — пробурчал он, толкнув Гарри в ребро.

Гарри, не ожидавший удара, упал на бетонный пол. Последовавшие за этим события развивались так быстро, что никто не понял, как это случилось: в первое мгновение Дадли и Пирс стояли, прижавшись к стеклу, а уже через секунду они отпрянули от него с криками ужаса.

Гарри сел и открыл от удивления рот — стекло, за которым сидел удав, исчезло. Огромная змея поспешно разворачивала свои кольца, выползая из темницы, а люди с жуткими криками выбегали из террариума.

Гарри готов был поклясться, что, стремительно проползая мимо него, змея отчетливо прошипела:

— Бразилия — вот куда я отправлюсь... С-с-спасибо, амиго...

Владелец террариума был в шоке.

— Но тут ведь было стекло, — непрестанно повторял он. — Куда исчезло стекло?

Директор зоопарка лично поднес тете Петунье чашку крепкого сладкого чая и без устали рассыпался в извинениях. Пирс и Дадли были так напуганы, что несли жуткую чушь. Гарри видел, как змея, проползая мимо них, просто притворилась, что хочет схватить их за ноги, но когда они уже сидели в машине дяди Вернона, Дадли рассказывал, как она чуть не откусила ему ногу, а Пирс клялся, что она пыталась его задушить. Но самым худшим для Гарри было то, что Пирс наконец успокоился и вдруг произнес:

— А Гарри разговаривал с ней — ведь так, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока за Пирсом придет его мать, и только потом повернулся к Гарри, которого до этого старался не замечать. Он был так разъярен, что даже говорил с трудом.

— Иди... в чулан... сиди там... никакой еды. — Это все, что ему удалось произнести, прежде чем он упал в кресло и прибежавшая тетя Петунья дала ему большую порцию бренди.

Много позже, лежа в темном чулане, Гарри пожалел, что у него нет часов. Он не знал, сколько сейчас времени, и не был уверен в том, что Дурсли уже уснули. Он готов был рискнуть и выбраться из чулана на кухню в поисках какой-нибудь еды, но только если они уже легли.

Гарри думал о том, что прожил у Дурслей почти десять лет, полных лишений и обид. Он жил у них почти всю свою жизнь, с самого раннего детства, с тех самых пор, когда его родители погибли в автокатастрофе. Он не помнил ни самой катастрофы, ни того, что он тоже был в той машине. Иногда, часами лежа в темном чулане, он пытался хоть что-то извлечь из памяти, и перед его глазами вставало странное видение: ослепительная вспышка зеленого света и обжигающая боль во лбу. Видимо, это случилось именно во время аварии, хотя он и не мог объяснить, откуда там взялся зеленый свет.

И своих родителей он тоже не мог вспомнить. Тетя и дядя никогда о них не рассказывали, и,

разумеется, ему было запрещено задавать вопросы. Фотографии его родителей в доме Дурслей отсутствовали.

Когда Гарри был младше, он часто мечтал о том, как в доме Дурслей появится какой-нибудь его родственник, далекий и неизвестный, и заберет его отсюда. Но этого так и не произошло — его единственными родственниками были Дурсли, — и Гарри перестал мечтать об этом. Но иногда ему казалось — или ему просто хотелось в это верить, — что совершенно незнакомые люди ведут себя так, словно хорошо его знают.

Надо признать, это были очень странные незнакомцы. Однажды, когда они вместе с тетей Петуньей и Дадли зашли в магазин, ему поклонился крошечный человечек в высоком фиолетовом цилиндре. Тетя Петунья тут же рассвирепела, злобно спросила Гарри, знает ли он этого коротышку, а потом схватила его и Дадли и выбежала из магазина, так ничего и не купив. А как-то раз в автобусе ему весело помахала рукой безумная с виду женщина, одетая во все зеленое. А недавно на улице к нему подошел лысый человек в длинной пурпурной мантии, пожал ему руку и ушел, не сказав ни слова. И что самое загадочное, эти люди исчезали в тот момент, когда Гарри пытался повнимательнее их рассмотреть.

Так что, если не считать этих загадочных незнакомцев, у Гарри не было никого — и друзей у него тоже не было. В школе все знали, что Дадли и его компания ненавидят этого странного Гарри Поттера, вечно одетого в мешковатое старье и разгуливающего в сломанных очках, а с Дадли предпочитали не ссориться.

В общем, Гарри был одинок на этом свете, и, похоже, ему предстояло оставаться таким же одиноким еще долгие годы. Много-много лет...

Глава 3

ПИСЬМА НЕВЕСТЬ ОТ КОГО

Гарри никогда еще так не наказывали, как за историю с бразильским удавом. Когда ему наконец разрешили выходить из чулана, уже начались летние каникулы, а Дадли уже успел сломать новую видеокамеру, разбил самолет с дистанционным управлением и, в первый раз сев на новый гоночный велосипед, умудрился врезаться в миссис Фигг, переходившую Тисовую улицу на костылях, и сбить ее с ног, так что она потеряла сознание.

Гарри был рад, что занятия в школе закончились, но зато теперь ему негде было скрыться от Дадли и его дружков, которые каждый день приходили к нему домой. И Пирс, и Деннис, и Малкольм, и Гордон — все они были здоровыми и безмозглыми, но Дадли был самым здоровым и самым безмозглым, и потому именно он считался их предводителем и решал, что будет делать вся компания. И вся компания соглашалась с тем, что следует заняться любимым спортом Дадли — охотой на Гарри.

По этой причине Гарри проводил как можно больше времени вне дома, шатаясь неподалеку и думая о том, что не так уж много времени осталось до конца каникул, откуда ему светил крошечный лучик надежды. В сентябре он должен был пойти в среднюю школу и наконец-то расстаться с Дадли. Дадли перевели в частную школу, где когда-то учился дядя Вернон, — в «Вонингс». Кстати, туда же устроили и Пирса Полкисса. А Гарри отдали в самую обычную общеобразовательную школу, в «Хай Камеронс». Дадли это показалось невероятно смешным.

— В этой школе старшекурсники в первый же день засовывают новичков головой в унитаз, — сразу же начал издеваться Дадли. — Хочешь подняться наверх и попробовать?

— Нет, спасибо, — ответил Гарри. — В многострадальный унитаз никогда не засовывали ничего страшнее твоей головы — его, бедняжку, может и стошнить.

Гарри убежал раньше, чем Дадли понял смысл сказанного.

Как-то в июле тетя Петунья повезла Дадли в Лондон, чтобы купить ему фирменную форму школы «Вонингс», а Гарри отвела к миссис Фигг. Как ни странно, теперь у миссис Фигг стало куда приятнее, чем раньше. Выяснилось, что она сломала ногу, наступив на одну из своих кошек, и с тех пор уже не пылает к ним такой страстной любовью, как прежде. Так что она не показывала Гарри фотографии кошек, и даже разрешила ему посмотреть телевизор, но зато угостила шоколадным кексом, который, судя по вкусу, пролежал у нее в шкафу по крайней мере десяток лет.

В тот вечер Дадли гордо маршировал по гостиной в новой школьной форме. Ученики «Вонингса» носили темно-бордовые фраки, оранжевые бриджи и плоские соломенные шляпы, которые называются канотье. Еще они носили узловатые палки, которыми колотили друг друга за спинами учителей. Считалось, что это хорошая подготовка к той взрослой жизни, которая начнется после школы.

Глядя на Дадли, гордо вышагивающего в своей новой форме, дядя Вернон ужасно растрогался и ворчливым голосом — ворчал он притворно, пряча свои эмоции, — заметил, что это самый прекрасный момент в его жизни. Что же касается тети Петуньи, то она не стала скрывать своих чувств и разрыдалась, а потом воскликнула, что никак не может поверить в то, что этот взрослый красавец — ее крошка сыночек, ее миленькая лапочка. А Гарри даже боялся открыть рот. Он изо всех сил сдерживал смех, но тот так распирал его, что мальчику казалось, что у него вот-вот треснут ребра и хохот вырвется наружу.

Когда на следующее утро Гарри зашел на кухню позавтракать, там стоял ужасный запах. Как оказалось, он исходил из огромного металлического бака, стоявшего в мойке. Гарри подошел поближе. Бак был наполнен серой водой, в которой плавало нечто похожее на грязные тряпки.

— Что это? — спросил он тетю Петунью.

Тетя поджала губы — она всегда так делала, когда Гарри осмеливался задать ей вопрос.

— Твоя новая школьная форма.

Гарри снова заглянул в бак

— Ну да, конечно, — произнес он. — Я просто не догадался, что ее обязательно нужно намочить.

— Не строй из себя дурака, — отрезала тетя Петунья. — Я специально крашу старую форму Дадли в серый цвет. Когда я закончу, она будет выглядеть как новенькая.

Гарри никак не мог в это поверить, но решил, что лучше не спорить. Он сел за стол, стараясь не думать о том, как будет выглядеть в свой первый день в «Хай Камеронсе» — наверное, так, словно вырядился в обрывки полусгнившей шкуры мамонта.

В кухню вошли Дадли и дядя Вернон, и оба сразу сморщили носы — запах новой школьной формы Гарри им явно не понравился. Дядя Вернон, как обычно, погрузился в чтение газеты, а Дадли принялся стучать по столу форменной узловатой палкой, которую он теперь повсюду таскал с собой.

Из коридора донеслись знакомые звуки — почтальон просунул почту в специально сделанную в двери щель, и она упала на лежавший в коридоре коврик.

— Принеси почту, Дадли, — буркнул дядя Вернон из-за газеты.

— Пошли за ней Гарри.

— Гарри, принеси почту.

— Пошлите за ней Дадли, — ответил Гарри.

— Ткни его своей палкой, Дадли, — посоветовал дядя Вернон.

Гарри увернулся от палки и пошел в коридор. На коврике лежали открытка от сестры дяди Вернона по имени Мардж, отдыхавшей на острове Уайт, коричневый конверт, в котором, судя по всему, лежал счет, и письмо для Гарри.

Гарри поднял его и начал внимательно рассматривать, чувствуя, как у него внутри все напряглось и задрожало, как натянутая тетива лука. Никто ни разу никогда в жизни не писал ему писем. Да и кто мог ему написать? У него не было друзей, у него не было других родственников, он даже не был записан в библиотеку, из которой ему могло бы прийти по почте грубое послание с требованием немедленно вернуть книги. Однако сейчас он держал в руках письмо, и на нем стояло не только его имя, но и адрес. Так что сомнений, что письмо адресовано именно ему, не было.

«Мистеру Г. Поттеру, графство Суррей, город Литтл Уингинг, улица Тисовая, дом четыре, чулан под лестницей» — вот что было написано на конверте.

Конверт, тяжелый и толстый, был сделан из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелеными чернилами. Марка на конверте отсутствовала.

Дрожащей рукой Гарри перевернул конверт и увидел, что он запечатан пурпурной восковой печатью, украшенной гербом, на гербе были изображены лев, орел, барсук и змея, а в середине — большая буква «Х».

— Давай поживее, мальчишка! — крикнул из кухни дядя Вернон. — Что ты там копаешься? Проверяешь, нет ли в письмах взрывчатки?

Дядя Вернон расхохотался собственной шутке.

Гарри вернулся в кухню, все еще разглядывая письмо. Он протянул дяде Вернону счет и открытку, сел на свое место и начал медленно вскрывать желтый конверт.

Дядя Вернон одним движением разорвал свой конверт, вытащил из него счет, недовольно засопел и начал изучать открытку.

— Мардж заболела, — проинформировал он тетю Петунью. — Съела какое-то экзотическое местное блюдо и...

— Пап! — внезапно крикнул Дадли. — Пап, Гарри тоже что-то получил!

Гарри уже собирался развернуть письмо, написанное на том же пергаменте, из которого был сделан конверт, когда дядя Вернон вырвал бумагу из его рук.

— Это мое! — возмутился Гарри, пытаясь завладеть бумагой.

— И кто, интересно, будет тебе писать? — презрительно фыркнул дядя Вернон, разворачивая

письмо и бросая на него взгляд. Его красное лицо вдруг стало зеленым, причем быстрее, чем меняются цвета на светофоре. Но на этом дело не кончилось. Через несколько секунд лицо его стало серовато-белым, как засохшая овсяная каша.

— П-П-Петунья! — заикаясь, выдохнул он.

Дадли попытался вырвать у него письмо, но дядя Вернон поднял его над собой, чтобы Дадли не смог дотянуться. Подошедшая Петунья, большая любительница сплетен и слухов, взяла у мужа письмо и прочла первую строчку. На мгновение всем показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Тетя схватилась за горло и втянула воздух с таким звуком, словно задыхалась.

— Вернон! О боже, Вернон!

Тетя и дядя смотрели друг на друга, кажется, позабыв о том, что на кухне сидят Гарри и Дадли. Правда, абстрагироваться надолго им не удалось, потому что Дадли не выносил, когда на него не обращали внимания. Он сильно стукнул отца по голове своей узловатой палкой.

— Я хочу прочитать письмо! — громко заявил Дадли.

— Это я хочу прочитать письмо, — возмущенно возразил Гарри. — Это мое письмо.

— Пошли прочь, вы оба, — прокаркал дядя Вернон, запихивая письмо обратно в конверт.

Гарри не двинулся с места.

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЕ ПИСЬМО! — прокричал он.

— Дайте мне его посмотреть! — заорал Дадли.

— ВОН! — взревел дядя Вернон и, схватив за шиворот сначала Дадли, а потом Гарри, выволок их в коридор и захлопнул за ними дверь кухни.

Гарри и Дадли тут же устроили яростную, но молчаливую драку за место у замочной скважины — выиграл Дадли, и Гарри, не замечая, что очки повисли на одной дужке, улегся на пол, прикладывая ухо к узенькой полоске свободного пространства между полом и дверью.

— Вернон, — произнесла тетя Петунья дрожащим голосом. — Вернон, посмотри на адрес, как они могли узнать, где он спит? Ты не думаешь, что они следят за домом?

— Следят... даже шпионят... а может быть, даже ходят за нами по пятам, — пробормотал дядя Вернон, который, кажется, был на грани помешательства.

— Что нам делать, Вернон? Может быть, следует им ответить? Написать, что мы не хотим...

Гарри видел, как блестящие туфли дяди Вернона ходят по кухне взад и вперед.

— Нет, — наконец ответил дядя Вернон. — Нет, мы просто проигнорируем это письмо. Если они не получают ответ... Да, это лучший выход из положения... Мы просто ничего не будем предпринимать...

— Но...

— Мне не нужны в доме такие типы, как они, ты поняла, Петунья?! Когда мы взяли его, разве мы не поклялись, что искореним всю эту опасную чепуху?!

В тот вечер, вернувшись с работы, дядя Вернон совершил нечто такое, чего раньше никогда не делал, — он пришел к Гарри в чулан.

— Где мое письмо? — спросил Гарри, как только дядя Вернон протиснулся в дверь. — Кто мне его написал?

— Никто. Оно было адресовано тебе по ошибке, — коротко пояснил дядя Вернон. — Я его сжег.

— Не было никаких ошибок, — горячо возразил Гарри. — Там даже было написано, что я живу в чулане.

— ТИХО ТЫ! — проревел дядя Вернон, и от его крика с потолка упало несколько пауков. Дядя Вернон сделал несколько глубоких вдохов, а затем попытался улыбнуться, однако это далось

ему с трудом, и улыбка получилась достаточно болезненной. — Э-э-э... кстати, Гарри, насчет этого чулана. Твоя тетя и я тут подумали... Ты слишком вырос, чтобы и дальше жить здесь... Мы подумали, будет лучше, если ты переберешься во вторую спальню Дадли.

— Зачем? — спросил Гарри.

— Не задавай вопросов! — рявкнул дядя Вернон. — Собирай свое барахло и тащи его наверх, немедленно!

В доме Дурслей было четыре спальни — одна для дяди Вернона и тети Петуньи, одна для гостей (обычно в роли гостя выступала сестра дяди Вернона Мардж), одна, где спал Дадли, и еще одна, в которой Дадли хранил те игрушки и вещи, которые не помещались в его первой спальне. Гарри же хватило всего одного похода наверх, чтобы перенести все свои вещи из чулана. И теперь он сидел на кровати и осматривался.

Почти всё в этой комнате было поломано. Подаренная Дадли всего месяц назад, но уже неработающая видеокамера лежала на маленьком заводном танке, пострадавшем от столкновения с соседской собакой, на которую его направил Дадли. В углу стоял первый телевизор Дадли, который тот разбил ударом ноги, когда отменили показ его любимой передачи. В другом углу стояла огромная клетка, в которой когда-то жил попугай и которого Дадли обменял на духовое ружье — а ружье лежало рядом, и дуло его было безнадежно погнуто, потому что Дадли как-то раз на него сел. Единственное, что в этой комнате выглядело новым, так это стоявшие на полках книги, — создавалось впечатление, что до них никогда не дотрагивались.

Снизу доносились вопли Дадли.

— Я не хочу, чтобы он там спал!.. Мне нужна эта комната!.. Пусть он убирается оттуда!..

Гарри вздохнул и лег на кровать. Вчера он отдал бы все на свете за то, чтобы оказаться здесь. Сегодня он предпочел бы оказаться в чулане со своим письмом, чем здесь, но без письма.

На другое утро за завтраком все сидели какие-то очень притихшие. А Дадли вообще пребывал в состоянии шока. Накануне он орал во все горло, колотил отца новой дубинкой, давился, пинал мать и подкидывал вверх свою черепаху, разбив ею стеклянную крышу оранжереи, но ему так и не вернули его вторую комнату. Что касается Гарри, то он вспоминал вчерашнее утро и жалел о том, что не распечатал свое письмо, пока был в коридоре. Дядя Вернон и тетя Петунья обменивались мрачными взглядами.

Когда за дверью послышались шаги почтальона, дядя Вернон, все утро пытавшийся быть очень внимательным и вежливым по отношению к Гарри, потребовал, чтобы за почтой сходил Дадли. Из кухни было слышно, как тот идет к двери, стуча своей палкой по стенам и вообще по всему, что попадалось ему на пути. А затем донесся его крик:

— Тут еще одно! «Мистеру Г. Поттеру, дом четыре по улице Тисовая, самая маленькая спальня».

Дядя Вернон со сдавленным криком вскочил и метнулся в коридор. Гарри рванул за ним. Дяде Вернону пришлось повалить Дадли на землю, чтобы вырвать у него из рук письмо, а это оказалось непросто, потому что Гарри сзади обхватил дядю Вернона за шею. После непродолжительной, но жаркой схватки, в которой каждый получил по несколько ударов узловатой палкой, дядя Вернон распрямился, тяжело дыша, но зато сжимая в руке письмо, адресованное Гарри.

— Иди в свой чулан... я хотел сказать, в свою спальню, — прохрипел он, обращаясь к Гарри. — И ты, Дадли... уйди отсюда, просто уйди.

Гарри долго мерил шагами спальню. Кто-то знал, что он переехал сюда из чулана. И еще этот кто-то знал, что он не получил первое письмо. И все это означало, что этот кто-то попытается передать ему еще одно письмо. И на этот раз Гарри собирался его получить. Потому что у него родился план.

Дышащий на ладан будильник, благодаря Дадли неоднократно побывавший в мастерской, зазвонил ровно в шесть часов. Гарри поспешно выключил его и быстро оделся, стараясь не шуметь, чтобы ни в коем случае не разбудить семейство Дурслей. Он бесшумно вышел из своей комнаты и, крадучись, пошел вниз в полной темноте — включать свет было опасно.

План его заключался в том, чтобы выйти из дома, встать на углу Тисовой улицы и дожждаться

появления почтальона, чтобы первым забрать письма. А сейчас он крался по темному коридору, его сердце отчаянно прыгало в груди, и...

— А-А-А-А!

Гарри буквально взлетел в воздух, потому что наступил на что-то большое и мягкое, лежавшее на коврике у входной двери. На что-то... живое!

Наверху зажегся свет, и Гарри с ужасом увидел, что этим большим и мягким было лицо дяди Вернона. Мистер Дурсль лежал у входной двери в спальном мешке. Не оставалось сомнений, что он сделал так именно для того, чтобы не дать Гарри осуществить задуманное. И, что тоже было несомненно, он вовсе не рассчитывал, что на него наступят.

После получасовых воплей дядя Вернон велел Гарри сделать ему чашку чая. Гарри грустно поплелся на кухню, а когда вернулся с чаем, почту уже принесли, и теперь она лежала за пазухой у дяди Вернона. Гарри отчетливо видел три конверта с надписями, сделанными изумрудно-зелеными чернилами.

— Я хочу... — начал было он, но дядя Вернон достал письма и разорвал их на мелкие кусочки прямо у него на глазах.

В тот день дядя Вернон не пошел на работу. Он остался дома и намертво заколотил щель для писем.

— Видишь ли, — объяснял он тете Петунье сквозь зажатые в зубах гвозди, — если они не смогут доставлять свои письма, они просто сдадутся.

— Я не уверена, что это поможет, Вернон.

— О, у этих людей странная логика, Петунья. Они не такие, как мы с тобой, — ответил дядя Вернон, пытаясь забить гвоздь куском фруктового кекса, только что принесенного ему тетей Петуньей.

В пятницу для Гарри принесли не меньше дюжины писем. Так как они не пролезали в заколоченную щель для писем, их просунули под входную дверь, а несколько штук протолкнули сквозь маленькое окошко в туалете на первом этаже.

Дядя Вернон снова остался дома. Он сжег все письма, а потом достал молоток и гвозди и заколотил парадную и заднюю двери, чтобы никто не смог выйти из дома. Работая, он что-то напевал себе под нос и испуганно вздрагивал от любых посторонних звуков.

В субботу ситуация начала выходить из-под контроля. Несмотря на усилия дяди Вернона, в дом попали целых двадцать четыре письма для Гарри — кто-то свернул их и засунул в две дюжины яиц, которые молочник передал тете Петунье через окно гостиной. Молочник не подозревал о содержимом яиц, но был крайне удивлен, что в доме заколочены двери. Пока дядя Вернон судорожно звонил на почту и в молочный магазин и искал того, кому можно пожаловаться на случившееся, тетя Петунья засунула письма в кухонный комбайн и перемолола их на мелкие кусочки.

— Интересно, кому это так сильно понадобилось пообщаться с тобой? — изумленно спросил Дадли, обращаясь к Гарри.

В воскресенье утром дядя Вернон выглядел утомленным и немного больным, но зато счастливым.

— По воскресеньям — никакой почты, — громко заявил он с довольной улыбкой, намазывая джемом свою газету. — Сегодня — никаких чертовых писем...

Он не успел договорить, как что-то засвистело в дымоходе и ударило дядю Вернона по затылку. В следующую секунду из камина со скоростью пули вылетели тридцать или даже сорок писем. Дурсли инстинктивно пригнулись, и письма просвистели у них над головами, а Гарри подпрыгнул, пытаясь схватить хотя бы одно из них.

— Вон! ВОН! — Дядя Вернон поймал Гарри в воздухе, потащил к двери и вышвырнул в коридор. Затем из комнаты выбежали тетя Петунья и Дадли, закрывая руками лица, за ними выскочил дядя Вернон, захлопнув за собой дверь. Слышно было, как в комнату продолжают падать письма, они стучали по полу и стенам, отлетая от них рикошетом.

— Ну всё, — значимо и весомо произнес дядя Вернон. Он старался говорить спокойно, хотя на

самом деле нервно выщипывал из усов целые пучки волос. — Через пять минут я жду вас здесь — готовыми к отъезду. Мы уезжаем, так что быстро соберите необходимые вещи — и никаких возражений!

Он выглядел таким разъяренным и опасным, особенно после того, как выдрал себе пол-уса, что возражать никто не осмелился. Десять минут спустя дядя Вернон, взломав забитую досками дверь, вывел всех к машине, и автомобиль рванул в сторону скоростного шоссе. На заднем сиденье обиженно сопел Дадли — отец отвесил ему затрещину за то, что он слишком долго возился. А Дадли всего лишь пытался втиснуть в свою спортивную сумку телевизор, видеомагнитофон и компьютер.

Они ехали. Ехали все дальше и дальше. Даже тетя Петунья не решалась спросить, куда они направляются. Несколько раз дядя Вернон делал крутой вираж, и какое-то время машина двигалась в обратном направлении. А потом снова следовал резкий разворот.

— Сбить их со следа... сбить их со следа, — всякий раз бормотал дядя Вернон.

Они ехали целый день, не сделав ни единой остановки для того, чтобы хоть что-нибудь перекусить. Когда стемнело, Дадли начал скулить. У него в жизни не было такого плохого дня. Он был голоден, он пропустил пять телевизионных программ, которые собирался посмотреть, и он никогда еще не делал таких долгих перерывов между компьютерными сражениями с пришельцами и чудовищами.

Наконец дядя Вернон притормозил у мрачной гостиницы на окраине большого города. Дадли и Гарри выделили одну комнату на двоих — в ней были две двуспальные кровати, застеленные влажными, пахнущими плесенью простынями. Дадли тут же захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, глядя вниз на огни проезжающих мимо машин и думая, гадая, мечтая...

На завтрак им подали заплесневелые кукурузные хлопья и кусочки поджаренного хлеба с кислыми консервированными помидорами. Но не успели они съесть этот нехитрый завтрак, как к столу подошла хозяйка гостиницы.

— Я извиняюсь, но нет ли среди вас мистера Г. Поттера? Тут для него письма принесли, целую сотню. Они там у меня, у стойки портье.

Она протянула им конверт, на котором зелеными чернилами было написано:

«Мистеру Г. Поттеру, город Коукворт, гостиница «У железной дороги», комната 17».

Гарри попытался схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Хозяйка гостиницы застыла, ничего не понимая.

— Я их заберу, — сказал дядя Вернон, быстро вставая из-за стола и удаляясь вслед за хозяйкой.

— Дорогой, не лучше ли нам будет вернуться? — робко поинтересовалась тетя Петунья спустя несколько часов, но дядя Вернон, похоже, ее не слышал.

Никто не знал, куда именно они едут. Дядя Вернон завез их в чащу леса, вылез из машины, огляделся, потряс головой, сел обратно, и они снова двинулись в путь. То же самое случилось посреди распаханного поля, на подвесном мосту и на верхнем этаже многоярусной автомобильной парковки.

— Папа сошел с ума, да, мам? — грустно спросил Дадли после того, как днем дядя Вернон оставил автомобиль на побережье, запер их в машине, а сам куда-то исчез.

Начался дождь. Огромные капли стучали по крыше машины. Дадли шмыгнул носом.

— Сегодня понедельник, — запричитал он. — Сегодня вечером показывают шоу великого Умберто. Я хочу, чтобы мы остановились где-нибудь, где есть телевизор.

«Значит, сегодня понедельник», — подумал про себя Гарри, вспоминая кое о чем. Если *сегодня* был понедельник — а в этом Дадли можно было доверять, он всегда знал, какой сегодня день, благодаря телевизионной программе, — значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать лет. Конечно, нельзя сказать, что у него были веселые дни рождения, — например, в прошлом году Дурсли подарили ему вешалку для куртки и пару старых носков дяди Вернона. Так что и в этом году от дня рождения ничего особенного ждать не стоило. Но все же не каждую неделю тебе исполняется одиннадцать.

Дядя Вернон вернулся к машине, по лицу его блуждала непонятная улыбка. В руках он держал длинный сверток, и когда тетя Петунья спросила, что это он там купил, он ничего не ответил.

— Я нашел превосходное место! — объявил дядя Вернон. — Пошли! Все вон из машины!

На улице было очень холодно. Дядя Вернон указал пальцем на огромную скалу посреди моря. На вершине скалы приютилась самая убогая хижина, какую только можно было представить. Понятно, что ни о каком телевизоре не могло быть и речи.

— Сегодня вечером обещают шторм! — радостно сообщил дядя Вернон, хлопнув в ладоши. — А этот джентльмен любезно согласился одолжить нам свою лодку.

Дядя Вернон кивнул на семенящего к ним беззубого старика, который злорадно ухмылялся, показывая на старую лодку, прыгающую на серых, отливающих сталью волнах.

— Я уже запасся кое-какой провизией, — произнес дядя Вернон. — Так что теперь — все на борт!

В лодке было еще холоднее, чем на берегу. Ледяные брызги и капли дождя забирались за шиворот, а арктический ветер хлестал в лицо. Казалось, что прошло несколько часов, прежде чем они доплыли до скалы, а там дядя Вернон, поскальзываясь на камнях и с трудом удерживая равновесие, повел их к покосившемуся домику.

Внутри был настоящий кошмар — сильно пахло морскими водорослями, сквозь дыры в деревянных стенах внутрь с воем врвался ветер, а камин был отсыревшим и пустым. Вдобавок ко всему в домике было лишь две комнаты.

Приобретенная дядей Верноном провизия поразила всех — четыре пакетика чипсов и четыре банана. После еды — если это можно было назвать едой — дядя Вернон попытался разжечь огонь с помощью пакетиков из-под чипсов, но те не желали загораться и просто съежились, заполнив комнату едким дымом.

— Надо было забрать из гостиницы все эти письма — вот бы они сейчасгодились, — весело заметил дядя Вернон.

Дядя пребывал в очень хорошем настроении. Очевидно, он решил, что из-за шторма до них никто не доберется, так что писем больше не будет. Гарри в глубине души был с ним согласен, хотя его эта мысль совершенно не радовала.

Как только стемнело, начался обещанный шторм. Брызги высоких волн стучали в стены домика, а усиливающийся ветер неистово ломился в грязные окна. Тетя Петунья нашла в углу одной из комнат покрытые плесенью одеяла и устроила Дадли постель на изъеденной молю софе. Они с дядей Верноном ушли во вторую комнату, где стояла огромная продавленная кровать, а Гарри пришлось улечься на пол, накрывшись самым тонким и самым рваным одеялом.

Ураган крепчал и становился все яростнее, а Гарри не мог заснуть. Он поеживался от холода и переворачивался с боку на бок, стараясь устроиться поудобнее, а в животе у него урчало от голода. Дадли захрапел, но его храп заглушали низкие раскаты грома: началась гроза.

У Дадли были часы со светящимся циферблатом, и когда его жирная рука выскользнула из-под одеяла и повисла над полом, Гарри увидел, что через десять минут ему исполнится одиннадцать лет. Он лежал и смотрел, как бежит по кругу секундная стрелка, приближая его день рождения, и спрашивал себя, вспомнят ли Дурсли об этой дате. Но еще больше его интересовало, где сейчас был тот, кто посылал ему письма.

До начала следующего дня оставалось пять минут. Гарри отчетливо услышал, как снаружи что-то закрипело. Ему хотелось верить, что крыша домика выдержит атаку дождя и ветра и не провалится внутрь, хотя, возможно, так стало бы теплее — все равно хуже, чем сейчас, быть уже не могло.

Часы Дадли показывали без четырех двенадцать. Гарри подумал, что, когда они вернутся на Тисовую улицу, вполне возможно, в доме будет столько писем, что ему удастся стащить хотя бы одно.

Без трех двенадцать. Снаружи раздался непонятный звук, словно море громко хлестнуло по скале. А еще через минуту до Гарри донесся громкий треск — наверное, это упал в море большой камень.

Еще одна минута, и наступит день его рождения. Тридцать секунд... двадцать... десять... девять... Может, имеет смысл разбудить Дадли, просто для того чтобы его позлить? Три секунды... две... одна...

БУМ!

Хижина задрожала, Гарри резко сел на полу, глядя на дверь. За ней кто-то стоял и громко стучал, требуя, чтобы его впустили. Но кто?

Глава 4

ХРАНИТЕЛЬ КЛЮЧЕЙ

БУМ! — снова раздался грохот.

Дадли вздрогнул и проснулся.

— Где пушка? — с глупым видом спросил он.

Позади них громко хлопнула дверь, отделявшая одну комнату от другой, и появился тяжело дышавший дядя Вернон. В руках у него было ружье — так что теперь стало ясно, что лежало в том длинном пакете, о содержимом которого он никому не рассказал.

— Кто там? — крикнул дядя Вернон. — Предупреждаю, я вооружен!

За дверью все стихло. И вдруг...

ТРАХ!

В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным треском приземлилась посреди комнаты.

В дверном проеме стоял великан. Его лицо скрывалось за длинными спутанными прядями волос и огромной клочковатой бородой, но зато были видны его глаза, маленькие и блестящие, как черные жуки.

Великан протиснулся в хижину и пригнулся, но голова его все равно касалась потолка — уж слишком он был велик. Он наклонился, поднял дверь и легко поставил ее на место. Грохот урагана, доносившийся снаружи, сразу стал потише. Великан повернулся и внимательно оглядел всех, кто был в хижине.

— Ну чего, может, чайку сделаете, а? Непросто до вас добраться, да... устал я...

Великан шагнул к софе, на которой сидел застывший от страха Дадли.

— Ну-ка подвинься, пузырь, — приказал незнакомец.

Дадли взвизгнул и, соскочив с софы, рванулся к вышедшей из второй комнаты матери и спрятался за нее. Тетя Петунья в свою очередь шагнула за спину дяди Вернона и пугливо пригнулась, словно надеялась, что за мужем ее не будет видно.

— А вот и наш Гарри! — удовлетворенно произнес великан.

Гарри всмотрелся в свирепое, страшное лицо, скрытое волосами, и увидел, что глаза-жуки сузились в улыбке.

— Когда я видел тебя в последний раз, ты совсем маленьким был, — сообщил великан. — А сейчас вон как вырос — и вылитый отец, ну один в один просто. А глаза материны.

Дядя Вернон издал какой-то странный звук, похожий на скрип, и шагнул вперед.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинули этот дом, сэр! — заявил он. — Вы взломали дверь и вторглись в чужие владения!

— Да заткнись ты, Дурсль!

Великан протянул руку и, выдернув ружье из рук дяди Вернона, с легкостью завязал его в узел, словно оно было резиновое, а потом швырнул его в угол.

Дядя Вернон пискнул, как мышь, которой наступили на хвост.

— Да... Гарри, — произнес великан, поворачиваясь спиной к Дурслям. — С днем рождения тебя, вот. Я тут тебе принес кой-чего... Может, там помялось слегка, я... э-э... сел на эту штуку по дороге... но вкус-то от этого не испортился, да?

Великан запустил руку во внутренний карман черной куртки и извлек оттуда немного помятую коробку. Гарри взял ее дрожащими от волнения руками и поспешно открыл, хотя пальцы плохо слушались его. Внутри был большой липкий шоколадный торт, на котором

зеленым кремом было написано: «С днем рождения, Гарри!»

Гарри посмотрел на великана. Он хотел поблагодарить его за подарок, но слова благодарности потерялись по пути ко рту, и вместо этого он сказал совсем другое:

— Вы кто?

Великан хохотнул.

— А ведь точно, я и забыл представиться. Рубеус Хагрид, смотритель и хранитель ключей Хогвартса.

Он протянул огромную ладонь и, обхватив руку Гарри, энергично потряс ее.

— Ну так чего там с чаем? — спросил он, потирая руки. — Я... э-э... и от чего-нибудь покрепче не отказался бы, если... э-э... у вас есть.

Взгляд великана упал на пустой камин, в котором тоскливо лежали сморщенные пакетики из-под чипсов. Великан презрительно фыркнул и нагнулся над камином — никто не видел, что он там делает, но когда через секунду великан отодвинулся, в камине полыхал яркий огонь. Мерцающий свет залил сырую хижину, и Гарри сразу почувствовал себя так, словно залез в горячую ванну.

Гигант сел обратно на софу, прогнувшуюся под его весом, и начал опорожнять карманы, которых в его куртке было великое множество. На софе появились медный чайник, мятая упаковка сосисок, чайник для заварки, кочерга, несколько кружек с выщербленными краями и бутылка с какой-то янтарной жидкостью, к которой он приложился, прежде чем приступить к работе. Вскоре хижина наполнилась запахом жарящихся сосисок, весело шипящих на огне. Никто не двинулся с места и не сказал ни слова, пока великан готовил еду, но как только он снял с кочерги шесть нанизанных на нее сосисок — жирных, сочных, чуть подгоревших сосисок, — Дадли беспокойно завертелся.

— Что бы он ни предложил, Дадли, я запрещаю тебе это брать, — резко произнес дядя Вернон.

Великан мрачно усмехнулся.

— Да ты чего разволновался-то, Дурсль? — насмешливо спросил он. — Да мне б и в голову не пришло его кормить — вон он у тебя жирный-то какой.

Он протянул сосиски Гарри, который был так голоден, что проглотил их в мгновение ока, думая о том, что в жизни не ел ничего вкуснее. Но даже наслаждаясь сосисками, он не сводил глаз с великана. И наконец решил задать вопрос, который, кроме него, кажется, никто задавать не собирался.

— Извините, но я до сих пор не знаю, кто вы такой, — вежливо произнес Гарри.

Великан сделал глоток чая и вытер рукой блестящие от жира губы.

— Зови меня Хагрид, — просто ответил он. — Меня так все зовут. А вообще я ж тебе уже вроде все про себя рассказал — я хранитель ключей в Хогвартсе. Ты, конечно, знаешь, что это за штука такая, Хогвартс?

— Э-э-э... Вообще-то нет, — робко выдавил из себя Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно его обдали холодной водой.

— Извините, — быстро сказал Гарри.

— Извините?! — рявкнул Хагрид и повернулся к Дурслям, которые спрятались в тень. — Это им надо извиняться! Я... э-э... знал, что ты наших писем не получил, но чтобы ты вообще про Хогвартс не слышал? Не любопытный ты, выходит, коль ни разу не спросил, где родители твои всему научились...

— Научились чему? — непонимающе переспросил Гарри.

— ЧЕМУ?! — прогрохотал Хагрид, вскакивая на ноги. — Ну-ка погоди, разберемся сейчас!

Казалось, разъяренный великан стал еще больше и заполнил собой всю хижину. Дурсли съежились от страха у дальней стены.

— Вы мне тут чего хотите сказать? — прорычал он, обращаясь к Дурслям. — Что этот мальчик — этот мальчик! — ничегошеньки и не знает о том, что... Ничего не знает **ВООБЩЕ**?

Гарри решил, что великан зашел слишком далеко. В конце концов он ходил в школу и не так уж плохо учился.

— Кое-что я знаю, — заявил он. — Математику, например, и всякие другие вещи.

Но Хагрид просто отмахнулся от него.

— Я ж не об этом... а о том, что ты о нашем мире ничего не знаешь. О твоём мире. О моём мире. О мире твоих родителей.

— Каком мире? — непонимающе переспросил Гарри.

У Хагрида был такой вид, словно он вот-вот взорвется.

— **ДУРСЛЬ!** — прогремел он.

Дядя Вернон, побледневший от ужаса, что-то неразборчиво прошептал. Хагрид отвернулся от него и посмотрел на Гарри полубезумным взглядом.

— Но ты же знаешь про своих родителей... ну, кто они были? — с надеждой спросил он. — Да точно знаешь, не можешь ты не знать... к тому же они не абы кто были, а люди известные. И ты... э-э... знаменитость.

— Что? — Гарри не верил своим ушам. — Разве мои мама и папа... разве они были известными людьми?

— Значит, ты не знаешь... Ничегошеньки не знаешь... — Хагрид дергал себя за бороду, глядя на Гарри изумленным взглядом.

— Ты чего, не знаешь даже, кто ты такой есть? — наконец спросил он.

Дядя Вернон внезапно обрел дар речи.

— Прекратите! — скомандовал он. — Прекратите немедленно, сэр! Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику!

Хагрид посмотрел на него с такой яростью, что даже куда более храбрый человек, чем дядя Вернон, сжался бы под этим взглядом. А когда Хагрид заговорил, то казалось, что он делает ударение на каждом слове.

— Вы что, никогда ему ничего не говорили, да? Никогда не говорили, что в том письме было, которое Дамблдор написал? Я ж сам там был, у дома вашего, этими вот глазами видел, как Дамблдор письмо в одеяло положил! А вы, выходит, за столько лет ему так и не рассказали ничего, прятали все от него, да?

— Прятали от меня что? — поспешно поинтересовался Гарри.

— **ПРЕКРАТИТЕ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ!** — нервно заверещал дядя Вернон.

Тетя Петунья глубоко вдохнула воздух с таким видом, словно ужасно боялась того, что последует за этими словами.

— Эй, вы, пустые головы, сходите вон проветритесь, может, полегчает, — посоветовал им Хагрид, поворачиваясь к Гарри. — Короче так, Гарри, ты волшебник, понял?

В доме воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь отдаленным шумом моря и приглушенным свистом ветра.

— Я кто? — Гарри почувствовал, что у него отвисла нижняя челюсть.

— Ну, ясное дело кто — волшебник ты. — Хагрид сел обратно на софу, которая протяжно застонала и просела еще ниже. — И еще какой! А будешь еще лучше... когда немного... э-э... подучишься, да. Кем ты еще мог быть, с такими-то родителями? И вообще пора тебе письмо свое прочитать.

Гарри протянул руку и наконец-то, после стольких ожиданий, в ней оказался желтоватый конверт, на котором изумрудными чернилами было написано, что данное письмо адресовано

мистеру Поттеру, который живет в хижине, расположенной на скале посреди моря, и спит на полу. Гарри вскрыл конверт, вытащил письмо и прочитал:

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «ХОГВАРТС»

Директор: Альбус Дамблдор

(Кавалер ордена Мерлина I степени,

Великий волш., Верх. чародей, Президент

Международной конфед. магов)

Дорогой мистер Поттер!

Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенным к данному письму списком необходимых книг и предметов.

Занятия начинаются 1 сентября. Ждем вашу сову не позднее 31 июля.

Искренне Ваша,

Минерва МакГонагалл,

заместитель директора

Гарри показалось, что у него в голове устроили фейерверк. Вопросы, один ярче и жарче другого, взлетали в воздух и падали вниз, а Гарри все никак не мог решить, какой задать первым. Прошло несколько минут, прежде чем он неуверенно выдавил из себя:

— Что это значит: они ждут мою сову?

— Клянусь Горгоной, ты мне напомнил кое о чем, — произнес Хагрид, хлопнув себя по лбу так сильно, что этим ударом вполне мог бы сбить с ног лошадь. А затем запустил руку в карман куртки и вытащил оттуда сову — настоящую, живую и немного взъерошенную, — а также длинное перо и свиток пергамента. Хагрид начал писать, высунув язык, а Гарри внимательно читал написанное:

Дорогой мистер Дамблдор!

Передал Гарри его письмо. Завтра еду с ним, чтобы купить все необходимое. Погода ужасная. Надеюсь, с вами все в порядке.

Хагрид

Хагрид скатал свиток, сунул его сове в клюв, подошел к двери и вышвырнул птицу туда, где бушевал ураган. Затем вернулся и сел обратно на софу. При этом вид у него был такой, словно сделал он что-то совершенно обычное, например поговорил по телефону.

Гарри вдруг понял, что сидит с открытым ртом, и быстро захлопнул его.

— Так на чем мы с тобой остановились? — спросил Хагрид.

В этот момент из тени вышел дядя Вернон. Лицо его все еще было пепельно-серым от страха, но на нем отчетливо читалась злость.

— Он никуда не поедет, — сказал дядя Вернон.

Хагрид хмыкнул.

— Знаешь, хотел бы я посмотреть, как такой храбрый маг, как ты, его остановит...

— Кто? — с интересом переспросил Гарри.

— Магл, — пояснил Хагрид. — Так мы называем всех неволшебников — маглы. Да, не повезло тебе... ну, в том плане, что хуже маглов, чем эти, я в жизни не видал.

— Когда мы взяли его в свой дом, мы поклялись, что положим конец всей этой ерунде, — упрямо продолжил дядя Вернон, — что мы вытравим и выбьем из него всю эту чушь! Тоже мне волшебник!

— Так вы знали? — недоверчиво спросил Гарри. — Вы знали, что я... что я волшебник?

— Знали ли мы?! — внезапно взвизгнула тетя Петунья. — Знали ли мы? Да, конечно, знали! Как мы могли не знать, когда мы знали, кем была моя чертова сестрица! О, она в свое время тоже получила такое письмо и исчезла, уехала в эту школу и каждое лето на каникулы приезжала домой, и ее карманы были полны лягушачьей икры, а сама она все время превращала чайные чашки в крыс. Я была единственной, кто знал ей цену, — она была чудовищем, настоящим чудовищем! Но не для наших родителей, они-то с ней сюсюкались — Лили то, Лили это! Они гордились, что в их семье есть своя ведьма!

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, и после глубокого вдоха разразилась не менее длинной и гневной тирадой. Казалось, что эти слова копились в ней много лет, и все эти годы она хотела их выкрикнуть, но сдерживалась, и только теперь позволила себе выплеснуть их наружу.

— А потом в школе она встретила этого Поттера, и они уехали вместе и поженились, и у них родился ты. И конечно же я знала, что ты будешь такой же, такой же странный, такой же... ненормальный! А потом она, видите ли, взорвалась, а тебя подсунули нам!

Гарри побледнел как полотно. Какое-то время он не мог произнести ни слова, но потом дар речи снова вернулся.

— Взорвалась? — спросил он. — Вы же говорили, что мои родители погибли в автокатастрофе!

— АВТОКАТАСТРОФА?! — прогремел Хагрид и так яростно вскочил с софы, что Дурсли попятиться обратно в угол. — Да как могла автокатастрофа погубить Лили и Джеймса Поттеров? Ну и ну, вот дела-то! Вот это да! Да быть такого не может, чтоб Гарри Поттер ничего про себя не знал! Да у нас его историю любой ребенок с пеленок знает! И родителей твоих тоже!

— Но почему? — В голосе Гарри появилась настойчивость. — И что с ними случилось, с мамой и папой?

Ярость сошла с лица Хагрида. На смену ей вдруг пришла озабоченность.

— Да, не ждал я такого, — произнес он низким, взволнованным голосом. — Дамблдор меня предупреждал, конечно, что непросто будет... ну... забрать тебя у этих... Но я и подумать не мог, что ты вообще ничего не знаешь. Не я, Гарри, должен бы рассказать тебе обо всем... э-э... но кто-то ж должен, так? Ну не можешь ты ехать в Хогвартс, не зная, кто ты такой.

Он мрачно посмотрел на Дурслей.

— Что ж, думаю, что будет лучше, если я тебе расскажу... н-ну... то, что могу, конечно, а могу не все, потому как... э-э... загадок много осталось, непонятного всякого...

Он снова сел и уставился на огонь.

— Наверное, начну я... с человека одного, — произнес Хагрид через несколько секунд. — Нет, поверить не могу, что ты про него не знаешь, — его в нашем мире все знают...

— А кто он такой? — спросил Гарри, не дав Хагриду замолчать и уйти в себя.

— Ну... Я вообще-то не люблю его имя произносить. Никто из наших не любит.

— Но почему?

— Клянусь драконом, Гарри, люди все еще боятся, вот почему. А, чтоб меня, нелегко все это... Короче, был там один волшебник, который... который стал плохим. Таким плохим, каким только можно стать. Даже хуже. Даже еще хуже, чем просто хуже. Звали его...

Хагрид задохнулся от волнения и замолк.

— Может быть, вы лучше напишете это имя? — предложил Гарри.

— Нет... не знаю я, как оно пишется. Ну ладно... э-э... Волан-де-Морт, — выдавил наконец Хагрид, передернувшись. — И больше не проси меня, ни за что не повторю. В общем, этот волшебник лет так... э-э... двадцать назад начал себе приспешников искать. И нашел ведь. Одни пошли за ним, потому что испугались, другие подумали, что он властью с ними поделится. А власть у него была ого-го, и чем дальше, тем больше ее становилось. Темные были дни, да. Никому нельзя было верить. Жуткие вещи творились. Побеждал он, понимаешь. Нет, с ним, конечно, боролись, а он противников убивал. Ужасной смертью они умирали. Даже мест безопасных почти не осталось... разве что Хогвартс, да! Я так думаю, что Дамблдор был единственный, кого Ты-Знаешь-Кто боялся. Потому и на школу напасть не решился... э-э... тогда, по крайней мере. А твои мама и папа — они были лучшими волшебниками, которых я в своей жизни знал. Лучшими учениками школы были, первыми в выпуске. Не пойму, правда, чего Ты-Знаешь-Кто их раньше не попытался на свою сторону перетянуть... Знал, наверное, что они близки с Дамблдором, потому на Темную сторону не пойдут. А потом подумал: может, что их убедит... А может, хотел их... э-э... с дороги убрать, чтоб не мешали. В общем, никто не знает. Знают только, что десять лет назад, в Хэллоуин, он появился в том городке, где вы жили. Тебе всего год был, а он пришел в ваш дом и... и...

Хагрид внезапно вытащил откуда-то грязный, покрытый пятнами носовой платок и высморкался громко, как завывшая сирена.

— Ты меня извини... плохой я рассказчик, Гарри, — виновато произнес Хагрид. — Но так грустно это... я ж твоих маму с папой знал, такие люди хорошие, лучше не найти, а тут... В общем, Ты-Знаешь-Кто их убил. А потом — вот этого вообще никто понять не может — он и тебя попытался убить. Хотел, чтобы следов не осталось, а может, ему просто нравилось людей убивать. Вот и тебя хотел, а не вышло, да! Ты не спрашивал никогда, откуда у тебя этот шрам на лбу? Это не порез никакой. Такое бывает, когда злой и очень сильный волшебник на тебя проклятие насылает. Так вот, родителей твоих он убил, даже дом разрушил, а тебя убить не смог. Поэтому ты и знаменит, Гарри. Он если кого хотел убить, так тот уже не жилец был, да! А с тобой вот не получилось. Он таких сильных волшебников убил — МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов, а ты ребенком был, а выжил.

Хагрид замолчал, а Гарри вдруг ощутил резкую головную боль. Перед его глазами отчетливо возникла знакомая картина из прошлого, только теперь ослепительная вспышка зеленого света была гораздо ярче. И заодно он вспомнил кое-что еще, то, что никогда раньше не всплывало в его памяти, — громкий, ледяной, беспощадный смех.

Хагрид с грустью наблюдал за ним.

— Я тебя вот этими руками из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. А потом я привез тебя этим...

— Вздор и ерунда! — донесся из угла голос дяди Вернона.

Гарри аж подпрыгнул от неожиданности — он совсем забыл про Дурслей. Но Дурсли про него не забыли. Особенно дядя Вернон, к которому, кажется, вернулась смелость — он сжимал кулаки и яростно смотрел на Хагрида.

— Послушай меня, мальчик, — прорычал дядя Вернон. — Я допускаю, что ты немного странный, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Твои родители действительно были колдунами, но, как мне кажется, без них мир стал спокойнее. Они сами напросились на то, что получили, только и общались что с этими волшебниками, этого следовало ожидать, я знал, что они плохо кончат...

Не успел он договорить, как Хагрид спрыгнул с софы, вытащил из кармана потрепанный розовый зонтик и наставил на дядю Вернона, словно шпагу.

— Я тебя предупреждаю, Дурсль, я тебя в последний раз предупреждаю: еще раз рот откроешь...

Видимо, дядя Вернон представил себе, как этот великан с легкостью нанизывает его на свой зонтик, и его смелость сразу испарилась — он прижался к стене и замолчал.

— Так-то лучше. — Хагрид тяжело вздохнул и сел обратно на софу, которая на этот раз прогнулась до самого пола.

На языке у Гарри вертелись самые разные вопросы. Сотни вопросов.

— А что случилось с Волан... извините, с тем Вы-Знаете-Кем?

— Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Растворился. В ту самую ночь, когда тебя пытался убить. Потому ты и стал еще знаменитее. Я тебе скажу, это самая что ни на есть настоящая загадка... Он все сильнее и сильнее становился и вдруг исчез, и... эта... непонятно почему. Кой-кто говорит, что умер он. А я считаю, чушь все это, да! Думаю, в нем ничего человеческого не осталось уже... а ведь только человек может умереть. А кто-то говорит, что он все еще тут где-то, поблизости, просто прячется... э-э... своего часа ждет, но я так не думаю. Те, кто с ним был, — они на нашу сторону перешли. Раньше ведь они... эта... как заколдованные были, а тут проснулись. Вряд ли бы так вышло, будь он где-то рядом, да! Хотя большинство людей думают: он где-то тут, только силу свою потерял. Слишком слабый стал, чтоб дальше бороться и все завоевать. В тебе было что-то, Гарри, что его... э-э... сломало. Чтой-то приключилось той ночью, чего он не ждал, не знаю что, да и никто не знает... но сломал ты его, это точно.

Во взгляде Хагрида светились тепло и уважение. Но Гарри, вместо того чтобы почувствовать себя польщенным и возгордиться, с ужасом осознал, что все это ужасная ошибка. Волшебник? Он, Гарри Поттер, волшебник? Всю жизнь его шпынял Дадли и притесняли дядя Вернон и тетя Петунья, а если он волшебник, то почему они не превращались в бородавчатых черепах всякий раз, как запирали его в чулане? Если когда-то он смог победить величайшего мага в мире, почему Дадли всегда пинал его и гонял по школе и по всему дому, как футбольный мяч?

— Хагрид, — тихо произнес Гарри. — Боюсь, что вы ошибаетесь. Я не думаю, что я волшебник... что я смогу стать волшебником.

К его удивлению, Хагрид рассмеялся.

— Значит, не волшебник? И никогда с тобой ничего такого не было, когда ты злился или огорчался?

Гарри уставился в огонь. Хагрид натолкнул его на важную мысль. Ведь если подумать... Все те странные вещи, происходившие с ним и неизменно приводившие в ярость тетю Петунью и дядю Вернона, все они случались, когда он был огорчен или разозлен. Например, когда за ним гналась банда Дадли, а он смог ускользнуть от них, оказавшись на крыше школьной столовой... Или когда тетя Петунья остригла его почти наголо, и он с ужасом думал о том, как завтра появится в школе, — разве ему не удалось заставить волосы отрасти за одну ночь?... А взять самый последний случай, когда Дадли ударил его в террариуме, а он, сам того не подозревая, напустил на Дадли бразильского удава...

Гарри улыбнулся, посмотрел на Хагрида и заметил, что лицо великана просияло.

— Ну что, убедил я тебя теперь, да? А говоришь, что Гарри Поттер не волшебник. погоди, ты скоро в Хогвартсе самым знаменитым учеником станешь.

И тут снова подал голос дядя Вернон — видимо, испуг прошел, и он решил, что не сдастся без боя.

— Разве я не сказал вам, что он никуда не поедет? — прошипел дядя Вернон. — Он пойдет в школу «Хай Камеронс», и он должен быть благодарен нам за то, что мы его туда определили. Я читал эти ваши письма — про то, что ему нужна целая куча всякой ерунды, вроде книг заклинаний и волшебных палочек...

— Если он захочет там учиться, то даже такому здоровенному маглу, как ты, его не остановить, понял? — прорычал Хагрид. — Помешать сыну Лили и Джеймса Поттеров учиться в Хогвартсе — да ты свихнулся, что ли?! Он родился только, а его тут же записали в ученики, да! Лучшей школы чародейства и волшебства на свете нет... и он в нее поступит, а через семь лет сам себя не узнает. И жить он там будет рядом с такими же, как он, а это уж куда лучше, чем с вами. А директором у него будет самый великий директор, какого только можно представить, сам Альбус Да...

— Я НЕ БУДУ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО ОПОЛОУМЕВШИЙ СТАРЫЙ ДУРАК УЧИЛ ЕГО ВСЯКИМ ФОКУСАМ! — прокричал дядя Вернон.

Тут он зашел слишком далеко. Хагрид схватил свой зонтик, завертел им над головой, а его голос загрел словно гром.

— НИКОГДА... НЕ ОСКОРБЛЯЙ... ПРИ МНЕ... АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА!

Зонтик со свистом опустился и своим острием указал на Дадли. Потом вспыхнул фиолетовый свет, и раздался такой звук, словно взорвалась петарда, затем послышался пронзительный визг, а в следующую секунду Дадли, обхватив обеими руками свой жирный зад, затанцевал на месте, вереща от боли. Когда он повернулся к Гарри спиной, тот заметил, что на штанах Дадли появилась дырка, а сквозь нее торчит пороссячий хвостик.

Дядя Вернон, с ужасом посмотрев на Хагрида, громко закричал, схватил тетю Петунью и Дадли, втолкнул их во вторую комнату и тут же с силой захлопнул за собой дверь.

Хагрид посмотрел на свой зонтик и почесал бороду.

— Зря я так... совсем уж из себя вышел, — сокрушенно произнес он. — И ведь не получилось все равно. Хотел его в свинью превратить, а он, похоже, и так уже почти свинья, вот и не вышло ничего... Хвост только вырос...

Он нахмурил кустистые брови и боязливо покосился на Гарри.

— Просьба у меня к тебе: чтоб никто в Хогвартсе об этом не узнал. Я... э-э... нельзя мне чудеса творить, если по правде. Только немного разрешили, чтобы за тобой мог съездить и письмо тебе передать. Мне еще и поэтому такая работа по душе пришлось... ну и из-за тебя, конечно.

— А почему вам нельзя творить чудеса? — поинтересовался Гарри.

— Ну... Я же сам когда-то в школе учился, и меня... э-э... если по правде, выгнали. На третьем курсе я был. Волшебную палочку мою... эта... пополам сломали, и все такое. А Дамблдор мне разрешил остаться и работу в школе дал. Великий он человек, Дамблдор.

— А почему вас исключили?

— Поздно уже, а у нас делов завтра куча, — уклончиво ответил Хагрид. — В город нам завтра надо, книги тебе купить, и все такое. И эта... давай на «ты», нечего нам с тобой «выкать», мы ж друзья.

Он стащил с себя толстую черную куртку и бросил ее к ногам Гарри.

— Под ней теплее будет. А если она... э-э... шевелиться начнет, ты внимания не обращай — я там в одном кармане пару мышей забыл. А в каком — не помню...

Глава 5

КОСОЙ ПЕРЕУЛОК

На следующее утро Гарри проснулся рано. Он знал, что уже рассвело, но не торопился открывать глаза.

«Это был сон, — твердо сказал он себе. — Мне приснилось, что ко мне приходил великан по имени Хагрид, чтобы сообщить мне, что я пойду учиться в школу волшебников. Когда я открою глаза, то окажусь дома в своем чулане».

Внезапно раздался громкий стук.

«А вот и тетя Петунья», — подумал Гарри с замиранием сердца. Но глаза его все еще были закрыты. Сон был слишком хорош, чтобы просыпаться.

Тук. Тук. Тук.

— Хорошо, — пробормотал Гарри. — Я встаю.

Он сел, и тяжелая куртка Хагрида, под которой он спал, упала на пол. Хижина была залита светом, ураган кончился, Хагрид спал на сломанной софе, а на подоконнике сидела сова с зажатой в клюве газетой и стучала когтем в окно.

Гарри вскочил с постели. Счастье распирало его изнутри, словно он проглотил воздушный шар. Гарри подошел к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату и уронила газету прямо на Хагрида, но тот не проснулся. Затем сова спикировала на пол и набросилась на куртку Хагрида.

— Прекрати!

Гарри замахал руками, чтобы прогнать сову, но она яростно щелкнула клювом и продолжила терзать куртку.

— Хагрид! — громко позвал Гарри. — Тут сова...

— Заплати ей, — проворчал Хагрид, уткнувшись лицом в софу.

— Что?

— Она хочет, чтоб мы ей денег дали за то, что он газету притащила. Деньги в кармане.

Казалось, что куртка Хагрида состоит из одних карманов. Связки ключей, расплюснутые дробинки, мотки веревки, мятные леденцы, пакетики чая... Наконец Гарри вытащил пригоршню странного вида монет.

— Дай ей пять кнатов, — сонно произнес Хагрид.

— Кнатов?

— Маленьких бронзовых монеток.

Гарри отсчитал пять бронзовых монеток, и сова вытянула лапу, к которой был привязан кожаный мешочек. А затем вылетела в открытое окно.

Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

— Пора идти, Гарри. У нас с тобой делов куча, нам в Лондон надо смотаться да закупить тебе всяких штук, которые для школы нужны.

Гарри вертел в руках волшебные монетки, внимательно их разглядывая. Он только что подумал кое о чем, и ему показалось, что поселившийся внутри его шар счастья начал сдуваться.

— М-м-м... Хагрид?

— А? — Хагрид натягивал свои огромные башмаки.

— У меня нет денег, и вы...

Великан внимательно посмотрел на него, словно напоминая о вчерашнем уговоре. Гарри вдруг понял, что ему, всегда такому вежливому и обращающемуся на «вы» ко всем старшим, будет легко называть Хагрида на «ты». Потому что Хагрид относился к нему с большей теплотой, чем кто бы то ни было, и вел себя как друг.

— Ты слышал, что сказал вчера вечером дядя Вернон. Он не будет платить за то, чтобы я учился волшебству.

— А ты не беспокойся. — Хагрид встал и почесал голову. — Ты, что ли, думаешь, что твои родители о тебе не позаботились?

— Но если от их дома ничего не осталось...

— Да ты чо, они ж золото свое не в доме хранили! — отмахнулся Хагрид. — Короче, мы первым делом в «Гринготтс» заглянем, в наш банк. Ты съешь сосиску, они и холодные очень ничего. А я, если по правде, не откажусь от кусочка твоего вчерашнего именинного торта.

— У волшебников есть свои банки?

— Только один. «Гринготтс». Там гоблины всем заправляют.

Гарри уронил кусок сосиски, который он держал в руке.

— Гоблины?

— Да, и поэтому я тебе так скажу: только сумасшедший может решиться ограбить этот банк. С гоблинами, Гарри, связываться опасно, да, запомни это. Поэтому если захочешь... э-э... что-то спрятать, то надежнее «Гринготтса» места нет... Разве что Хогвартс. Да сам увидишь сегодня, когда за деньгами твоими придем — заодно и я там дела свои сделаю. Дамблдор мне поручил кой-чего, да! — Хагрид горделиво выпрямился. — Он мне всегда всякие серьезные вещи поручает. Тебя вот забрать, из «Гринготтса» кое-что взять — он знает, что мне доверять можно, понял? Ну ладно, пошли.

Гарри вышел на скалу вслед за Хагридом. Небо было чистым, и море поблескивало в лучах солнца. Лодка, которую арендовал дядя Вернон, все еще была здесь, но после урагана она была залита водой.

— А как ты сюда попал? — Гарри огляделся, но другой лодки так и не увидел.

— Прилетел, — ответил Хагрид.

— Прилетел?

— Да... не будем об этом. Теперь, когда ты со мной, мне... э-э... нельзя чудеса творить.

Они уселись в лодку, а Гарри продолжал внимательно разглядывать Хагрида, пытаясь представить его летящим.

— Хотя... да... если по правде, глупо было б грести самому. — Хагрид покосился на Гарри. — Если я... э-э... Если я сделаю так, чтоб мы побыстрее поплыли, ты ведь никому в Хогвартсе не расскажешь?

— Конечно нет! — выпалил Гарри, которому не терпелось увидеть что-нибудь магическое.

Хагрид вытащил свой розовый зонт, дважды стукнул им о борт лодки, и та помчалась.

— А почему только сумасшедший может попытаться ограбить «Гринготтс»? — поинтересовался Гарри.

— Заклинания, колдовство, — ответил Хагрид, разворачивая газету. — Говорят, что там у них самые секретные сейфы драконы охраняют. К тому же оттуда еще выбраться надо... «Гринготтс» глубоко под землей находится... сотни миль под Лондоном — чуешь? Глубже, чем метро. Даже если повезет грабителю и получится у него украсть что-нибудь, он с голоду помрет, пока оттуда выберется, да!

Гарри сидел и думал об услышанном. Хагрид читал газету, которая называлась «Ежедневный пророк». Гарри помнил, как дядя Вернон твердил, что, когда человек читает газету, он не любит, чтобы ему мешали. Но сейчас оставить Хагрида в покое было нелегко, потому что никогда в жизни Гарри не хотелось задать столько вопросов.

— Ну вот, Министерство магии опять дров наломало, — пробормотал Хагрид, переворачивая страницу.

— А есть такое Министерство? — спросил Гарри, позабыв, что мешать читающему газету не следует.

— Есть-есть, — ответил Хагрид. — Сначала хотели, чтоб Дамблдор министром стал, но он никогда Хогвартс не оставит, во как! Так что в министры старый Корнелиус Фадж пошел. А хуже его не найдешь. Он теперь каждое утро к Дамблдору сов посылает за советами.

— А чем занимается Министерство магии?

— Ну, их главная работа, чтоб люди не догадались, что в стране на каждом углу волшебники живут.

— Почему?

— Почему? Да ты чо, Гарри? Все ж сразу захотят волшебством свои проблемы решить, эт точно! Не, лучше, чтоб о нас не знали.

В этот момент лодка мягко стукнулась о стену причала. Хагрид сложил газету, и они поднялись по каменным ступеням и оказались на улице.

Пока они шли к станции, жители маленького городка во все глаза смотрели на Хагрида. Гарри их прекрасно понимал. Дело даже не в том, что Хагрид был вдвое выше обычного человека, он еще и всю дорогу тыкал пальцем в самые простые, на взгляд Гарри, предметы, вроде парковочных счетчиков, и громко восклицал:

— Ну дела, Гарри! И чего эти маглы только не придумают!

— Хагрид! — произнес Гарри, немного запыхавшись, потому что ему было нелегко поспевать за Хагридом. — Ты сказал, что в «Гринготтсе» есть драконы?

— Ну, так говорят, — ответил Хагрид. — Э-э-э, хотел бы я иметь дракона.

— Ты хотел бы иметь дракона?

— Всегда хотел... еще когда маленьким совсем был. Все, пришли мы.

Они были на станции. Поезд на Лондон отходил через пять минут. Хагрид заявил, что ничего не понимает в деньгах маглов, и сунул Гарри несколько купюр, чтобы тот купил билеты.

В поезде на них глазели еще больше, чем на улице. Хагрид занял сразу два сиденья и начал вязать нечто похожее на шатер канареечного цвета, вроде тех, где устраивают представления циркачи.

— А письмо-то у тебя с собой, Гарри? — спросил он, считая петли.

Гарри вытащил из кармана пергаментный конверт.

— Отлично, — сказал Хагрид. — Там есть список всего того, что для школы нужно.

Гарри развернул второй листок бумаги, который не заметил вчера, и начал читать.

ШКОЛА ЧАРОДЕЙСТВА И ВОЛШЕБСТВА «ХОГВАРТС»

Форма

Студентам-первокурсникам требуется:

Три простых рабочих мантии (черных).

Одна простая остроконечная шляпа (черная) на каждый день.

Одна пара защитных перчаток (из кожи дракона или аналогичного по свойствам материала).

Один зимний плащ (черный, застежки серебряные).

Пожалуйста, не забудьте, что на одежду должны быть нашиты бирки с именем и фамилией студента.

Книги

Каждому студенту полагается иметь следующие книги:

«Курсическая книга заговоров и заклинаний» (первый курс). Миранда Гуссокл

«История магии». Батильда Бэгшот

«Теория магии». Адальберт Уоффлинг

«Пособие по трансфигурации для начинающих». Эмерик Свитч

«Тысяча магических растений и грибов». Филлида Спора

«Магические отвары и зелья». Жиг Мышьякофф

«Фантастические звери: места обитания». Ньют Саламандер

«Темные силы: пособие по самозащите». Квентин Тримбл

Также полагается иметь:

1 волшебную палочку,

1 котел (оловянный, стандартный размер № 2),

1 комплект стеклянных или хрустальных флаконов,

1 телескоп,

1 медные весы.

Студенты также могут привезти с собой сову, или кошку, или жабу.

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКУРСНИКАМ НЕ ПОЛОЖЕНО ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЕ МЕТЛЫ.

— И это всё можно купить в Лондоне? — ахнул Гарри.

— Если знаешь, где искать, — ответил Хагрид.

Гарри никогда раньше не гулял по Лондону. А Хагрид хотя и знал, куда им надо, но обычным способом туда никогда не добирался. Для начала он застрял в турникете метро, а после громко жаловался, что сиденья в вагонах слишком маленькие, а поезда слишком медленные.

— Не представляю, как маглы без магии обходятся, — сказал он, когда они поднялись вверх по сломанному эскалатору и оказались на улице, полной магазинов.

Хагрид был так велик, что без труда прокладывал себе дорогу сквозь толпу, от Гарри требовалось лишь не отставать. Они проходили мимо книжных и музыкальных магазинов, закусочных и кинотеатров, но ни одно из этих мест не было похоже на то, где можно купить волшебную палочку. Это была обычная улица, забитая обычными людьми.

Гарри на мгновение показалось, что это сон. Ну разве может находиться под землей волшебный банк, набитый золотом? Разве существуют магазины, которые продают книги заклинаний и метлы? А может, все это ужасная шутка, которую придумали Дурсли? Если бы Гарри не знал, что у Дурслей нет чувства юмора, он бы так и подумал, но он почему-то верил Хагриду, хотя все, что тот говорил, было невероятно.

— Пришли, — произнес Хагрид, остановившись. — «Дырявый котел». Известное местечко.

Это был крошечный невзрачный бар. Если бы Хагрид не указал на него, Гарри бы его даже не заметил. Проходящие мимо люди на бар не смотрели. Их взгляды скользили с большого книжного магазина на магазин компакт-дисков, а бар, находившийся между этими магазинами, они, похоже, вовсе не замечали. У Гарри даже возникло странное чувство, что только они с Хагридом видят его. Но прежде чем он успел спросить об этом, Хагрид завел его внутрь.

Для известного местечка бар был слишком темным и обшарпанным. В углу сидели несколько пожилых женщин и пили вино из маленьких стаканчиков, одна из них курила длинную трубку. Маленький человечек в цилиндре разговаривал со старым лысым барменом, похожим на нахмурившийся грецкий орех. Когда они вошли, все разговоры сразу смолкли. Очевидно, Хагрида здесь все знали — ему улыбались и махали руками, а бармен потянулся за стаканом со словами:

— Тебе как обычно, Хагрид?

— Не могу, Том, я здесь по делам Хогвартса, — ответил Хагрид и хлопнул Гарри по плечу своей здоровенной ручищей, так что у того подогнулись колени.

— Боже милостивый, — произнес бармен, пристально глядя на Гарри. — Это... Неужели это...

В «Дырявом котле» воцарилась тишина.

— Благослови мою душу, — прошептал старый бармен. — Гарри Поттер... какая честь!

Он поспешно вышел из-за стойки, подбежал к Гарри и схватил его за руку. В глазах бармена стояли слезы.

— Добро пожаловать домой, мистер Поттер. Добро пожаловать домой.

Гарри не знал, что сказать. Все смотрели на него. Старуха сосала свою трубку, не замечая, что та погасла. Хагрид сиял.

Вдруг разом зашкрипели отодвигаемые стулья, и следующий момент Гарри уже обменивался рукопожатиями со всеми посетителями «Дырявого котла».

— Дорис Крокфорд, мистер Поттер. Не могу поверить, что наконец встретилась с вами.

— Большая честь, мистер Поттер, большая честь.

— Всегда хотела пожать вашу руку... Я вся дрожу.

— Я счастлив, мистер Поттер, даже не могу передать, насколько я счастлив. Меня зовут Дингл, Дедалус Дингл.

— А я вас уже видел! — воскликнул Гарри, и Дедалус Дингл так разволновался, что его цилиндр слетел с головы и упал на пол. — Вы однажды поклонились мне в магазине.

— Он помнит! — вскричал Дедалус Дингл, оглядываясь на остальных. — Вы слышали? Он меня помнит!

Гарри продолжал пожимать руки. Дорис Крокфорд подошла к нему во второй раз, а потом и в третий.

Вперед выступил бледный молодой человек, он очень нервничал, у него даже дергалось одно веко.

— Профессор Квиррелл! — представил его Хагрид. — Гарри, профессор Квиррелл — один из твоих будущих преподавателей.

— П-п-поттер! — произнес, заикаясь, профессор Квиррелл и схватил Гарри за руку. — Н-не могу п-пе-редать, насколько я п-польщен встречей с вами.

— Какой раздел магии вы преподаете, профессор Квиррелл?

— Защита от Т-т-темных искусств, — пробормотал Квиррелл с таким видом, словно ему не нравилось то, что он сказал. — Н-не то чтобы вам это было н-нужно, верно, П-п-поттер? — Профессор нервно рассмеялся. — Как я п-понимаю, вы решили п-при-обрести все н-необходимое для школы? А мне н-нуж-на новая к-книга о вампирах.

Вид у него был такой, будто его пугала сама мысль о вампирах.

Но остальные не желали мириться с тем, что Квиррелл безраздельно завладел вниманием Гарри. Прошло еще минут десять, прежде чем зычный голос Хагрида перекрыл другие голоса.

— Пора идти... нам надо еще кучу всего купить. Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд напоследок опять пожала Гарри руку. Хагрид вывел его из бара в маленький двор, со всех сторон окруженный стенами. Здесь не было ничего, кроме мусорной урны и нескольких сорняков.

— Ну, что я тебе говорил? — Хагрид ухмыльнулся. — Я ж тебе сказал, что ты знаменитость. Даже профессор Квиррелл затрясся, когда тебя увидел... хотя, если по правде, он всегда трясется.

— Он всегда такой нервный?

— Да. Бедный парень. А ведь талантливый такой, да! Он пока науки по книгам изучал, в полном порядке был, а потом взял... э-э... отпуск, чтоб кой-какой опыт получить... Говорят, он в Черном лесу вампиров встретил, и еще там одна... э-э... история у него произошла с ведьмой... с тех пор он все, другим совсем стал. Учеников боится, предмета своего боится... Так, куда это мой зонт подевался?

Вампиры? Ведьмы? У Гарри кружилась голова. А Хагрид тем временем считал кирпичи в стене над мусорной урной.

— Три вверх... два в сторону, — бормотал он. — Так, а теперь отойди, Гарри.

Он трижды коснулся стены зонтом.

Кирпич, до которого он дотронулся, задрожал, потом задергался, в середине у него появилась маленькая дырка, которая быстро начала расти. Через секунду перед ними была арка, достаточно большая, чтобы сквозь нее мог пройти Хагрид. За аркой начиналась мощенная булыжником извилистая улица.

— Добро пожаловать в Косой переулок, — произнес Хагрид.

Он усмехнулся, заметив изумление на лице Гарри. Они прошли сквозь арку, и Гарри, оглянувшись, увидел, как она тут же снова превратилась в глухую стену.

Ярко светило солнце, отражаясь в котлах, выставленных перед ближайшим к ним магазином. «Котлы. Все размеры. Медь, бронза, олово, серебро. Самопомешивающиеся и разборные» — гласила висевшая над ними табличка.

— Ага, такой тебе тоже нужен будет, — сказал Хагрид. — Но сначала надо твои денежки забрать.

Гарри пожалел, что у него не десять глаз. Пока они шли вверх по улице, он вертел головой, пытаясь увидеть все сразу: магазины, выставленные перед ними товары, людей, делающих покупки. Полная женщина, стоявшая перед аптекой, мимо которой они проходили, качала головой.

— Печень дракона по семнадцать сиклей за унцию — да они с ума сошли...

Из мрачного на вид магазина доносилось тихое уханье. «Торговый центр «Совы». Неясыти обыкновенные, сипухи, ушастые и полярные совы» — прочитал Гарри. Несколько мальчишек примерно его возраста прижались носами к другой витрине, разглядывая выставленные в ней метлы.

— Смотри, — донеслось до Гарри, — новая модель «Нимбус-2000», самая быстрая.

Здесь были магазины, которые торговали мантиями, телескопами и странными серебряными инструментами, каких Гарри никогда не видел. Витрины по всей улице были забиты бочками с селезенками летучих мышей и глазами угрей, покачивающимися пирамидами из книг с заклинаниями, птичьими перьями и свитками пергамента, бутылками с волшебными зельями и глобусами Луны...

— «Гринготтс», — объявил Хагрид.

Они находились перед белоснежным зданием, возвышавшимся над маленькими магазинчиками. А у отполированных до блеска бронзовых дверей в алой с золотом униформе стоял...

— Да, это гоблин, — спокойно сказал Хагрид, когда они поднимались по белым каменным ступеням.

Гоблин был на голову ниже Гарри. У него было смуглое умное лицо, острая бородка и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Он поклонился, когда они входили внутрь. Теперь они стояли перед вторыми дверями, на этот раз серебряными. На них были выгравированы строчки:

Входи, незнакомец, но не забудь, Что у жадности грешная суть, Кто не любит работать, но любит брать, Дорого платит — и это надо знать. Если пришел за чужим ты сюда, *Отсюда тебе не уйти никогда.*

— Я ж тебе говорил: надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться ограбить этот банк, — сказал Хагрид.

Два гоблина с поклонами встретили их, когда они прошли сквозь серебряные двери и оказались в огромном мраморном холле. На высоких стульях за длинной стойкой сидела еще сотня гоблинов — они делали записи в больших grossбухах, взвешивали монеты на медных весах, с помощью луп изучали драгоценные камни. Из холла вело больше дверей, чем Гарри мог сосчитать, — другие гоблины впускали и выпускали через них людей. Хагрид и Гарри подошли к стойке.

— Доброе утро, — обратился Хагрид к свободному гоблину. — Мы тут пришли, чтоб немного денег взять... э-э... из сейфа мистера Гарри Поттера.

— У вас есть его ключ, сэр?

— Где-то был, — ответил Хагрид и начал выкладывать на стойку содержимое своих карманов.

Пригоршня заплесневелых собачьих бисквитов посыпалась на бухгалтерскую книгу гоблина. Гоблин сморщил нос. Гарри наблюдал за гоблином, сидевшим справа и взвешивавшим груды рублинов, огромных, как пылающие угли.

— Нашел, — наконец сказал Хагрид, протягивая крошечный золотой ключик.

Гоблин изучающе посмотрел на него.

— Кажется, все в порядке.

— И у меня тут еще письмо имеется... э-э... от профессора Дамблдора, — с важным видом произнес Хагрид, выпячивая грудь. — Это насчет Вы-Знаете-Чего в сейфе семьсот тринадцать.

Гоблин внимательно прочитал письмо.

— Прекрасно, — сказал он, возвращая письмо Хагриду. — Сейчас вас отведут вниз к вашим сейфам. Крюкохват!

Крюкохват тоже был гоблином. Когда Хагрид распихал все собачьи бисквиты по карманам, они с Гарри последовали за Крюкохватом к одной из дверей.

— А что такое это Вы-Знаете-Что в сейфе семьсот тринадцать? — спросил Гарри.

— Не могу я тебе сказать, — таинственно ответил Хагрид. — Очень секретно. Это школы «Хогвартс» касается. Дамблдор мне доверяет. А я своей работой слишком дорожу, чтобы секреты тебе раскрывать.

Крюкохват открыл перед ними дверь. Гарри, ожидавший увидеть вокруг мрамор, был удивлен. Они стояли в узком каменном коридоре, освещенном горящими факелами. Дорога круто уходила вниз, на полу были тоненькие рельсы. Крюкохват свистнул, и к ним с лязгом подкатила маленькая тележка. Они забрались внутрь — Хагриду это удалось с трудом — и поехали.

Сначала они неслись сквозь лабиринт петляющих коридоров. Гарри пытался запомнить дорогу — налево, направо, направо, налево, на развилке прямо, опять направо, опять налево, — но вскоре оставил это бесполезное занятие. Казалось, дребезжащая тележка сама знает дорогу,

потому что Крюкохват ею не управлял.

Гарри обдало ледяным воздухом, глаза защипало, но он держал их широко открытыми. В какой-то момент ему почудилось, что он заметил вспышку огня в конце коридора, и он быстро обернулся, чтобы увидеть, не дракон ли это, но опоздал — тележка резко ушла вниз. Сейчас она проезжала мимо подземного озера, на потолке и стенах росли сталагмиты и сталактиты.

— Знаешь, Хагрид, — громко произнес Гарри, пытаясь заглушить шум тележки. — Я никогда не знал, в чем разница между сталактитом и сталагмитом.

— В слове сталагмит есть буква «м», — ответил Хагрид. — И больше не спрашивай меня ничего... меня, похоже, сейчас наизнанку вывернет.

Хагрид был весь зеленый. Когда тележка наконец остановилась перед маленькой дверью в стене, он выбрался из нее, прислонился к стене и подождал, пока у него перестанут дрожать колени.

Крюкохват отпер дверь. Изнутри вырвалось облако зеленого дыма, а когда оно рассеялось, Гарри ахнул. Внутри были кучи золотых монет. Колонны серебряных. Горы маленьких бронзовых кнатов.

— Это все твое, — улыбнулся Хагрид.

«Все твое» — это было невероятно. Дурсли наверняка не знали об этих деньгах, иначе они отняли бы их у него, не успел бы он и глазом моргнуть. Сколько раз они жаловались, что Гарри им дорого обходится? А все это время глубоко под Лондоном хранилось принадлежащее ему сокровище.

Хагрид помогал Гарри бросать монеты в сумку.

— Золотые — это галлеоны, — пояснил он. — Один галлеон — это семнадцать серебряных сиклей, а один сикль — двадцать девять кнатов, это просто, да? Ладно, тебе этого на пару семестров хватит, а остальное пусть тут лежит. — Он повернулся к Крюкохвату. — А теперь нам нужен сейф семьсот тринадцать... и... э-э... пожалуйста, нельзя ли помедленнее?

— У тележки только одна скорость, — ответил Крюкохват.

Теперь они спускались еще ниже, а тележка ехала почему-то еще быстрее, чем раньше. Воздух становился холоднее. Когда они проезжали над подземным ущельем, Гарри перегнулся, чтобы разглядеть, что скрывается в его темных глубинах, но Хагрид со стоном схватил его за шиворот и втащил обратно.

В сейфе номер семьсот тринадцать не было замочной скважины.

— Отойдите, — важно сказал Крюкохват. Он мягко коснулся двери одним из своих длинных пальцев, и она просто растаяла.

— Если это попытается сделать кто-то, кроме работающих в банке гоблинов, его засосет внутрь, и он окажется в ловушке, — произнес Крюкохват.

— А как часто вы проверяете, нет ли там кого внутри? — поинтересовался Гарри.

— Примерно раз в десять лет, — ответил Крюкохват с довольно неприятной улыбкой.

Гарри был уверен, что в этом сверхсекретном сейфе лежит что-то ужасно важное, как минимум, драгоценные камни невероятных размеров, и он поспешно шагнул вперед, чтобы увидеть, что там. Сначала ему показалось, что там вообще пусто. Затем он заметил на полу маленький невзрачный сверток из коричневой бумаги. Хагрид нагнулся, подобрал его и засунул во внутренний карман куртки. Гарри хотелось узнать, что там, но он понимал, что спрашивать не стоит.

— Пошли обратно к этой адовой тележке, и не разговаривай со мной по дороге. Лучше будет, если я буду держать рот закрытым, — сказал Хагрид.

Еще одна бешеная гонка на тележке — и вот они уже стоят на улице у банка, шурясь от солнечного света. Сейчас, когда у него в руках была сумка, полная денег, Гарри не знал, что с ними делать, и с трудом подавлял в себе желание начать покупать все подряд. Ему даже не было интересно, каков курс галлеона по отношению к фунту, — важно было, что сейчас у него денег больше, чем за всю его жизнь. Даже больше, чем когда-либо было у Дадли. О том, что

это волшебные деньги и их можно тратить только в волшебном мире, он как-то забыл.

— Ну что, надо бы купить тебе форму, — заметил Хагрид, кивнув в сторону магазина с вывеской «Мадам Малкин. Одежда на все случаи жизни». — Слушай, Гарри, ты... э-э... не против, если я заскочу в «Дырявый котел» и пропущу стаканчик? Ненавижу я эти тележки в «Гринготтсе»... мутит меня после них.

Хагрид на самом деле был все еще бледным, поэтому Гарри кивнул. Хотя он немного нервничал, входя в магазин мадам Малкин в полном одиночестве.

Мадам Малкин оказалась приземистой улыбающейся волшебницей, одетой в розовато-лиловые одежды.

— Едем учиться в Хогвартс? — спросила она прежде, чем Гарри успел объяснить ей цель своего визита. — Ты пришел по адресу: у меня тут как раз еще один клиент тоже к школе готовится.

В глубине магазина на высокой скамеечке стоял бледный мальчик с тонкими чертами лица, а вторая волшебница крутилась вокруг него, подгоняя по росту длинные черные одежды. Мадам Малкин поставила Гарри на соседнюю скамеечку.

— Привет! — сказал мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — ответил Гарри.

— Мой отец сейчас покупает мне учебники, а мать смотрит волшебные палочки, — сообщил мальчик. Он говорил как-то очень устало, специально растягивая слова. — А потом потащу их посмотреть гоночные метлы. Не могу понять, почему первокурсникам нельзя их иметь. Думаю, мне удастся убедить отца, чтобы он купил мне такую... а потом как-нибудь тайком пронесу ее в школу.

Мальчик сильно напомнил Гарри его кузена.

— А у тебя есть своя собственная метла? — продолжал тот.

— Нет. — Гарри отрицательно кивнул головой.

— А в квиддич играешь?

— Нет, — повторил Гарри, спрашивая себя, что же это такое — квиддич.

— А я играю. Отец говорит, что будет преступлением, если меня не возьмут в сборную факультета, и я тебе скажу: я с ним согласен. Ты уже знаешь, на каком будешь факультете?

— Нет, — в третий раз произнес Гарри, с каждой минутой чувствуя себя все большим дураком.

— Ну, вообще-то никто заранее не знает, это уже там решат, но я знаю, что я буду в Слизерине, вся моя семья там была. А представь, если определят в Пуффендуй, тогда я сразу уйду из школы, а ты?

— М-м-м, — неопределенно промычал Гарри, жалея, что не может сказать что-нибудь более содержательное.

— Ну и ну, ты только посмотри на этого! — внезапно воскликнул мальчик, кивком показывая на окно. За окном стоял Хагрид, улыбаясь Гарри и показывая на два огромных мороженных, словно объясняя, почему он не может войти внутрь.

— Это Хагрид, — радостно пояснил Гарри. Ему было приятно, что он знает что-то, чего не знает этот мальчик. — Он работает в Хогвартсе.

— А-а-а, — протянул тот. — Я о нем слышал. Он там что-то вроде прислуги, да?

— Он лесник, — сухо ответил Гарри. С каждой секундой этот мальчик нравился ему все меньше и меньше.

— Да, точно. Я слышал, он настоящий дикарь. Живет в хижине на территории школы и время от времени напивается и пытается творить чудеса, а все кончается тем, что вспыхивает его собственная постель.

— Лично мне он очень нравится, — холодно парировал Гарри.

— Вот как? — На лице мальчика появилась презрительная усмешка. — А почему он с тобой? Где твои родители?

— Они умерли, — коротко ответил Гарри. Ему не хотелось разговаривать с мальчиком на эту тему.

— О, мне очень жаль, — произнес тот, хотя по его голосу нельзя было сказать, что он о чем-либо сожалеет. — Но они были из наших или нет?

— Они были волшебники, если ты об этом.

— Если честно, я не понимаю, почему в школу принимают не только таких, как мы, но и детей не из наших семей. Они ведь другие. Они по-другому росли и ничего о нас не знают. Представь, некоторые даже никогда не слышали о Хогвартсе до того дня, как получили письмо. Я думаю, что в Хогвартсе должны учиться только дети волшебников. Кстати, а как твоя фамилия?

Но прежде чем Гарри успел ответить, в разговор вмешалась мадам Малкин.

— Все готово, — произнесла она.

Нельзя сказать, чтобы Гарри был огорчен тем, что у него появился повод закончить разговор, и он поспешно прыгнул со скамеечки.

— Что ж, встретимся в школе, — бросил ему вслед мальчик.

Гарри молча ел купленное Хагридом мороженое — ванильно-шоколадное с колотыми орешками. Мороженое было настолько вкусным, что есть и одновременно разговаривать было бы слишком. Но Хагрид заметил, что Гарри какой-то притихший и грустный.

— Чой-то случилось? — спросил он.

— Все в порядке, — соврал Гарри.

Они зашли в магазинчик, чтобы купить пергамент и перья. Гарри немного развеселился, купив флакончик чернил, которые меняли цвет в процессе письма.

— Хагрид, а что такое квиддич? — спросил он, когда они вышли из магазина.

— Черт меня подери, Гарри, разве можно не знать, что такое квиддич?! Извини... э-э... все время забываю, что ты почти ничего не знаешь.

— Перестань. Мне и так плохо, — мрачно сказал Гарри. И рассказал Хагриду о том, что произошло в магазине одежды. — И еще он сказал, что детей из семей маглов не следует принимать в школу, и...

— Но ты же не из маглов, — горячо возразил Хагрид. — Знай этот мальчишка, кто ты есть... Он твое имя с детства знает, если он из наших... Ты ж видел, как тебя встречали в «Дырявом котле». И вообще ничего он в этом не понимает, да! Ты мне поверь, среди лучших магов такие есть, которые от маглов родились и с ними жили. Да вот хоть маму твою возьми и сестру ее...

— Ты мне так и не ответил: что такое квиддич?

— Это наш спорт. Спорт волшебников. Что-то вроде... э-э... футбола у маглов. Все играют в квиддич, и болельщиков куча. В него в воздухе играют, на метлах, и там четыре мяча... ну... сложно это, в общем, тебе все объяснять, правила и все такое...

— А что такое Слизерин и Пуффендуй?

— Школьные факультеты. Их четыре всего. Про Пуффендуй говорят, что там самые тупицы учатся, но...

— Готов спорить, что я попаду в Пуффендуй, — мрачно заметил Гарри.

— Лучше в Пуффендуй, чем в Слизерин, — еще более мрачно ответил Хагрид. — Все те, кто потом плохими стали, они все из Слизерина были. Ты-Знаешь-Кто тоже оттуда.

— Волан... извини... Ты-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?

— Много-много лет назад, — ответил Хагрид.

После этого они зашли за учебниками в магазин под названием «Флориш и Блоттс», где было столько книг, сколько Гарри ни разу в жизни не видел, — они стояли на полках, занимая все пространство магазина от пола до потолка. Там были гигантские фолианты в кожаных переплетах, каждый весом с огромный булыжник; там были книги размером с почтовую марку и книги в шелковых обложках; там были книги, испещренные непонятными символами, и книги, в которых были только пустые страницы. Эти книги не оставили бы равнодушным даже Дадли, который никогда ничего не читал. Хагриду пришлось буквально силой оттащить Гарри от учебника профессора Виндиктуса Виридиана «Как наслать проклятие и защититься, если проклятие наслало на вас» («Очаруйте ваших друзей и одурманьте ваших врагов. Самые современные способы взять реванш» — гласил подзаголовок книги. — «Выпадение волос. Ватные ноги. Немота и многое-многое другое»).

— Я пытался узнать, как наслать проклятие на Дадли, — объяснил Гарри.

— Не скажу, что идея плоха, но ты пойми, нельзя... э-э... пользоваться магией в мире маглов. Хотя, если по правде, иногда можно... н-ну... от ситуации зависит. — Хагрид покивал, показывая, что с пониманием относится к тому, что сказал Гарри, — ведь это именно из-за Хагрида у Дадли вырос пороссячий хвостик. — Но ты ж все равно так не сможешь пока — этому не сразу учат. Тебе сначала многое другое надо будет узнать.

Хагрид не позволил Гарри купить котел из чистого золота.

— В списке сказано, что тебе оловянный нужен, значит, оловянный и купим. — Тут великан был неумолим.

Зато они купили очень красивые и точные весы, а еще приобрели складной медный телескоп. Затем они посетили аптеку, в которой все было так волшебное, что Гарри даже не обратил внимания на ужасный запах — там пахло тухлыми яйцами и гнилыми кабачками. На полу стояли бочки с какой-то слизью, вдоль стен выстроились стеклянные банки с засушенными растениями, толчеными корнями и разноцветными порошками, а с потолка свисали связки перьев, клыков и загнутых когтей. Пока Хагрид разговаривал с аптекарем — им нужно было купить всякие ингредиенты для приготовления волшебных снадобий, — Гарри изучал серебряные рога единорога стоимостью в двадцать один галлеон каждый и крошечные глаза жуков, блестящие и черные (пять кнатов за ковшик).

Выйдя из аптеки, Хагрид попросил Гарри показать ему письмо и еще раз внимательно его изучил.

— Не, еще не все... еще одна вещь осталась, — сказал он. — Я тебе до сих пор... э-э... подарок не купил, а у тебя ж день рождения сегодня.

Гарри почувствовал, что краснеет.

— Но вы совсем не обязаны...

— Да знаю я, что не обязан, — отмахнулся от него Хагрид. — Вот чего... куплю-ка я тебе животное. Может, жабу... хотя нет, жабы сто лет как из моды вышли, тебя в школе на смех подымут. И кошек я не люблю, мне от них... э-э... чихать охота. Во — купим тебе сову. О совах все дети мечтают, да и к тому же полезные они, почту твою носят, и все такое.

Двадцать минут спустя они вышли из магазина под названием «Торговый центр “Совы”», и Гарри зажмурился от яркого солнца, потому что в магазине царила полная шорохов, шелеста и шуршания перьев тьма, освещаемая лишь мерцанием ярких, как драгоценные камни, глаз. В руке Гарри держал огромную клетку, в которой сидела красивая полярная сова. Сова спала, засунув голову под крыло. Гарри распырало чувство признательности, и он никак не мог остановиться, в сотый раз говоря Хагриду большое спасибо и начиная заикаться, как профессор Квиррелл.

— Ну хватит тебе, — ворчливо заметил Хагрид, пытаясь скрыть смущение — он явно был очень польщен. — Я ж так понял, что Дурсли эти тебя... ну... не особо подарками баловали. А ты не с ними теперь, а с нами, тут... э-э... по-другому все будет. Ладно, нам только волшебная палочка осталась. В «Олливандер» пойдём, лучшее место для этого. Там тебе такую палочку подберут, закачаешься, да!

Гарри затаил дыхание: получить волшебную палочку ему хотелось больше, чем все остальное, что было в списке.

Магазин находился в маленьком обшарпанном здании. С некогда золотых букв «Семейство

Олливандер — производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры» давно уже облетела позолота. В пыльной витрине на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка.

Когда они вошли внутрь, где-то в глубине магазина зазвенел колокольчик. Помещение было крошечным и абсолютно пустым, если не считать одного длинного тонконогого стула, на который уселся Хагрид в ожидании хозяина. Гарри чувствовал себя очень странно — словно он попал в библиотеку, в которой были очень строгие правила. У него возникла куча новых вопросов, которые он собирался задать Хагриду, но здесь не решался. Вместо этого он рассматривал тысячи узеньких коробочек, выстроившихся вдоль стен от пола до потолка. Гарри почувствовал, как по коже побежали мурашки. Здешние пыль и тишина были полны волшебных секретов и, казалось, издавали почти неслышный звон.

— Добрый день, — послышался тихий голос.

Гарри подскочил от неожиданности. Хагрид, по-видимому, тоже подскочил, потому что раздался громкий треск, и великан быстро отошел от покосившегося стула.

Перед ними стоял пожилой человек, от его больших, почти бесцветных глаз исходило странное, прямо-таки лунное свечение, прорезавшее магазинный мрак.

— Здравствуйте, — выдавил из себя Гарри.

— О, да. — Старичок покивал головой. — Да, да. Я так и думал, что скоро увижу вас, Гарри Поттер. — Это был не вопрос, а утверждение. — У вас глаза, как у вашей матери. Кажется, только вчера она была у меня, покупала свою первую палочку. Десять дюймов с четвертью, элегантная, гибкая, сделанная из ивы. Прекрасная палочка для волшебницы.

Мистер Олливандер приблизился к Гарри почти вплотную. Гарри ужасно захотелось отвернуться или просто моргнуть. От взгляда этих серебристых глаз ему стало не по себе.

— А вот твой отец предпочел палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Тоже очень гибкая. Чуть более мощная, чем у твоей матери, и великолепно подходящая для превращений. Да, я сказал, что твой отец предпочел эту палочку, но это не совсем так. Разумеется, не волшебник выбирает палочку, а палочка волшебника.

Мистер Олливандер стоял так близко к Гарри, что их носы почти соприкасались. Гарри даже видел свое отражение в затуманенных глазах старика.

— А, вот куда...

Мистер Олливандер вытянул длинный белый палец и коснулся шрама на лбу Гарри.

— Мне неприятно об этом говорить, но именно я продал палочку, которая это сделала, — мягко произнес он. — Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Это была мощная палочка, очень мощная, и в плохих руках... Что ж, если бы я знал, что натворит эта палочка, я бы...

Он потряс головой, и вдруг, к облегчению Гарри, который больше не мог выдерживать этот взгляд, заметил Хагрида.

— Рубеус! Рубеус Хагрид! Рад видеть вас снова... Дуб, шестнадцать дюймов, очень подвижная, не так ли?

— Так и было, да, сэр, — ответил Хагрид.

— Хорошая была палочка. Но, как я понимаю, ее переломили надвое, когда вас отчислили? — Мистер Олливандер внезапно посуровел.

— Э-э-э... Да, так и было, сэр, — согласился Хагрид, изучая свои ноги и зачем-то вытирая их об пол. И вдруг просиял. — Но зато у меня остались обломки.

— Надеюсь, вы их не используете? — строго спросил мистер Олливандер.

— О, конечно нет, сэр, — быстро ответил Хагрид.

Гарри заметил, что Хагрид очень крепко сжал свой розовый зонтик.

— Гм-м-м, — задумчиво протянул мистер Олливандер, не сводя с Хагрида испытующего взгляда. — Ладно, а теперь вы, мистер Поттер. Дайте мне подумать. — Он вытащил из кармана

длинную линейку с серебряными делениями. — Какой рукой вы держите палочку?

— Я?.. — замялся Гарри, наконец спохватившись. — А, я правша!

— Вытяните руку. Вот так.

Старичок начал измерять правую руку Гарри. Сначала расстояние от плеча до пальцев, затем расстояние от запястья до локтя, затем от плеча до пола, от колена до подмышки, и еще зачем-то измерил окружность головы.

— Внутри каждой палочки находится мощная магическая субстанция, мистер Поттер, — пояснял старичок, проводя свои измерения. — Это может быть шерсть единорога, перо из хвоста феникса или высушенное сердце дракона. Каждая палочка фирмы «Олливандер» индивидуальна, двух похожих не бывает, как не бывает двух абсолютно похожих единорогов, драконов или фениксов. И конечно, вы никогда не достигнете хороших результатов, если будете пользоваться чужой палочкой.

Гарри внезапно осознал, что линейка сама его измеряет, а мистер Олливандер давно отошел к полкам и снимает с них одну коробочку за другой.

— Достаточно, — сказал он, и линейка упала на пол. — Что ж, мистер Поттер, для начала попробуем эту. Бук и сердце дракона. Девять дюймов. Очень красивая и удобная. Возьмите ее и взмахните.

Гарри взял палочку в правую руку и, чувствуя себя полным дураком, немного помахал ей перед своим носом, но мистер Олливандер практически тут же вырвал ее из его руки.

— Эта не подходит, возьмем следующую. Клен и перо феникса. Семь дюймов. Очень хлесткая. Пробуйте.

Гарри попробовал — хотя едва он успел поднять палочку, как она оказалась в руках мистера Олливандера.

— Нет, нет, берите эту — эбонит и шерсть единорога, восемь с половиной дюймов, очень пружинистая. Давайте, давайте, попробуйте ее.

Гарри пробовал. И снова пробовал. И еще раз попробовал. Он никак не мог понять, чего ждет мистер Олливандер. Гора опробованных палочек, складываемых мистером Олливандером на стул, становилась все выше и выше. Но мистера Олливандера это почему-то вовсе не утомляло, а, наоборот, ужасно радовало. Чем больше коробочек он снимал с полок, тем счастливее выглядел.

— А вы необычный клиент, мистер Поттер, не так ли? Не волнуйтесь, где-то здесь у меня лежит то, что вам нужно... а кстати... действительно, почему бы и нет? Конечно, сочетание очень необычное — остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, очень гибкая прекрасная палочка.

Гарри взял палочку, которую протягивал ему мистер Олливандер. И внезапно пальцы его потеплели. Он поднял палочку над головой, со свистом опустил ее вниз, разрезая пыльный воздух, и из палочки вырвались красные и золотые искры, яркие, как фейерверк, и их отсветы заплескали на стенах.

— О, браво! Да, это действительно то, что надо, это просто прекрасно. Так, так, так... очень любопытно... чрезвычайно любопытно...

Мистер Олливандер уложил палочку обратно в коробку и начал упаковывать ее в коричневую бумагу, продолжая бормотать:

— Любопытно... очень любопытно...

— Извините, — спросил Гарри, — что именно кажется вам любопытным?

Мистер Олливандер уставился на Гарри своими выцветшими глазами.

— Видите ли, мистер Поттер, я помню каждую палочку, которую продал. Все до единой. Внутри вашей палочки — перо феникса, я вам уже сказал. Так вот, обычно феникс отдает только одно перо из своего хвоста, но в вашем случае он отдал два. Поэтому мне представляется весьма любопытным, что эта палочка выбрала вас, потому что ее сестра, которой досталось второе перо того феникса... Что ж, зачем от вас скрывать — ее сестра

оставила на вашем лбу этот шрам.

Гарри судорожно вздохнул.

— Да, тринадцать с половиной дюймов, тис. Странная вещь — судьба. Я ведь вам говорил, что палочка выбирает волшебника, а не наоборот? Так что думаю, что мы должны ждать от вас больших свершений, мистер Поттер. Тот-Чье-Имя-Нельзя-Называть сотворил много великих дел — да, ужасных, но все же великих.

Гарри поежился. Он не был уверен, что ему нравится мистер Олливандер. Он заплатил за палочку семь золотых галлеонов, и мистер Олливандер с поклонами проводил их с Хагридом до двери.

Была уже вторая половина дня, и солнце опускалось все ниже, когда они с Хагридом прошли обратно сквозь Косой переулок, потом сквозь стену и вошли в «Дырявый котел», в котором уже не было ни единого посетителя. Выйдя оттуда, они оказались в другом мире, но Гарри шел молча и словно не замечал этого. Он даже не обратил внимания на то, как смотрели на них люди, когда они с Хагридом ехали в метро, нагруженные разнообразными свертками причудливой формы и вдобавок ко всему со спящей совой. Они поднялись по эскалатору и оказались на Пэддингтонском вокзале. А Гарри, мысленно все еще пребывающий в Косом переулке, осознал, где они находятся, лишь когда Хагрид потрепал его по плечу.

— Надо б немного перекусить... как раз до твоего поезда успеем, — произнес Хагрид.

Он купил себе и Гарри по гамбургеру, и они уселись на пластиковые стулья. Гарри, очнувшись от своих мыслей, озирался по сторонам. Мир, к которому он привык, в котором прожил одиннадцать лет, теперь казался ему каким-то странным.

— С тобой все нормально, Гарри? — спросил Хагрид. — Что-то ты очень тихий.

Гарри не был уверен, что сможет объяснить свое состояние, и жевал гамбургер, пытаясь подобрать нужные слова. Да, сегодня у него был лучший день рождения за всю его жизнь, но все же, все же, все же...

— Все думают, что я особенный, — наконец произнес он. — Все эти люди в «Дырявом котле», и профессор Квиррелл, и мистер Олливандер... Но я же ничего не знаю о магии. Как они могут ожидать от меня чего-то великого? Да, я знаменит... но я даже не могу вспомнить, как произошло то, из-за чего я стал знаменитостью. Я ведь совсем не знаю, что случилось, когда Волан... извини, я хотел сказать Ты-Знаешь-Кто... В общем, я не знаю, что случилось в ту ночь, когда умерли мои родители...

Хагрид перегнулся через стол. Трудно было поверить в то, что этот ужасающего вида великан с заросшим бородой лицом и кустистыми бровями может так тепло улыбаться.

— Да ты не волнуйся, Гарри, — посоветовал он. — Ты всему быстро научишься. В Хогвартсе все начинают с самого начала, так что ты будешь в полном порядке. Просто будь собой — и все дела. Я понимаю, тебя выделили из всех остальных, ты знаменитость. Таким, как ты, всегда непросто. Но поверь мне, тебе будет очень здорово в Хогвартсе... как мне было здорово, да и до сих пор здорово, если по правде.

Когда подошел поезд, на котором Гарри должен был возвращаться к Дурслям, Хагрид втащил в купе все его вещи и на прощанье протянул конверт.

— Это твой билет на поезд до Хогвартса, — пояснил он. — Первое сентября, вокзал «Кингс Кросс» — там все написано, в билете этом. Если с Дурслями... э-э... какие проблемы, ты мне... ну... письмо пошли с совой, она знает, где меня найти... Ну, скоро свидимся, Гарри.

Поезд тронулся. Гарри пытался получше рассмотреть Хагрида, пока тот не исчез из виду, — он встал с сиденья и прижался носом к окну. Но стоило ему моргнуть, и Хагрид растворился в воздухе.

Глава 6

ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЛАТФОРМЫ НОМЕР

ДЕВЯТЬ И ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Тот август, что Гарри прожил у Дурслей перед тем, как уехать в Хогвартс, нельзя было назвать особенно веселым.

Нет, конечно же после знакомства Дурслей с Хагридом их поведение изменилось. Дадли теперь так боялся Гарри, что опасался находиться с ним в одной комнате. А тетя Петунья и дядя Вернон больше не осмеливались запира́ть Гарри в чулане, принуждать его к чему-нибудь или кричать на него. Если честно, они вообще с ним не разговаривали. Они были ужасно напуганы и одновременно злы на Гарри и вели себя так, словно его не замечали. Конечно, это было значительно лучше, чем раньше, но Гарри радовался таким переменам только поначалу, а потом стал тосковать.

Гарри почти не выходил из своей комнаты, тем более что теперь ему было с кем поговорить — у него была сова. Гарри решил назвать ее Букля, это имя он нашел в «Истории магии». Этот учебник, как и все другие, оказался жутко интересным. Целыми днями Гарри лежал на кровати и читал до поздней ночи, а Букля развлекалась, время от времени вылетая на охоту. К счастью, тетя Петунья перестала заходить к нему в комнату — ей бы не понравилось, что Букля приносит с охоты дохлых мышей. Каждую ночь перед тем, как лечь спать, Гарри рисовал еще одну палочку на специальном листке, который он приклеил к стене. Так было легче считать, сколько дней осталось до первого сентября.

В последний день августа Гарри подумал, что ему следует поговорить с тетей и дядей по поводу того, что завтра ему надо быть в Лондоне на вокзале, и он спустился в гостиную, где Дурсли смотрели телевикторину. Гарри прокашлялся, чтобы они обратили на него внимание. Заметивший его Дадли тут же с криком выбежал из комнаты.

— Э-э-э... Дядя Вернон, — робко произнес Гарри.

Дядя Вернон промычал что-то, показывая, что он слушает.

— Э-э-э... Завтра мне надо быть на вокзале «Кингс Кросс», чтобы... чтобы ехать в Хогвартс.

Дядя Вернон снова промычал — по-видимому, это означало, что Гарри может говорить дальше.

— Вы не могли бы меня отвезти?

В ответ раздалось мычание — Гарри предположил, что это знак согласия.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри и уже выходил из гостиной, когда дядя Вернон подал голос.

— Путешествие на поезде — странный способ добираться до школы волшебников. А что, все волшебные ковры-самолеты съедены молью?

Гарри предпочел промолчать.

— А где, кстати, находится эта школа?

— Не знаю, — честно ответил Гарри, впервые задумавшись над тем, что и вправду не знает адреса Хогвартса. Он вытащил из кармана билет, который купил ему Хагрид. — Мне просто надо сесть на поезд, который отходит в одиннадцать часов утра от платформы номер девять и три четверти, — произнес он, оторвав глаза от билета.

Тетя и дядя посмотрели на него как на ненормального.

— Какой платформы?

— Девять и три четверти.

— Не говори ерунды, — резко оборвал его дядя Вернон. — Платформы с таким номером нет и быть не может.

— Но так написано на моем билете, — возразил Гарри.

— Психи, — покачал головой дядя Вернон. — Самые настоящие психи. Все они. Подожди, сам это увидишь. А насчет вокзала — ладно, мы тебя отвезем. Тебе просто повезло, что нам все равно надо в Лондон, иначе бы тебе пришлось добираться туда самому.

— А зачем вам в Лондон? — поинтересовался Гарри, хотя ему было все равно, зачем Дурсли едут в город. Он просто хотел, чтобы разговор закончился мирно.

— Отвезем Дадли в больницу, — прорычал дядя Вернон. — Ему придется удалить этот проклятый хвост, прежде чем он отправится в школу.

На следующее утро Гарри проснулся в пять часов и уже не смог заснуть, он был слишком взволнован. Он встал и влез в джинсы — наверное, не стоило ехать на вокзал в мантии волшебника, проще было переодеться в поезде. Он тщательно изучил присланный ему список необходимых книг и вещей, чтобы убедиться, что ничего не забыл, запер Буклю в клетку и начал ходить взад-вперед по комнате, дожидаясь, пока проснутся Дурсли. Два часа спустя дядя Вернон запихнул огромный чемодан Гарри в багажник своей машины, тетя Петунья с трудом уговорила Дадли сесть на заднее сиденье рядом с Гарри, и они поехали.

На вокзале «Кингс Кросс» они были ровно в десять тридцать. Дядя Вернон перетащил чемодан Гарри на тележку и сам отвез ее на перрон. Гарри шел следом, думая о том, что дядя Вернон необычно добр к нему. Но все стало ясно, когда дядя Вернон наконец остановился и огляделся по сторонам, издевательски усмехаясь.

— Ну что ж, мальчик, вот ты и на месте. Вот платформа девять, а вот платформа десять. Твоя платформа, по идее, должна быть где-то посередине. Но, судя по всему, ее еще не успели построить.

Разумеется, он был абсолютно прав. Над одной платформой висела большая пластиковая табличка с цифрой девять, а над другой — такая же табличка с цифрой десять. Посередине ничего не было.

— Ну что ж, счастливой учебы. — Улыбка на лице дяди Вернона стала еще злораднее. Дядя повернулся и ушел, не говоря ни слова. Гарри обернулся и увидел, как машина Дурслей отъезжает от вокзала, а дядя Вернон, тетя Петунья и Дадли смотрят на него и смеются.

У Гарри пересохло во рту. Он совершенно не представлял, что делать. Его волнение усиливалось с каждой минутой, потому что стоявшие на платформе люди начали бросать на него странные взгляды — наверное, все дело было в Букле. Все, что Гарри мог придумать — это спросить у кого-то, где находится нужная ему платформа. Но у кого?

Гарри помахал рукой проходившему мимо полицейскому, дежурившему на вокзале, но когда тот остановился, так и не решился упомянуть платформу номер девять и три четверти, опасаясь, что полицейский примет его за сумасшедшего. Выяснилось, что полицейский никогда не слышал о школе Хогвартс, а Гарри даже не мог объяснить ему, в какой части страны находится школа, потому что сам этого не знал. В конце концов полицейский начал раздражаться. Наверное, ему показалось, что Гарри просто дурачится. Уже отчаявшись, Гарри спросил, какой поезд уходит в одиннадцать часов, и услышал в ответ, что такого поезда не существует.

Полицейский ушел, бормоча что-то про бездельников, отнимающих у людей время, а Гарри прикладывал все силы к тому, чтобы не запаниковать. Если верить большим вокзальным часам, у него оставалось десять минут на то, чтобы сесть на поезд и отправиться в Хогвартс, а он не представлял, как ему это сделать. Он стоял посреди платформы с огромным чемоданом, который с трудом мог оторвать от земли, с карманами, полными волшебных денег, и с клеткой, где сидела большая сова.

Наверное, Хагрид забыл сказать ему, что надо будет сделать, когда он окажется на вокзале, — что-нибудь вроде того, что Хагрид проделал, чтобы попасть в Косой переулок, постучав по третьему кирпичу слева. Гарри уже подумывал о том, чтобы вытащить из чемодана волшебную палочку и начать постукивать ею по билетной кассе между платформами девять и десять.

В этот момент мимо него прошла группа людей, и до Гарри донеслись обрывки разговора.

— Я так и думала, что тут будет целая толпа маглов...

Гарри резко повернулся. Эти слова произнесла пухлая женщина, разговаривавшая с четырьмя огненно-рыжими мальчиками. Каждый вез на тележке чемодан тех же размеров, что и у Гарри, и у них была сова.

Гарри почувствовал, как сильно забилося его сердце, и изо всех сил толкнул вперед свою тележку, стараясь не упустить их из виду. К счастью, они вскоре остановились, и он тоже остановился, оказавшись достаточно близко для того, чтобы услышать, о чем они говорят.

— Так, какой у вас номер платформы? — поинтересовалась женщина.

— Девять и три четверти, — пропищала маленькая рыжеволосая девочка, дергая мать за руку. — Мам, а можно, я тоже поеду...

— Ты еще слишком мала, Джинни, так что успокойся. Ну что, Перси, ты иди первым.

Один из мальчиков, на вид самый старший, пошел в сторону платформ девять и десять. Гарри внимательно следил за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не пропустить. Но тут рыжеволосого мальчика загородили от него туристы, а когда они наконец прошли, Перси уже исчез.

— Фред, ты следующий, — скомандовала пухлая женщина.

— Я не Фред, я Джордж, — ответил мальчик, к которому она обращалась. — Скажи мне честно, женщина, как ты можешь называть себя нашей матерью? Разве ты не видишь, что я — Джордж?

— Джордж, дорогой, прости меня, — виновато произнесла женщина.

— Я пошутил, на самом деле я Фред, — сказал мальчик и двинулся вперед.

Его брат-близнец крикнул ему вслед, чтобы он поторапливался. И через мгновение Фред исчез из виду, а Гарри никак не мог понять, как ему это удалось?

Теперь пришла очередь третьего брата. Он тоже пошел вперед и исчез так же внезапно, как и первые двое.

Ситуация снова оказалась безвыходной. Гарри собрался с силами и подошел к пухлой женщине.

— Извините меня, — робко произнес он.

— Привет, дорогуша. — Женщина улыбнулась ему. — Первый раз едешь в Хогвартс? Рон, мой младший, тоже новичок.

Она показала на последнего из четырех мальчиков. Он был длинный, тощий и нескладный, с большими руками и ступнями, а лицо его было усыпано веснушками.

— Да, — подтвердил Гарри. — Но дело в том... дело в том, что я не знаю, как...

— ...как попасть на платформу, — понимающе закончила за него пухлая женщина, и Гарри кивнул. — Не беспокойся. — Женщина весело подмигнула ему. — Все, что тебе надо сделать, — это пойти прямо через разделительный барьер между платформами девять и десять. Самое главное — тебе нельзя останавливаться и нельзя бояться, что ты врежешься в барьер. Если ты нервничаешь, лучше идти быстрым шагом или бежать. Знаешь, тебе лучше пойти прямо сейчас, перед Роном.

— Э-э-э... ладно, — согласился Гарри, хотя на душе у него скребли кошки.

Он толкнул вперед свою тележку и посмотрел на барьер. Барьер показался ему очень и очень прочным.

Гарри двинулся по направлению к барьеру. Двигаться быстро было нелегко — его постоянно толкали снующие мимо люди, к тому же тележка была очень тяжелой. Но страх не попасть в Хогвартс оказался сильнее, и Гарри ускорил шаг. Он был уверен, что сейчас врежется прямо в билетную кассу и на этом все закончится, но, вспомнив слова пухлой женщины, налег на поручень тележки и тяжело побежал.

Барьер все приближался, и Гарри понимал, что остановиться уже не сможет, потому что ему не удастся удержать разогнавшуюся тележку. Оставалось каких-то два шага. Гарри прикрыл глаза, готовясь к удару...

Удара не произошло, и он, не замедляя бега, открыл глаза.

Гарри находился на забитой людьми платформе, у которой стоял паровоз алого цвета. Надпись на табло гласила: «Хогвартс-экспресс. 11.00». Гарри оглянулся назад и увидел, что билетная касса исчезла, а на ее месте находится арка с коваными железными воротами и табличкой: «Платформа номер девять и три четверти». Значит, он смог, значит, у него все получилось.

Над головами собравшихся на платформе людей плыли извергаемые паровозом клубы дыма, а под ногами шмыгали разноцветные кошки. До Гарри доносились голоса, скрип тяжелых чемоданов и недовольное уханье переговаривавшихся друг с другом сов.

Первые несколько вагонов уже были битком набиты школьниками. Они высовывались из окон, чтобы поговорить напоследок с родителями, или сражались за свободные места. Гарри двинулся дальше, заглядывая в окна вагонов в поисках местечка.

— Бабушка, я снова потерял жабу, — растерянно говорил круглолицый мальчик, мимо которого проходил Гарри.

— О, Невилл, — тяжело вздохнула пожилая женщина.

Через несколько метров дорогу Гарри преградила толпа, сгрудившаяся вокруг кудрявого мальчика.

— Ну покажи, Ли, — громко просили несколько голосов. — Ну давай, чего ты...

Кудрявый приподнял крышку коробки, которую держал в руках, и все стоявшие вокруг него отпрянули с криками ужаса. Гарри успел заметить, что из коробки высунулась длинная волосатая лапа.

Гарри продолжал протискиваться сквозь толпу и наконец нашел пустое купе в вагоне, находившемся почти в самом хвосте состава. Сначала он занес в вагон клетку с Буклей, а потом попытался загрузить туда свой чемодан. Однако ему никак не удавалось поднять его на нужную высоту, и дважды чемодан падал и больно бил его по ноге.

— Помощь нужна? — обратился к нему рыжеволосый мальчик. Это был один из тех близнецов, чья мать подсказала Гарри, что нужно делать.

— О, спасибо. — Гарри тяжело перевел дыхание.

— Эй, Фред! Иди сюда и помоги мне!

Близнецы затащили чемодан в купе и поставили его в угол.

— Спасибо, — улыбаясь, произнес Гарри, отбрасывая назад мокрые от пота волосы.

— Что это у тебя? — внезапно спросил один из близнецов, заинтересовавшись шрамом на лбу Гарри.

— Будь я проклят! — выдохнул второй. — А ты, случайно, не...

— Это он, — уверенно заявил первый близнец. — Это ведь ты?

— Кто — я? — не понял Гарри.

— Гарри Поттер — это ты? — хором спросили близнецы.

— А, вот вы про что, — уклончиво произнес Гарри, немного стесняясь. — Ну, в смысле, да, это я.

Близнецы смотрели на него, выпучив глаза и раскрыв рты. Гарри покраснел. Но тут, к его облегчению, откуда-то донесся женский голос.

— Фред? Джордж? Вы здесь?

— Мы идем, мам.

И, с трудом оторвав взгляд от Гарри, близнецы вылезли из вагона.

Гарри сел к окну и, надеясь, что его не видно с улицы, наблюдал за рыжеволосым семейством. Пухлая женщина внезапно вытащила из кармана носовой платок.

— Рон, у тебя что-то на носу.

Самый младший из мальчиков попытался увернуться, но она схватила его и начала тереть платком кончик его носа.

— Мам, отстань! — запротестовал мальчик, но высвободиться ему удалось, только когда мать сама его отпустила.

— Ой-ой-ой, у маленького Ронни грязненький носик, — насмешливо пропел один из близнецов.

— Заткнись, — бросил в ответ Рон.

— А где Перси? — спросила мать.

— Вон он идет.

Старший мальчик, о котором шла речь, подошел к остальным. Он уже переоделся, и на нем была черная школьная форма, а на его груди Гарри заметил блестящий серебряный значок с буквой «С».

— Я всего на секунду, мам, — произнес он. — Я там, в самом начале поезда, — там выделили вагон для старост...

— Так ты теперь староста, Перси? — жутко удивился один из близнецов. — А что же ты не сказал, мы ведь и не знали.

— Перестань, он, кажется, что-то нам говорил, — встрял в разговор второй близнец. — Как-то раз...

— Или два, — подхватил первый.

— Или три, — продолжил второй.

— Или все лето...

— Да заткнитесь вы. — Перси махнул рукой.

— А почему это, собственно, у Перси новая форма, а у нас старая? — спохватился один из близнецов.

— Потому что он теперь староста. — По голосу матери чувствовалось, что она гордится сыном. — Ну, иди, дорогой, желаю тебе хорошей учебы, и пришли мне сову, когда доберетесь до места.

Она поцеловала Перси в щеку, и он ушел. А женщина повернулась к близнецам.

— Так, теперь вы двое. В этом году вы должны вести себя хорошо. Если я еще раз получу сову с известием о том, что вы что-то натворили — взорвали туалет или...

— Взорвали туалет? — изумился один. — Мы никогда не взрывали туалетов.

— А может, попробуем? — хмыкнул второй. — Отличная идея, спасибо, мам.

— Это не смешно, — отрезала мать. — И приглядывайте за Роном.

— Не бойся, мы не дадим крошечку Ронни в обиду...

— Заткнитесь вы, — снова пробурчал Рон. Хотя он и был младше близнецов, но роста все трое были примерно одинакового. Кончик носа у Рона заметно покраснел — видимо, мать, вытирая его платком, немного перестаралась.

— Да, мам, ты себе и представить не можешь, — начал один из близнецов. — Угадай, кого мы только что встретили в поезде?

Гарри быстро откинулся назад, чтобы его не заметили.

— Помнишь черноволосого мальчишку, который стоял рядом с нами на вокзале? — спросил женщину второй. — Знаешь, кто он?

— Кто же?

— Гарри Поттер!

До Гарри долетел тонкий голос девочки.

— Ой, мам, можно, я залезу в вагон и посмотрю на него? Мам, ну, пожалуйста...

— Ты его уже видела, Джинни. И вообще не надо пялиться на бедного мальчика, как на животное в зоопарке. Так это действительно он, Фред? Откуда ты это знаешь?

— Я его спросил, — пояснил Фред. — Увидел его шрам и спросил. А шрам на самом деле такой, как говорят, — похож на молнию.

— О, бедняжка, неудивительно, что он был один! — воскликнула женщина. — Я все еще думала: почему его никто не провожает? Он такой вежливый, такой воспитанный.

— Да ладно, не в этом дело, — перебил ее один из близнецов. — Как ты думаешь, он помнит, как выглядит Ты-Знаешь-Кто?

Мать внезапно посуровела.

— Я запрещаю тебе спрашивать его об этом, Фред. Даже и не думай. Неужели ему нужно напоминать об этом именно сегодня?

— Да ладно, ладно, не буду.

Прозвучал громкий свисток.

— Давайте, поживее! — произнесла женщина, и трое рыжеволосых мальчишек влезли в вагон и, оставшись в тамбуре, посылали сестре и матери воздушные поцелуи. Девочка неожиданно расплакалась.

— Перестань, Джинни, мы завалим тебя совами, — утешил ее один из близнецов.

— Мы пришлем тебе унитаз из школьного туалета, — пообещал второй.

— Джордж! — возмущенно воскликнула женщина.

— Да я шучу, мам.

Поезд двинулся с места. Гарри увидел, как женщина машет сыновьям рукой, а маленькая девочка, то ли смеясь, то ли плача, бежит за вагоном. Но вскоре она отстала, потому что поезд набирал скорость.

Поезд чуть вильнул вправо, и платформа пропала из вида. За окном замелькали дома. Гарри ощутил прилив возбуждения. Он еще не знал, что ждет его там, куда он едет, но он был уверен: это будет лучше, чем то, что он оставлял позади.

Дверь в купе приоткрылась и внутрь заглянул один из рыжих мальчиков.

— Здесь свободно? — спросил он Гарри, указывая на сиденье напротив. — В других вообще сесть некуда.

Гарри кивнул, и рыжий быстро уселся. Он украдкой покосился на Гарри, но тут же перевел взгляд, делая вид, что его очень интересует пейзаж за окном. Гарри заметил на носу у мальчика черное пятно, которое матери так и не удалось стереть.

— Эй, Рон! — окликнули его заглянувшие в купе близнецы. — Мы пойдем. Там Ли Джордан едет в двух вагонах от нас, он с собой гигантского тарантула везет.

— Ну идите, — промямлил Рон.

— Гарри, мы так тебе и не представились. — Близнецы улыбались. — Фред и Джордж Уизли. А это наш брат Рон. Еще увидимся.

— До встречи, — почти одновременно произнесли Рон и Гарри. И близнецы ушли.

— Ты действительно Гарри Поттер? — выпалил вдруг Рон, и сразу стало понятно, что его распирало от желания задать этот вопрос. Он ради этого и подсел в купе Гарри, хотя в вагоне была куча свободных мест.

Гарри кивнул.

— О, а я уж подумал, что это очередная шутка Фреда и Джорджа, — выдохнул Рон. — А у тебя действительно есть... ну, ты знаешь...

Он вытянул палец, указывая на лоб Гарри.

Гарри провел рукой по волосам, открывая лоб. Рон, увидев шрам, не сводил с него глаз.

— Значит, это сюда Ты-Знаешь-Кто...

— Да, — подтвердил Гарри. — Но я этого не помню.

— Совсем ничего не помнишь? — судя по голосу, Рон надеялся на обратное. — Ну вообще ничего?

— Я помню лишь много зеленого света, и все.

— Ух ты, — качнул головой Рон. Он сидел и смотрел на Гарри, не отводя глаз, как зачарованный, но потом спохватился и уставился в окно.

— У тебя в семье все волшебники? — спросил Гарри. Рон был ему интересен в той же степени, насколько он был интересен Рону.

— Э-э-э... да. Думаю, да, — после некоторого раздумья выдал Рон. — Кажется, у мамы есть двоюродный брат, он из маглов, бухгалтер, но мы о нем никогда не говорим.

Вполне очевидно, что Уизли были из тех настоящих семей волшебников, о которых говорил бледный мальчик в магазине, где Гарри купил школьную форму.

— Я слышал, что ты жил у маглов. — В глазах Рона светилось жуткое любопытство. — Какие они вообще?

— Ужасные... хотя, наверное, не все. Но мои тетя, дядя и двоюродный брат — они ужасные. Я бы хотел, чтобы у меня было трое братьев-волшебников, как у тебя.

— У меня их пятеро. — Голос Рона почему-то был совсем невеселым. — Я шестой. И мне теперь придется сделать все, чтобы оказаться лучше, чем они. Билл был лучшим учеником школы, Чарли играл в квиддич, носил капитанскую повязку. А Перси вот стал старостой. Фред и Джордж, конечно, занимаются всякой ерундой, но у них хорошие отметки, и их все любят. А теперь все ждут от меня, что я буду учиться не хуже братьев. Но даже если так и будет, это ничего не даст, ведь я самый младший. Значит, мне надо стать лучше, чем они, а я не думаю, что у меня это получится. К тому же когда у тебя пять братьев, тебе никогда не достается ничего нового. Вот я и еду в школу со всем старым — форма мне досталась от Билла, волшебная палочка от Чарли, а крыса от Перси.

Рон запустил руку во внутренний карман куртки и вытащил оттуда жирную серую крысу, которая безмятежно спала.

— Ее зовут Короста, и она абсолютно бесполезная — спит целыми днями. Отец подарил Перси сову, когда узнал, что тот будет старостой, и я тоже хотел, но у них нет де... я хотел сказать, что вместо этого получил крысу.

У Рона покраснели уши. Казалось, он решил, что сказал много лишнего, поэтому замолчал и стал смотреть в окно.

Гарри подумал, что не стоит стесняться того, что у твоих родителей нет денег, чтобы купить сову. В конце концов, у него никогда в жизни не было денег — до начала прошлого месяца, — и он рассказал об этом Рону. И о том, как донашивал за Дадли старую одежду и никогда не получал нормальных подарков на дни рождения. Рон немного приободрился.

— А пока Хагрид мне не рассказал, я даже не знал о том, что я волшебник, — продолжал Гарри. — И ничего не знал о своих родителях и о Воладе-Морте...

Рон отпрянул от него, вцепившись в сиденье.

— Ты что? — удивился Гарри.

— Ты назвал по имени Ты-Знаешь-Кого! — В голосе Рона звучали испуг и уважение. — Я-то думал, что кто-кто, но ты...

— Я вовсе не пытался казаться храбрецом, — пояснил Гарри. — Просто я не знал, что это имя нельзя произносить. Теперь ты понял, о чем я говорил? Я еще столько всего не знаю, мне еще столько предстоит выучить... И боюсь... Боюсь, что я буду худшим учеником в школе...

Гарри выразил мысль, которая уже давно его тревожила

— Не бойся, — обнадежил его Рон. — В школе много учеников, которые выросли в семьях маглов, и они довольно быстро всему учатся.

Пока они болтали, поезд выехал из Лондона и сейчас несся мимо полей и лугов, на которых паслись коровы и овцы. Гарри и Рон примолкли, глядя в окно.

Примерно в половине первого из тамбура донесся стук, а затем в купе заглянула улыбающаяся женщина с ямочкой на подбородке.

— Хотите чем-нибудь перекусить, ребята?

Гарри не ел со вчерашнего вечера и поспешно вскочил, услышав заманчивое предложение. У Рона снова покраснели уши, и он пробормотал что-то насчет того, что прихватил с собой сэндвичи. Так что в коридор Гарри вышел один.

Когда он жил с Дурслями, у него никогда не было в карманах денег, а следовательно, и возможности покупать себе сладости. Но сейчас его карманы были полны золотых и серебряных монет, и он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько сможет унести. Но у женщины не было батончиков «Марс». На ее лотке лежали пакетики с круглыми конфетками-драже «Берти Боттс», которые, если верить надписи на пакетиках, отличались самым разнообразным вкусом. Еще у нее была «лучшая взрывающаяся жевательная резинка Друбблс», «шоколадные лягушки», тыквенное печенье, сдобные котелки, лакричные палочки и прочие сладости мира волшебников, которых Гарри никогда не видел и не пробовал. Чтобы ничего не упустить, он набрал всего понемногу и заплатил женщине одиннадцать серебряных сиклей и семь бронзовых кнатов.

Рон удивленно смотрел, как Гарри возвращается на свое место с полными руками и сваливает покупки на свободное сиденье.

— Ты такой голодный?

— Я умираю с голоду, — ответил Гарри, разворачивая тыквенное печенье и откусывая сразу половину.

Рон вытащил откуда-то бумажный пакет и вынул из него четыре сэндвича.

— Она всегда забывает, что я не люблю копченую говядину, — грустно произнес он.

— Меняю на свое. — Гарри протянул ему печенье. — Давай присоединяйся...

— Да нет, тебе эти сэндвичи не понравятся — мясо сухое, и соуса никакого нет, — покачал головой Рон и вдруг напрягся. — Мама просто забыла — нас же у нее много...

— Давай ешь. — Гарри кивнул на свои сладости.

У него никогда не было того, чем можно было бы поделиться с другими. А если честно, делиться тоже было не с кем. Так что он испытывал очень приятное чувство, сидя напротив Рона и вместе с ним поедая купленные припасы. Про сэндвичи они так и забыли.

— А это что? — спросил Гарри, беря в руки упаковку «шоколадных лягушек». — Это ведь не настоящие лягушки, правда?

Следовало признать, что Гарри не удивился бы, если бы лягушки оказались настоящими. Ему вообще казалось, что теперь его ничем не удивишь.

— Нет, не настоящие, они только сделаны в форме лягушек, а сами из шоколада, — улыбнулся Рон. — Будешь есть, вкладыш не выбрасывай — у меня Агриппы не хватает...

— Что? — не понял Гарри.

— А, ну конечно, ты не знаешь, — спохватился Рон. — Там внутри коллекционные карточки. Из серии «Знаменитые волшебницы и волшебники». Многие ребята их собирают. У меня их примерно пять сотен, только вот Агриппы нет и Птолемея, кажется, тоже.

Гарри развернул «лягушку» и вытащил карточку. На ней был изображен человек в затемненных очках, с длинным крючковатым носом и вьющимися седыми волосами, седыми усами и седой бородой. «Альбус Дамблдор» гласила подпись под картинкой.

— Так вот какой он, этот Дамблдор! — воскликнул Гарри.

— Только не говори мне, что ты никогда не слышал о Дамблдоре! — запротестовал Рон. — Можно, я возьму одну «лягушку» — может быть, Агриппа попадется...

Гарри перевернул карточку и прочитал:

Альбус Дамблдор, в настоящее время директор школы «Хогвартс». Считается величайшим волшебником нашего времени. Профессор знаменит своей победой над темным волшебником Грин-де-Вальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и своими трудами по алхимии в соавторстве с Николасом Фламельем. Хобби — камерная музыка и игра в кегли.

Гарри снова перевернул карточку и с удивлением заметил, что картинка куда-то делась.

— Он куда-то исчез! — завопил Гарри.

— Но ты же не ждал, что он будет торчать тут целый день, — заметил Рон. — Он вернется. А вот мне опять попалась Моргана, а у меня таких уже шесть штук. Может, возьмешь и начнешь собирать коллекцию?

Рон как бы случайно окинул взглядом кучку «лягушек», которые дожидались, когда их развернут.

— Угощайся, — предложил Гарри, проследив направление его взгляда. — Кстати, ты знаешь, что у маглов, если человека фотографируют, то он никуда не исчезает с фотографии?

— Да ты что? — ужасно удивился Рон. — Что, они вообще не двигаются? Ну дела!

Гарри смотрел на карточку до тех пор, пока на ней снова не появилось изображение Дамблдора, который неожиданно улыбнулся ему. Рон этого не заметил, вопреки заверениям, его вообще куда больше интересовал процесс поглощения шоколада, чем разглядывание карточек. А Гарри глаз не мог от них отвести. Скоро, помимо Дамблдора и Морганы, в его коллекции появились Хенгист из Вудкрофта, Альберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Прошло немало времени, прежде чем он отложил последнюю карточку, на которой неспешно почесывала нос жрица друидов Клиодна.

— Ты поосторожнее, — посоветовал Рон, заметив, что Гарри взял в руки пакетик с драже. — Там написано, что у них самый разный вкус, так вот, это истинная правда. Нет, там есть вполне нормальные вкусы — апельсин, скажем, или шоколад, или мята, но иногда попадаетесь шпинат, или почки, или требуха. Джордж уверяет, что ему как-то попалась конфета со вкусом соплей.

Рон выбрал зеленое драже, внимательно осмотрел его и откусил кусок.

— Фу! — поморщился он. — Брюссельская капуста!

Они неплохо повеселились, поедая эти драже. Гарри попробовал конфеты со вкусом жареного хлеба, кокоса, фасоли, клубники, карри, травы, кофе и сардин. И даже смело откусил кусочек от серой конфетки, к которой Рон побоялся прикоснуться, — оказалось, что она была со вкусом перца.

Местность за окном резко изменилась. На смену возделанным полям пришли леса, реки и зеленые холмы.

Кто-то постучал в дверь купе. На пороге появился круглолицый мальчик, мимо которого Гарри проходил, когда шел по платформе. Выглядел он так, словно собирался вот-вот расплакаться.

— Извините, — сказал мальчик. — Вы тут не видели жабу?

Рон и Гарри дружно покачали головами, и мальчик начал причитать.

— Я потерял ее! Она вечно от меня убегает!

— Она найдется, — заверил его Гарри.

— Да, наверное, — грустно произнес круглолицый. — Что ж, если вы ее увидите...

И с этими словами он ушел.

— Не пойму, чего он так волнуется. — Рон пожал плечами. — Если бы я вез с собой жабу, я бы потерял ее еще на платформе. Хотя моя крыса немногим лучше жабы, так что не мне об этом говорить.

Крыса все еще спала, уютно устроившись у Рона за пазухой.

— Может, она давно умерла, а может, и спит — разницы никакой. Выглядит одинаково, — с отвращением проговорил Рон. — Вчера я пытался ее заколдовать, чтобы она стала желтого цвета — я подумал, что так она будет выглядеть поинтереснее, — но ничего не получилось. Я тебе сейчас покажу, смотри...

Рон порылся в своем чемодане и вытащил оттуда потрепанного вида волшебную палочку. Она была выщерблена в нескольких местах, а на конце поблескивало что-то белое.

— Шерсть единорога почти вылезла наружу, — смущенно заметил Рон. — Итак...

Не успел он поднять палочку, как дверь купе снова открылась. На пороге снова появился круглолицый мальчик, но на этот раз с ним была девочка с густыми каштановыми волосами, уже переодевшаяся в школьную форму. Ее передние зубы были чуть крупнее, чем надо.

— Никто не видел жабу? Невилл ее потерял, а я помогаю ему ее отыскать. Так вы ее видели или нет? — спросила девочка прямо-таки начальственным тоном.

— Он здесь уже был, и мы ему сказали, что не видели, — ответил Рон, но девочка, кажется, его не слушала, ее внимание было приковано к волшебной палочке в руках Рона.

— О, ты показываешь чудеса? Давай, мы тоже посмотрим.

Она опустила на свободное сиденье, и Рон занервничал.

— Э-э-э... — нерешительно протянул он. — Ну ладно.

Он прокашлялся и снова поднял палочку:

— Жирная глупая крыса, перекарасься ты в желтый цвет и стань такой же, как масло, как яркий солнечный свет.

Он помахал палочкой, но ничего не произошло. Короста по-прежнему оставалась серой и все так же безмятежно спала.

— Ты уверен, что это правильное заклинание? — поинтересовалась девочка. — Что-то оно не действует, ты не заметил? А я тут взяла из книг несколько простых заклинаний, чтобы немного попрактиковаться, — и всё получилось. В моей семье нет волшебников, я была так ужасно удивлена, когда получила письмо из Хогвартса, — я имею в виду, приятно удивлена, ведь это лучшая школа волшебства в мире. И конечно, я уже выучила наизусть все наши учебники — надеюсь, что этого будет достаточно для того, чтобы учиться лучше всех. Да, кстати, меня зовут Гермиона Грэйнджер, а вас?

Она говорила очень быстро, и все же Гарри уловил смысл сказанного и забеспокоился. Но, посмотрев на Рона, по его застывшему лицу убедился, что тот тоже не выучил учебники наизусть.

— Я — Рон Уизли, — пробормотал Рон.

— Гарри Поттер, — представился Гарри.

— Ты действительно Гарри Поттер? — Взгляд девочки стал очень внимательным. — Можешь не сомневаться, я все о тебе знаю. Я купила несколько книг, которых не было в списке, просто для дополнительного чтения, и твое имя упоминается в «Современной истории магии», и в «Развитии и упадке Темных искусств», и в «Величайших событиях волшебного мира в двадцатом веке».

— Да? — только и вымолвил Гарри. Он был слишком ошеломлен, чтобы сказать что-то более значительное.

— Господи, неужели ты не знал? — удивилась девочка. — Если бы я была на твоём месте, я бы прочитала о себе все, что можно найти в книгах. Да, вы не знаете, на какой факультет попадете? Я уже кое-что разузнала, и хочется верить, что я буду в Гриффиндоре. Похоже, это лучший вариант. Я слышала, что сам Дамблдор когда-то учился на этом факультете. Кстати, думаю, что попасть в Когтевран тоже было бы неплохо... Ладно, мы пойдем искать жабу Невилла. А вы двое лучше переоденьтесь, я думаю, мы уже скоро приедем.

И она ушла, забрав с собой круглолицего.

— Не знаю, на каком я буду факультете, но надеюсь, мы с ней окажемся на разных, — прошептал Рон и засунул волшебную палочку обратно в чемодан. — Ничего у меня не вышло, и все из-за этого глупого заклятия. Джордж меня уверял, что оно сработает, а теперь мне кажется, что он сам его придумал, чтобы надо мной подшутить.

— А на каком факультете учатся твои братья? — спросил Гарри.

— Гриффиндор, — кивнул Рон, снова погрузившись. — Мама и папа тоже там были. Не знаю, что будет, если я попаду на какой-нибудь другой. Неплохо было бы попасть в Когтевран, но не представляю, что будет, если меня определят в Слизерин.

— Это тот факультет, где учился Волан... Ты-Знаешь-Кто?

— Ага, — кивнул Рон и замолчал. Вид у него был какой-то подавленный.

— Знаешь, мне кажется, что усы у Коросты посветлели, значит, заклинание хоть немного подействовало, — произнес Гарри, чтобы отвлечь Рона от мрачных мыслей. — А твои старшие братья, которые уже кончили школу, они чем сейчас занимаются?

Гарри было любопытно, ведь он плохо представлял себе, что делают волшебники, закончив школу.

— Чарли в Румынии, изучает драконов, а Билл работает на банк «Гринготтс» и уехал в Африку по их делам, — пояснил Рон. — Ты слышал о «Гринготтсе»? А что там на днях случилось, слышал? «Пророк» об этом писал... хотя да, у маглов же другие газеты... В общем, кто-то пытался ограбить сверхсекретный сейф.

Гарри вытаращил глаза.

— На самом деле? И что случилось с грабителями?

— Ничего. Вот почему об этом так много писали. Их не поймали. Папа говорит, что наверняка это был сильный темный волшебник, иначе бы ему не удалось пробраться в «Гринготтс» и залезть в сейф, а потом выйти оттуда целым и невредимым. Но самое странное, что грабители ничего не похитили. Конечно, все боятся, что за этим стоит Ты-Знаешь-Кто.

Гарри судорожно обдумывал услышанное. Теперь, когда кто-нибудь или даже он сам упоминал Вы-Знаете-Кого, ему становилось немного страшно. Наверное, так и должно быть, раз теперь он оказался в волшебном мире. Но лично ему было намного удобнее произносить имя Волан-де-Морт, потому что он не задумывался, произнося его, и оно совсем его не пугало.

— Ну, а про квиддич ты, конечно, слышал. — В голосе Рона была абсолютная уверенность. — Ты за какую команду болеешь?

— Э-э-э... Вообще-то я не знаю ни одной команды, — признался Гарри.

— Да ты что! — Рон выглядел потрясенным. — Это же лучшая игра в мире!

И Рон начал объяснять Гарри, что в квиддич играют четырьмя мячами, что в каждой команде по семь игроков и у каждого есть свое место на поле и свои функции. Потом он начал описывать самые знаменитые матчи, на которых ему удалось побывать со своими братьями. Потом рассказал, какую метлу он бы себе купил, если бы у него были деньги. Рон объяснял Гарри тонкости правил игры, когда дверь купе снова открылась. Но это уже был не потерявший жабу Невилл в компании Гермионы Грейнджер.

В купе вошли трое мальчишек, и Гарри сразу узнал того, кто был в центре, — тот бледный мальчик из магазина мадам Малкин, где Гарри покупал школьную форму. Сейчас он смотрел на Гарри с куда большим интересом, чем тогда в магазине.

— Это правда? — с порога спросил бледнолицый. — По всему поезду говорят, что в этом купе

едет Гарри Поттер. Значит, это ты, верно?

— Верно, — кивнул Гарри.

Те двое, что пришли с бледнолицым, были крепкие ребята, и вид у них был довольно неприятный. Стоя по бокам бледнолицего, они напоминали его телохранителей.

— Это Крэбб, а это Гойл, — небрежно представил их бледнолицый, заметив, что Гарри рассматривает его спутников. — А я Малфой, Драко Малфой.

Рон прокашлялся. Гарри показалось, что он таким образом сдерживает смех.

Драко Малфой неодобрительно покосился на Рона.

— Мое имя тебе кажется смешным, не так ли? Даже не буду спрашивать, как тебя зовут. Мой отец рассказал мне, что если видишь рыжего и веснушчатого мальчишку, значит, он из семьи Уизли. Семьи, в которой больше детей, чем могут себе позволить их родители.

Выдав эту убийственную тираду, Малфой снова повернулся к Гарри:

— Ты скоро узнаешь, Поттер, что в нашем мире есть несколько династий волшебников, которые куда круче всех остальных. Тебе ни к чему дружить с теми, кто этого не достоин. Я помогу тебе во всем разобраться.

Он протянул руку для рукопожатия, но Гарри сделал вид, что этого не заметил.

— Спасибо, но я думаю, что сам могу понять, кто чего достоин, — холодно заметил он.

Драко Малфой не покраснел, но на его бледных щеках появились розовые пятна.

— На твоём месте я был бы поосторожнее, Поттер, — медленно произнес он. — Если ты не будешь повежливее, то закончишь, как твои родители. Они, как и ты, не знали, что для них хорошо, а что плохо. Если ты будешь общаться с отребьем вроде Уизли и этого Хагрида, тебе же будет хуже.

Гарри и Рон одновременно поднялись со своих мест. Лицо Рона стало таким же медно-красным, как и его волосы.

— Повтори, что ты сказал, — потребовал Рон.

— О, вы собираетесь с нами драться, не так ли? — презрительно выдавил из себя Малфой.

— Да, если ты немедленно отсюда не уберешься, — храбро заявил Гарри, хотя, если честно, голос его был куда смелее, чем он сам. Все-таки Крэбб и Гойл были намного крупнее, чем они с Роном.

— О, мы вовсе не собираемся уходить, правда, ребята? — усмехнулся Малфой, поворачиваясь к своим спутникам. — А к тому же мы проголодались, а у вас тут куча еды.

Гойл потянулся к лежавшим на одном из сидений «шоколадным лягушкам». Рон прыгнул на него, но, прежде чем ему удалось коснуться Гойла, тот издал ужасающий крик.

На руке Гойла повисла Короста, впившаяся ему в палец маленькими, острыми зубами. Крэбб и Малфой попятились назад, а Гойл размахивал рукой, пытаясь стряхнуть крысу и завывая от боли. И как только Короста наконец разжала зубы и отлетела в сторону, ударившись о закрытое окно, все трое молниеносно испарились. Наверное, они подумали, что в купе прячется еще множество крыс, а может, они услышали шаги, потому что через секунду в купе заглянула Гермиона Грэйнджер.

— Что тут у вас происходит? — спросила она, глядя на разбросанные по полу сладости и Рона, державшего за хвост крысу.

— Думаю, что она потеряла сознание, — произнес Рон, обращаясь к Гарри. А потом повнимательнее присмотрелся к Коросте. — Нет... не могу поверить! Представляешь, она снова уснула.

Короста на самом деле спала.

— Ты раньше встречался с Малфоем? — поинтересовался Рон.

Гарри рассказал об их встрече в Косом переулке.

— Я слышал о его семейке, — мрачным тоном начал Рон. — Они одни из первых перешли обратно на нашу сторону, когда Ты-Знаешь-Кто исчез. Они сказали, что он их околдовал. А мой отец в это не верит. Он сказал, что отцу Малфоя не нужно было даже повода для того, чтобы перейти на Темную сторону.

Гермиона все еще стояла на пороге купе, и Рон повернулся к ней:

— Мы можем тебе чем-нибудь помочь?

— Вы лучше поторопитесь, иначе не успеете переодеться. Я только что была в кабине машиниста и разговаривала с ним. Он сказал, что мы уже почти приехали. А вы тут что, дрались? Хороши, нечего сказать. Еще не доехали до школы, а уж попали в неприятную историю!

— Это Короста дралась, а не мы. — Рон сердито посмотрел на девочку. — Может быть, ты выйдешь и дашь нам переодеться?

— Разумеется. Я вообще-то зашла к вам просто потому, что во всех вагонах жуткая суета, все ведут себя как маленькие дети и носятся по коридорам. — Гермиона презрительно хмыкнула, как бы говоря, что не одобряет такого поведения. — А у тебя, между прочим, грязь на носу, ты знаешь?

Рон проводил ее свирепым взглядом, а Гарри уставился в окно. За окном, там, где высились горы и тянулись бесконечные леса, начало темнеть, а небо стало темно-фиолетовым. Поезд замедлил ход.

Гарри и Рон быстро сняли куртки и натянули длинные черные мантии. Мантия Рона была ему немного коротковата, из-под нее высывались спортивные штаны.

«Мы подъезжаем к Хогвартсу через пять минут, — разнесся по вагонам громкий голос машиниста. — Пожалуйста, оставьте ваш багаж в поезде, его доставят в школу отдельно».

Гарри так разнервничался, что у него даже живот скрутило, а Рон сильно побледнел, и веснушки на его лице стали еще ярче. Они рассовали остатки сладостей по карманам и вышли в коридор, где уже толпились остальные.

Поезд все сбавлял и сбавлял скорость и, наконец, остановился. В коридоре возникла жуткая толчея, но через несколько минут Гарри все-таки оказался на неосвещенной маленькой платформе. На улице было холодно, и он поежился. Затем над головами стоявших на платформе ребят закачалась большая лампа, и Гарри услышал знакомый голос:

— Первокурсники! Первокурсники, все сюда! Эй, Гарри, у тебя все в порядке?

Над морем голов возвышалось сияющее лицо Хагрида.

— Так, все собрались? Тогда за мной! И под ноги смотрите! Первокурсники, все за мной!

Поскальзываясь и спотыкаясь, они шли вслед за Хагридом по узкой дорожке, резко уходящей вниз. Их окружала такая плотная темнота, что Гарри показалось, будто они пробираются сквозь лесную чащу. Все разговоры стихли, и они шли почти в полной тишине, только Невилл, тот мальчик, который все время терял свою жабу, пару раз чихнул.

— Еще несколько секунд, и вы увидите Хогвартс! — крикнул Хагрид, не оборачиваясь. — Так, осторожно! Все сюда!

— О-о-о! — вырвался дружный, восхищенный возглас.

Они стояли на берегу большого черного озера. А на другой его стороне, на вершине высокой скалы, стоял гигантский замок с башенками и бойницами, а его огромные окна отражали свет усыпавших небо звезд.

— По четыре человека в одну лодку, не больше, — скомандовал Хагрид, указывая на целую флотилию маленьких лодочек, качающихся у берега.

Гарри и Рон оказались в одной лодке с Гермионой и Невиллом.

— Расселись? — прокричал Хагрид, у которого была личная лодка. — Тогда вперед!

Флотилия двинулась, лодки заскользили по гладкому как стекло озеру. Все молчали, не сводя глаз с огромного замка. Чем ближе они подплывали к утесу, на котором он стоял, тем больше он возвышался над ними.

— Пригнитесь! — зычно крикнул Хагрид, когда они подплыли к утесу.

Все наклонили головы, и лодки оказались в зарослях плюща, который скрывал огромную расщелину. Миновав заросли, они попали в темный туннель, который, судя по всему, заканчивался прямо под замком, и вскоре причалили к подземной пристани и высадились на камни.

— Эй, ты! — крикнул Хагрид, обращаясь к Невиллу. Хагрид осматривал пустые лодки и, видимо, что-то заметил. — Это твоя жаба?

— Ой, Тревор! — радостно завопил Невилл, протягивая руки и прижимая к себе свою жабу.

Хагрид повел их наверх по каменной лестнице, освещая дорогу огромной лампой. Вскоре все оказались на влажной от росы лужайке у подножия замка.

Еще один лестничный пролет — и теперь они стояли перед огромной дубовой дверью.

— Все здесь? — поинтересовался Хагрид. — Эй, ты не потерял еще жабу?

Убедившись, что всё в порядке, Хагрид поднял свой огромный кулак и трижды постучал в дверь замка.

Глава 7

РАСПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ШЛЯПА

Дверь распахнулась. За ней стояла высокая черноволосая волшебница в изумрудно-зеленых одеждах. Лицо ее было очень строгим, и Гарри сразу подумал, что с такой лучше не спорить и вообще от нее лучше держаться подальше.

— Профессор МакГонагалл, вот первокурсники, — сообщил ей Хагрид.

— Спасибо, Хагрид, — кивнула ему волшебница. — Я их забираю.

Она повернулась и пошла вперед, приказав первокурсникам следовать за ней. Они оказались в огромном зале — таком огромном, что там легко поместился бы дом Дурслей. На каменных стенах — точно так же, как в «Гринготтс», — горели факелы, потолок терялся где-то вверху, а красивая мраморная лестница вела на верхние этажи.

Они шли вслед за профессором МакГонагалл по вымощенному булыжником полу. Проходя мимо закрытой двери справа, Гарри услышал шум сотен голосов — должно быть, там уже собралась вся школа. Но профессор МакГонагалл вела их совсем не туда, а в маленький пустой зальчик. Толпе первокурсников тут было тесно, и они сгруппировались, дыша друг другу в затылок и беспокойно оглядываясь.

— Добро пожаловать в Хогвартс, — наконец поприветствовала их профессор МакГонагалл. — Скоро начнется банкет по случаю начала учебного года, но прежде чем вы сядете за столы, вас разделят на факультеты. Отбор — очень серьезная процедура, потому что с сегодняшнего дня и до окончания школы ваш факультет станет для вас второй семьей. Вы будете вместе учиться, спать в одной спальне и проводить свободное время в комнате, специально отведенной для вашего факультета.

Факультетов в школе четыре — Гриффиндор, Пуффендуй, Когтевран и Слизерин. У каждого из них есть своя древняя история, и из каждого выходили выдающиеся волшебники и волшебницы. Пока вы будете учиться в Хогвартсе, ваши успехи будут приносить вашему факультету призовые очки, а за каждое нарушение распорядка очки будут вычитаться. В конце года факультет, набравший больше очков, побеждает в соревновании между факультетами — это огромная честь. Надеюсь, каждый из вас будет достойным членом своей семьи.

Церемония отбора начнется через несколько минут в присутствии всей школы. А пока у вас есть немного времени, я советую вам собраться с мыслями.

Ее глаза задержались на мантии Невилла, которая сбилась так, что застежка оказалась под левым ухом, а потом на грязном носу Рона. Гарри дрожащей рукой попытался пригладить свои непослушные волосы.

— Я вернусь сюда, когда все будут готовы к встрече с вами, — сообщила профессор МакГонагалл и пошла к двери. Перед тем как выйти, она обернулась. — Пожалуйста, ведите себя тихо.

Гарри с шумом втянул воздух.

— А как будет проходить этот отбор? — спросил он Рона.

— Наверное, нам придется пройти через какие-то испытания, — ответил тот. — Фред сказал, что это очень больно, но я думаю, что он, как всегда, шутил.

Гарри ощутил, как бешено заколотилось его сердце. Испытания? Перед всей школой? Но ведь он не знаком с магией. И что же он в таком случае будет делать? Если честно, он совершенно не рассчитывал, что сразу по приезде сюда его ждет нечто подобное. Он беспокойно огляделся и заметил, что и остальные тоже напуганы. Все молчали, кроме Гермионы Грейнджер, которая стояла рядом с Гарри и шепотом рассказывала всем вокруг о том, какие заклинания она уже выучила, и вслух гадала, какое из них ей понадобится на церемонии отбора.

Гарри старался ее не слушать. Он еще ни разу в жизни так не нервничал — даже когда Дурсли получили письмо из его школы. А в письме, между прочим, говорилось, что Гарри имеет самое прямое отношение к тому, что парик его учительницы каким-то образом поменял цвет и из черного превратился в голубой. Тогда ему пришлось плохо, но сейчас он чувствовал себя

намного хуже. Гарри уставился в пол, пытаясь набраться мужества и настроиться на предстоящее испытание. Ведь профессор МакГонагалл могла вернуться в любую секунду и повести его на страшный суд.

Внезапно воздух прорезали истошные крики, и Гарри даже подпрыгнул от неожиданности.

— Что?.. — начал было он, но осекся, увидев, в чем дело, и широко раскрыл рот. Как, впрочем, и все остальные.

Через противоположную от двери стену в комнату просачивались призраки — их было, наверное, около двадцати. Жемчужно-белые, полупрозрачные, они скользили по комнате, переговариваясь между собой и, кажется, вовсе не замечая первокурсников или делая вид, что не замечают. Судя по всему, они спорили.

— А я вам говорю, что надо забыть о его преступлениях и простить его, — произнес один из них, похожий на маленького толстого монаха. — Я считаю, что мы просто обязаны дать ему еще один шанс...

— Мой дорогой Проповедник, разве мы не предоставили Пивзу больше шансов, чем он того заслужил? Он позорит и оскорбляет нас, и, на мой взгляд, он, по сути, никогда и не был призраком...

Призрак в трико и круглом пышном воротнике замолчал и уставился на первокурсников, словно только что их заметил.

— Эй, а вы что здесь делаете?

Никто не ответил.

— Да это же новые ученики! — воскликнул Толстый Проповедник, улыбаясь собравшимся. — Ждете отбора, я полагаю?

Несколько человек неуверенно кивнули.

— Надеюсь, вы попадете в Пуффендуй! — продолжал улыбаться Проповедник. — Мой любимый факультет, знаете ли, я сам там когда-то учился.

— Идите отсюда, — произнес строгий голос. — Церемония отбора сейчас начнется.

Это вернулась профессор МакГонагалл. Она строго посмотрела на привидения, и те поспешно начали просачиваться сквозь стену и исчезать одно за другим.

— Выстройтесь в шеренгу, — скомандовала профессор, обращаясь к первокурсникам, — и идите за мной!

У Гарри было ощущение, словно его ноги налились свинцом. Он встал за мальчиком со светлыми волосами, за ним встал Рон, и они вышли из маленького зала, пересекли зал, в котором уже побывали при входе в замок, и, пройдя через двойные двери, оказались в Большом зале.

Гарри даже представить себе не мог, что на свете существует такое красивое и такое странное место. Зал был освещен тысячами свечей, плавающих в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми сидели старшие ученики. Столы были заставлены сверкающими золотыми тарелками и кубками. На другом конце зала за таким же длинным столом сидели преподаватели. Профессор МакГонагалл подвела первокурсников к этому столу и приказала им повернуться спиной к учителям и лицом к старшекурсникам.

Перед Гарри были сотни лиц, бледневших в полутьме, словно неяркие лампы. Среди старшекурсников то здесь, то там мелькали отливающие серебром расплывчатые силуэты привидений. Чтобы избежать направленных на него взглядов, Гарри посмотрел вверх и увидел над собой бархатный черный потолок, усыпанный звездами.

— Его специально так заколдовали, чтобы он был похож на небо, — прошептала опять оказавшаяся рядом Гермиона. — Я вычитала это в «Истории Хогwartса».

Было сложно поверить в то, что это на самом деле потолок. Гарри казалось, что Большой зал находится под открытым небом.

Гарри услышал какой-то звук и, опустив устремленный в потолок взгляд, увидел, что

профессор МакГонагалл поставила перед шеренгой первокурсников самый обычный на вид табурет и положила на сиденье остроконечную Волшебную шляпу. Шляпа была вся в заплатках, потертая и ужасно грязная. Тетя Петунья сразу бы выкинула такую на помойку.

«Интересно, зачем она здесь? — подумал Гарри. В голове его сразу запрыгали сотни мыслей. — Может быть, надо попытаться достать из нее кролика, как это делают фокусники в цирке?»

Он огляделся, заметив, что все собравшиеся неотрывно смотрят на Шляпу, и тоже начал внимательно ее разглядывать. На несколько секунд в зале воцарилась полная тишина. А затем Шляпа шевельнулась. В следующее мгновение в ней появилась дыра, напоминающая рот, и она запела:

Может быть, я некрасива на вид, Но строго меня не судите. Ведь шляпы умнее меня не найти, Что вы там ни говорите. Шапки, цилиндры и котелки Красивей меня, спору нет. Но будь они умнее меня, Я бы съела себя на обед. Все помыслы ваши я вижу насквозь, Не скрыть от меня ничего. Наденьте меня, и я вам сообщу, С кем учиться вам суждено. Быть может, вас ждет Гриффиндор, славный тем, Что учатся там храбрецы. Сердца их отваги и силы полны, К тому ж благородны они. А может быть, Пуффендуй ваша судьба, Там, где никто не боится труда, Где преданны все, и верны, И терпенья с упорством полны. А если с мозгами в порядке у вас, Вас к знаниям тянет давно, Есть юмор и силы гранит грызть наук, То путь ваш — за стол Когтевран. Быть может, что в Слизерине вам суждено Найти своих лучших друзей. Там хитрецы к своей цели идут, Никаких не стеснясь путей. Не бойтесь меня, надевайте смелей, И вашу судьбу предскажу я верней, Чем сделает это другой. В надежные руки попали вы, Пусть и безрука я, увы, Но я горжусь собой.

Как только песня закончилась, весь зал единодушно зааплодировал. Шляпа поклонилась всем четырем столам. Рот ее исчез, она замолчала и замерла.

— Значит, каждому из нас нужно будет всего лишь ее примерить? — прошептал Рон. — Я убью этого вруна Фреда, ведь он мне заливал, что нам придется бороться с троллем.

Гарри с трудом выдавил из себя улыбку. Да, конечно, примерить Шляпу было куда проще, чем демонстрировать свои познания в магии, но его смущало, что на него будет смотреть такое количество людей. А к тому же Шляпа требовала от него слишком многого — сейчас Гарри не чувствовал себя ни сообразительным, ни остроумным, ни тем более храбрым. Если бы Шляпа сказала, что один из факультетов предназначен исключительно для тех, кого от волнения начинает тошнить, Гарри бы сразу понял, что это его факультет.

Профессор МакГонагалл шагнула вперед, в руках она держала длинный свиток пергамента.

— Когда я назову ваше имя, вы наденете Шляпу и сядете на табурет, — произнесла она. — Начнем. Аббот, Ханна!

Девочка с белыми косичками и порозовевшим то ли от смущения, то ли от испуга лицом, спотыкаясь, вышла из шеренги, подошла к табурету, взяла Шляпу и села. Шляпа, судя по размеру, была большого размера, потому что, оказавшись на голове Ханны, закрыла не только лоб, но даже ее глаза. А через мгновение...

— ПУФФЕНДУЙ! — громко крикнула Шляпа.

Те, кто сидел за крайним правым столом, разразились аплодисментами. Ханна встала, пошла к этому столу и уселась на свободное место. Гарри заметил, что крутившийся у стола Толстый Проповедник приветливо помахал ей рукой.

— Боунс, Сьюзен!

— ПУФФЕНДУЙ! — снова закричала Шляпа, и Сьюзен поспешно засеменила к своему столу, сев рядом с Ханной.

— Бут, Терри!

— КОГТЕВРАН!

Теперь зааплодировали за вторым столом слева, несколько старшекурсников встали со своих мест, чтобы позвать руку присоединившемуся к ним Терри.

Мэнди Броклхерст тоже отправилась за стол факультета Когтевран, а Лаванда Браун стала первым новым членом факультета Гриффиндор. Крайний слева стол взорвался

приветственными криками, и Гарри увидел среди кричавших рыжих близнецов.

Миллисенту Булстроуд определили в Слизерин. Возможно, дело было в игре воображения, но после того, что Гарри услышал о Слизерине, все, кто попадал туда и кто сидел за их столом, казались ему неприятными личностями.

Гарри начал чувствовать себя по-настоящему плохо. Он вспомнил, как было в его старой школе на уроках физкультуры, когда учитель назначал капитанов команд для игры в футбол или баскетбол. А те сами выбирали себе игроков. Гарри всегда выбирали последним, и не потому, что он был физически неразвитым, а потому, что никто не хотел ссориться с Дадли.

— Финч-Флетчли, Джастин!

— ПУФФЕНДУЙ!

Гарри заметил, что иногда Шляпа, едва оказавшись на голове очередного первокурсника или первокурсницы, практически молниеносно называла факультет, а иногда она задумывалась. Так, Симус Финниган светловолосый мальчик, стоявший в шеренге перед Гарри, просидел на табурете почти минуту, пока Шляпа не отправила его за стол Гриффиндора.

— Гермиона Грэйнджер!

Судя по всему, Гермиона, в отличие от Гарри, с нетерпением ждала своей очереди и не сомневалась в успехе. Услышав свое имя, она чуть ли не бегом рванулась к табурету и в мгновение ока надела на голову Шляпу.

— ГРИФФИНДОР! — выкрикнула Шляпа.

Рон застонал — видимо, несмотря на все свои сомнения, он верил, что попадет туда же, где были его братья, а учиться вместе с настырной и всезнающей Гермионой ему явно не хотелось.

Мозг Гарри вдруг пронзила страшная мысль — одна из тех, которые всегда появляются, когда слишком нервничаешь.

«А что, если Шляпа решит, что я не подхожу ни для одного из факультетов?» — подумал он.

Гарри вдруг представил, как он сидит на табурете с шляпой на голове, как проходит минута, другая, а потом десять и двадцать, и кажется, что уже прошла вечность, а Шляпа все молчит. Молчит до тех пор, пока профессор МакГонагалл не срывает ее с головы Гарри и не сообщает ему, что, по всей видимости, произошла ошибка и ему лучше сесть на обратный поезд до Лондона.

Правда, нервничал не только Гарри. Когда вызвали Невилла Долгопупса, того самого мальчика, который все время терял свою жабу, тот умудрился споткнуться и упасть, даже не дойдя до табурета. Шляпа серьезно задумалась, прежде чем выкрикнуть «ГРИФФИНДОР». Невилл, услышав свой вердикт, вскочил со стула и бросился к столу, за которым сидели ученики факультета, забыв снять Шляпу. Весь зал оглушительно захохотал, а спохватившийся Невилл развернулся и побежал обратно, чтобы вручить Шляпу Мораг МакДугал.

Когда вызвали Малфоя, он вышел из шеренги с ужасно важным видом, и его мечта осуществилась в мгновение ока — Шляпа, едва коснувшись его головы, тут же заорала:

— СЛИЗЕРИН!

Малфой присоединился к своим друзьям Крэббу и Гойлу, ранее отобранным на тот же факультет, и выглядел необычайно довольным собой.

Не прошедших отбор первокурсников оставалось все меньше.

Мун, Нотт, Паркинсон, девочки-близнецы Патил, затем Салли-Энн Перкс и, наконец...

— Поттер, Гарри!

Гарри сделал шаг вперед, и по всему залу вспыхнули огоньки удивления, сопровождаемые громким шепотом.

— Она сказала Поттер?

— Тот самый Гарри Поттер?

Последнее, что увидел Гарри, прежде чем Шляпа упала ему на глаза, был огромный зал, заполненный людьми, каждый из которых подался вперед, чтобы получше разглядеть его. А затем перед глазами встала черная стена.

— Гм-м-м, — задумчиво произнес прямо ему в ухо тихий голос. — Непростой вопрос. Очень непростой. Много смелости, это я вижу. И ум весьма неплох. И таланта хватает — о да, мой бог, это так, — и имеется весьма похвальное желание проявить себя, это тоже любопытно... Так куда мне тебя определить?

Гарри крепко вцепился обеими руками в сиденье табурета.

«Только не в Слизерин, — подумал он. — Только не в Слизерин».

— Ага, значит, не в Слизерин? — переспросил тихий голос. — Ты уверен? Знаешь ли, ты можешь стать великим, у тебя есть все задатки, я это вижу, а Слизерин поможет тебе достичь величия, это несомненно... Так что — не хочешь? Ну ладно, если ты так в этом уверен... Что ж, тогда... ГРИФФИНДОР!

Гарри показалось, что Шляпа выкрикнула этот вердикт куда громче, чем предыдущие. Он снял Шляпу и, ощущая дрожь в ногах, медленно пошел к своему столу. Он испытывал такое сильное облегчение по поводу того, что его все-таки выбрали и что он попал не в Слизерин, что даже не замечал, что ему аплодируют более бурно и продолжительно, чем другим. Рыжий староста Перси вскочил со своего стула, схватил руку Гарри и начал ее трясти, а близнецы Фред и Джордж в это время вопили во весь голос:

— С нами Поттер! С нами Поттер!

Пожав руки всем желающим, Гарри плюхнулся на свободный стул, оказавшись как раз напротив призрака в трико, которого он видел перед началом церемонии. Призрак похлопал его по руке, и Гарри внезапно испытал очень неприятное, испугавшее его ощущение — ему показалось, что он сунул руку в ведро с ледяной водой.

Теперь он наконец получил возможность увидеть главный стол, за которым сидели учителя. В самом углу сидел Хагрид, который, поймав взгляд Гарри, показал ему большой палец, и Гарри улыбнулся в ответ. А в центре стола стоял большой золотой стул, напоминавший трон, на котором восседал Альбус Дамблдор. Гарри сразу узнал его — он был таким же, как на карточке-вкладыше из «шоколадной лягушки». Серебряные волосы Дамблдора сияли ярче, чем привидения, ярче, чем что-либо в зале.

Еще Гарри заметил профессора Квиррелла, нервного молодого человека, с которым он познакомился в «Дырявом котле». Сейчас на голове Квиррелла красовался большой фиолетовый тюрбан, так что профессор выглядел еще более странным, чем раньше.

Церемония подходила к концу, оставалось всего трое первокурсников. Лайзу Турпин зачислили в Когтевран, и теперь пришла очередь Рона. Гарри видел, что тот даже позеленел от страха. Гарри скрестил под столом пальцы, и через секунду Шляпа громко завопила:

— ГРИФФИНДОР!

Гарри громко аплодировал вместе с другими до тех пор, пока Рон не плюхнулся рядом.

— Отлично, Рон, просто превосходно, — с важным видом похвалил его Перси Уизли, в то время как последний в списке Блез Забини уже направлялся к столу Слизерина. Профессор МакГонагалл скатала свой свиток и вынесла из зала Волшебную шляпу.

Гарри посмотрел на стоявшую перед ним пустую золотую тарелку. Он только сейчас понял, что безумно голоден. Казалось, что купленные в поезде сладости он съел не несколько часов, а несколько веков назад.

Альбус Дамблдор поднялся со своего трона и широко развел руки. На его лице играла лучезарная улыбка. У него был такой вид, словно ничто в мире не может порадовать его больше, чем сидящие перед ним ученики его школы.

— Добро пожаловать! — произнес он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем мы начнем наш банкет, я хотел бы сказать несколько слов. Вот эти слова: Олух! Пузырь! Остаток! Уловка! Все, всем спасибо!

Дамблдор сел на свое место. Зал разразился радостными криками и аплодисментами. Гарри сидел и не знал, смеяться ему или нет.

— Он... он немного ненормальный? — неуверенно спросил Гарри, обращаясь к сидевшему слева от него Перси.

— Ненормальный? — рассеянно переспросил Перси, но тут же спохватился. — Он гений! Лучший волшебник в мире! Но, в общем, ты прав, он немного сумасшедший. Как насчет жареной картошки, Гарри?

Гарри посмотрел на стол и замер от изумления. Стоявшие на столе тарелки были доверху наполнены едой. Гарри никогда не видел на одном столе так много своих любимых блюд: ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп и непонятно как и зачем здесь оказавшиеся мятные леденцы.

Надо признать, что Дурсли никогда не морили Гарри голодом, но и никогда не давали ему съесть столько, сколько ему хотелось. А Дадли всегда съедал то, что особенно нравилось Гарри, даже если его самого от этого тошнило. Но сейчас Гарри был не в доме Дурслей. Он положил в свою тарелку всего понемногу — за исключением мятных леденцов — и накинусь на еду. Она была просто великолепной.

— Неплохо выглядит, — грустно заметил призрак в трико, наблюдая, как Гарри поедает стейк.

— Вы хотите... — начал было Гарри, но призрак покачал головой.

— Я не ем вот уже почти четыре сотни лет. У меня нет никакой необходимости в еде, но, по правде говоря, мне ее не хватает. Кстати, я, кажется, не представился. Сэр Николас де Мимси-Дельфингтон, к вашим услугам. Привидение, проживающее в башне Гриффиндора.

— Я знаю, кто ты! — внезапно выпалил Рон. — Мои братья рассказывали о тебе — ты Почти Безголовый Ник!

— Я бы предпочел, чтобы вы называли меня сэр Николас де Мимси, — строгим тоном начал призрак, но его опередил Симус Финниган. Тот самый светловолосый мальчик, который стоял перед Гарри в шеренге.

— Почти безголовый? Как можно быть почти безголовым?

Сэр Николас выглядел немного недовольным, словно беседа зашла не туда, куда бы ему хотелось.

— А вот так, — раздраженно ответил он, дергая себя за левое ухо.

Голова отделилась от шеи и упала на плечо, словно держалась на пружине и приводилась в действие нажатием на ухо. Очевидно, кто-то пытался его обезглавить, но не довел дело до конца. Лежащая на плече голова Почти Безголового Ника довольно улыбалась, наблюдая за выражениями лиц первокурсников. Затем он потянул себя за правое ухо, и голова с щелчком встала на место. Привидение прокашлялось.

— Итак, за новых учеников факультета Гриффиндор! Надеюсь, вы поможете нам выиграть в этом году соревнование между факультетами? Гриффиндор никогда так долго не оставался без награды. Вот уже шесть лет подряд победа достается Слизерину. Кровавый Барон — это привидение подвалов Слизерина — стал почти невыносим.

Гарри посмотрел в сторону стола Слизерин и увидел жуткого вида привидение с выпученными пустыми глазами, вытянутым костлявым лицом, и в одеждах, запачканных серебряной кровью. Барон сидел рядом с Малфоем, который, как с радостью отметил Гарри, был вовсе не в восторге от такого общества.

— А как получилось, что он весь в крови? — выпалил Симус, которого почему-то очень заинтересовал этот вопрос.

— Я никогда не спрашивал, — деликатно заметил Почти Безголовый Ник.

Когда все наелись — в смысле съели столько, сколько смогли съесть, — тарелки вдруг опустели, снова став идеально чистыми и так ярко заблестев в пламени свечей, словно на них и не было никакой еды. Но буквально через мгновение на них появилось сладкое. Мороженое всех мыслимых видов, яблочные пироги, фруктовые торты, шоколадные эклеры и пончики с

джемом, бисквиты, клубника, желе, рисовые пудинги...

Пока Гарри наполнял свою тарелку разнообразными десертами, за столом заговорили о семьях.

— Лично я — половина на половину, — признался Симус. — Мой папа — магл, а мама — волшебница. Мама ничего ему не говорила до тех пор, пока они не поженились. Я так понял, что он совсем не обрадовался, когда узнал правду.

Все рассмеялись.

— А ты, Невилл? — спросил Рон.

— Я... Ну, меня вырастила бабушка, она волшебница, — начал Невилл. — Но вся моя семья была уверена, что я самый настоящий магл. Мой двоюродный дядя Элджи все время пытался заставить меня врасплох, чтобы я сотворил какое-нибудь чудо. Он очень хотел, чтобы я оказался волшебником. Так, однажды он подкрался ко мне, когда я стоял на пирсе, и столкнул меня в воду. А я чуть не утонул. В общем, я был самым обычным — до восьми лет. Когда мне было восемь, Элджи зашел к нам на чай, поймал меня и высунул за окно. Я висел там вниз головой, а он держал меня за лодыжки. И тут моя двоюродная тетя Энид предложила ему пирожное, и он случайно разжал руки. Я полетел со второго этажа, но не разбился, — я словно превратился в мячик, отскочил от земли и попрыгал вниз по дорожке. Они все были в восторге, а бабушка даже расплакалась от счастья. Вы бы видели их лица, когда я получил письмо из Хогвартса, — они боялись, что мне его не пришлют, что я не совсем волшебник. Мой двоюродный дядя Элджи на радостях подарил мне жабу.

Тут Гарри прислушался к тому, о чем говорили сидевшие слева от него Перси и Гермиона. Впрочем, он мог бы догадаться: Гермиона, естественно, говорила о занятиях.

— Я так надеюсь, что мы начнем заниматься прямо сейчас. Нам столько всего предстоит выучить. Лично меня больше всего интересует трансфигурация, вы понимаете, искусство превращать что-либо во что-либо другое. Хотя, конечно, это считается очень сложным делом.

— На многое не рассчитывай. Вы начнете с мелочей, будете превращать спички в иголки, примерно так...

Гарри согрелся, размяк и ощутил, что у него начинают слипаться глаза. Чтобы не заснуть, он вытаращил их и начал глазеть по сторонам, наконец уткнувшись взглядом в учительский стол. Хагрид что-то пил из большого кубка, профессор МакГонагалл беседовала с профессором Дамблдором, а профессор Квиррелл, так и не снявший свой дурацкий тюрбан, разговаривал с незнакомым Гарри преподавателем с сальными черными волосами, крючковатым носом и желтоватой, болезненного цвета кожей.

Все произошло совершенно внезапно. Крючконосый вдруг посмотрел прямо на Гарри — и голову Гарри пронзила острая боль. Ему показалось, что его похожий на молнию шрам на мгновение раскалился добела.

— Ой! — Гарри хлопнул себя ладонью по лбу.

— Что случилось? — поинтересовался Перси.

— Н-н-ничего, — с трудом выдавил из себя Гарри.

Боль прошла так же быстро, как и появилась. Но вот ощущение, которое возникло у Гарри, когда он поймал взгляд крючконосого, — ощущение, что этому преподавателю очень не нравится Гарри Поттер, осталось.

— А кто это там разговаривает с профессором Квирреллом? — спросил он у Перси.

— А, ты уже знаешь Квиррелла? Не удивляюсь, почему он такой нервный — занервничает тут, когда рядом сидит профессор Снегг. Он учит тому, как надо смешивать волшебные зелья, но говорят, что это ему совсем не по душе. Все знают, что он хочет занять место профессора Квиррелла. Он большой специалист по Темным искусствам, этот Снегг.

Гарри какое-то время понаблюдал за Снеггом, но тот больше не смотрел на него.

Когда все насытились десертом, сладкое исчезло с тарелок, и профессор Дамблдор снова поднялся со своего трона. Все затихли.

— Хм-м-м! — громко прокашлялся Дамблдор. — Теперь, когда все мы сыты, я хотел бы сказать еще несколько слов. Прежде чем начнется семестр, вы должны кое-что усвоить. Первокурсники должны запомнить, что всем ученикам запрещено заходить в лес, находящийся на территории школы. Некоторым старшекурсникам для их же блага тоже следует помнить об этом...

Сияющие глаза Дамблдора на мгновение остановились на рыжих головах близнецов Уизли.

— По просьбе мистера Филча, нашего школьного смотрителя, напоминаю, что не следует творить чудеса на переменах. А теперь насчет тренировок по квиддичу — они начнутся через неделю. Все, кто хотел бы играть за сборные своих факультетов, должны обратиться к мадам Трюк. И наконец, я должен сообщить вам, что в этом учебном году правая часть коридора на третьем этаже закрыта для всех, кто не хочет умереть мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но таких весельчаков, как он, оказалось очень мало.

— Он ведь шутит? — пробормотал Гарри, повернувшись к Перси.

— Может быть, — ответил Перси, хмуро глядя на Дамблдора. — Это странно, потому что обычно он объясняет, почему нам нельзя ходить куда-либо. Например, про лес и так все понятно — там опасные звери, это всем известно. А тут он должен был бы все объяснить, а он молчит. Думаю, он, по крайней мере, должен был посвятить в это нас, старост.

— А теперь, прежде чем пойти спать, давайте споем школьный гимн! — прокричал Дамблдор.

Гарри заметил, что у всех учителей застыли на лицах непонятные улыбки.

Дамблдор встряхнул своей палочкой, словно прогонял севшую на ее конец муху. Из палочки вырвалась длинная золотая лента, которая начала подниматься над столами, а потом рассыпалась на повисшие в воздухе слова.

— Каждый поет на свой любимый мотив, — сообщил Дамблдор. — Итак, начали!

И весь зал заголосил:

Хогвартс, Хогвартс, наш любимый Хогвартс, Научи нас хоть чему-нибудь. Молодых и старых, лысых и косматых, Возраст ведь не важен, а важна лишь суть. В наших головах сейчас гуляет ветер, В них пусто и уныло, и кучи дохлых мух, Но для знаний место в них всегда найдется, Так что научи нас хоть чему-нибудь. Если что забудем, ты уж нам напомним, А если не знаем, ты нам объясни. Сделай все, что сможешь, наш любимый Хогвартс, А мы уж постараемся тебя не подвести.

Каждый пел, как хотел, — кто тихо, кто громко, кто весело, кто грустно, кто медленно, кто быстро. И естественно, все закончили петь в разное время. Все уже замолчали, а близнецы Уизли все еще продолжали петь школьный гимн — медленно и торжественно, словно похоронный марш. Дамблдор начал дирижировать, взмахивая своей палочкой, а когда они наконец допели, именно он хлопал громче всех.

— О, музыка! — воскликнул он, вытирая глаза: похоже, Дамблдор прослезился от умиления. — Ее волшебство затмевает то, чем мы занимаемся здесь. А теперь спать. Рысью — марш!

Первокурсники, возглавляемые Перси, прошли мимо еще болтающих за своими столами старшекурсников, вышли из Большого зала и поднялись вверх по мраморной лестнице.

Ноги Гарри снова налились свинцом, только уже не от волнения, а от усталости и сытости. Он был очень сонным и даже не удивился тому, что люди, изображенные на развешанных в коридорах портретах, перешептываются между собой и показывают на первокурсников пальцами. И воспринял как само собой разумеющееся то, что Перси дважды проводил их сквозь потайные двери — одна пряталась за раздвижными панелями, а вторая скрывалась за свисающим с потолка длинным гобеленом. Зевая и с трудом передвигая ноги, они поднимались то по одной лестнице, то по другой. Гарри не переставал спрашивать себя, когда же они доберутся до цели, и тут Перси вдруг остановился.

Перед ними в воздухе плавали костыли. Как только Перси сделал шаг вперед, костыли угрожающе развернулись в его сторону и начали атаковать. Но они не ударили, а останавливались в нескольких сантиметрах, как бы говоря, что он должен уйти.

— Это Пивз, наш полтергейст, — шепнул Перси, обернувшись к первокурсникам. А потом повысил голос: — Пивз, покажись!

Ответом ему послужил протяжный и довольно неприличный звук — в лучшем случае похожий на звук воздуха, выходящего из воздушного шара.

— Ты хочешь, чтобы я пошел к Кровавому Барону и рассказал ему, что здесь происходит?

Послышался хлопок, и в воздухе появился маленький человечек с неприятными черными глазками и большим ртом. Он висел, скрестив ноги, между полом и потолком, и делал вид, что опирается на костыли, которые ему явно не были нужны.

— О-о-о-о! — протянул он, злорадно хихикнув. — Маленькие первокурсники! Сейчас мы повеселимся.

Висевший в воздухе человечек вдруг спикировал на них, и все дружно пригнули головы.

— Иди отсюда, Пивз, иначе Барон об этом узнает, я не шучу! — резким тоном произнес Перси.

Пивз высунул язык и исчез, уронив свои костыли на голову Невиллу. Они слышали, как он удаляется от них, из вредности стуча чем-то по выставленным в коридоре рыцарским доспехам.

— Вам следует его остерегаться, — предупредил Перси, когда они двинулись дальше. — Единственный, кто может контролировать его — это Кровавый Барон, а так Пивз не слушается даже нас, старост. Вот мы и пришли.

Они стояли в конце коридора перед портретом очень толстой женщины в платье из розового шелка.

— Пароль? — строго спросила женщина.

— *Капут драконис*, — ответил Перси, и портрет отъехал в сторону, открыв круглую дыру в стене.

Все пробрались сквозь нее самостоятельно, только неуклюжего Невилла пришлось подталкивать. Круглая уютная Общая гостиная Гриффиндора была заставлена глубокими мягкими креслами.

Перси показал девочкам дверь в их спальню, мальчики вошли в другую дверь. Они поднялись по винтовой лестнице — очевидно, комната находилась в одной из башенок — и, наконец, оказались в спальне. Здесь стояли пять больших кроватей с пологам на четырех столбиках, закрытые темно-красными бархатными шторами. Постели уже были постелены. Все оказались слишком утомлены, чтобы еще о чем-то разговаривать, поэтому молча натянули свои пижамы и забрались на кровати.

— Классно поели, правда? — донеслось до Гарри бормотание Рона, скрытого от него тяжелыми шторами. — Уйди отсюда, Короста! Представляешь, Гарри, она жует мои простыни!

Гарри хотел спросить Рона, что из сладкого ему больше всего понравилось, но не успел — он заснул, едва голова коснулась подушки.

Наверное, странный сон, приснившийся Гарри, объяснялся тем, что он слишком много съел. Во сне он расхаживал в тюрбане профессора Квиррелла, а тюрбан беседовал с ним, убеждая его, что он должен перейти на факультет Слизерин, поскольку так ему предначертано судьбой.

Гарри категорично заявил тюрбану, что он ни за что не перейдет в Слизерин. Тюрбан становился все тяжелее и тяжелее, и Гарри пытался его снять, а тот сжимался, больно сдавливая голову. Рядом стоял Малfoy и смеялся над тщетностью предпринимаемых Гарри попыток. А затем Малfoy превратился в крючконосого преподавателя по фамилии Снегг, который хохотал громким леденящим смехом. Потом ярко вспыхнул зеленый свет, и Гарри проснулся, обливаясь потом и содрогаясь.

Гарри перевернулся на другой бок и снова заснул. А когда проснулся следующим утром, он даже не мог вспомнить, что ему приснилось.

Глава 8

СПЕЦИАЛИСТ ПО ВОЛШЕБНОМУ ЗЕЛЬЕВАРЕНИЮ

— Вон он, смотри!

— Где?

— Да вон, рядом с высоким рыжим парнем.

— Это который в очках?

— Ты видел его лицо?

— Ты видел его шрам?

Этот шепот Гарри слышал со всех сторон с того самого момента, как на следующее утро вышел из спальни. За дверями кабинетов, в которых у Гарри были занятия, собирались толпы школьников, желающих взглянуть на него. Одни и те же люди специально по нескольку раз проходили мимо, когда он оказывался в коридоре, и пристально смотрели ему в лицо. Гарри предпочел бы, чтобы они этого не делали, потому что они его отвлекали, а ему надо было сосредоточиться на том, чтобы добраться до очередного кабинета.

В Хогвартсе было сто сорок две лестницы. Одни из них были широкие и просторные, другие — узкие и шаткие. Были лестницы, которые в пятницу приводили Гарри совсем не туда, куда вели в четверг. Были лестницы, у которых внезапно исчезало несколько ступенек в тот самый момент, когда Гарри спускался или поднимался по ним. Так что, идя по этим лестницам, надо было обязательно прыгать.

С дверями тоже хватало проблем. Некоторые из них не открывались до тех пор, пока к ним не обращались с вежливой просьбой. Другие открывались, только если их коснуться в определенном месте. Третьи вообще оказывались фальшивыми, а на самом деле там была стена.

Запомнить расположение лестниц, дверей, классов, коридоров и спален было очень сложно. Казалось, что в Хогвартсе все постоянно меняется и сегодня все иначе, чем было вчера. Люди, изображенные на портретах, ходили друг к другу в гости. И Гарри был убежден, что стоящие в коридорах рыцарские латы способны бегать.

Добавляли хлопот и привидения. Гарри всегда оказывался в шоке, когда сквозь дверь, которую он пытался открыть, вдруг просачивалось привидение. С Почти Безголовым Ником, призраком башни Гриффиндор и, следовательно, союзником, проблем никогда не было. Даже наоборот — он всегда был счастлив показать первокурсникам, как пройти туда, куда им надо. Но вот Пивз был опаснее двух закрытых дверей и ведущей в никуда лестницы — особенно если встретить его, когда опаздываешь на занятия. Пивз ронял на головы первокурсникам корзины для бумаг, выдергивал из-под них ковры, забрасывал их кусочками мела или благодаря своей невидимости незаметно подкрадывался и внезапно хватал за нос с хриплым криком: «Попался!»

Казалось, что хуже Пивза ничего и никого быть не может, однако выяснилось, что это не совсем так. Школьный завхоз Аргус Филч оказался куда более неприятной личностью. В первое же утро Гарри и Рон обратили на себя его внимание — к сожалению, в плохом смысле слова. Филч застал их в тот момент, когда они пытались открыть одну из дверей. К несчастью, выяснилось, что именно за этой дверью начинается тот самый закрытый для всех коридор на третьем этаже, про который говорил на банкете Альбус Дамблдор. Филч отказывался верить, что ребята просто заблудились. Смотритель был уверен, что они специально хотели проникнуть на запретную территорию, и угрожал запереть их в находящуюся в подполье темницу. Но в самый критический момент их спас проходивший мимо профессор Квиррелл.

У Филча была кошка по имени миссис Норрис — тощее пыльно-серое создание с выпученными горящими глазами, почти такими же, как у Филча. Она в одиночку патрулировала коридоры. Стоило ей заметить, что кто-то нарушил правила — сделал хотя бы один шаг за запретную линию, — и она тут же исчезала. А через две секунды появлялся тяжело сопящий Филч. Филч знал все секретные ходы лучше, чем кто-либо другой в школе — за исключением, пожалуй, близнецов Уизли, — и появлялся так неожиданно, словно был привидением. Ученики его ненавидели, и для многих пределом мечтаний было отважиться дать пинка миссис Норрис.

Но найти нужный кабинет было еще полдела, потому что занятия оказывались порой куда более непростыми, чем поиск той или иной комнаты. Как быстро выяснил Гарри, магия вовсе не сводилась к помахиванию волшебной палочкой и произнесению нескольких странных слов.

Каждую среду ровно в полночь они приникали к телескопам, изучали ночное небо, записывали названия разных звезд и запоминали, как движутся планеты. Трижды в неделю их водили в расположенные за замком оранжереи, где низкорослая полная дама — профессор Стебль — преподавала им травологию, науку о растениях, и рассказывала, как надо ухаживать за всеми этими странными растениями и грибами и для чего они используются.

Самым утомительным предметом оказалась история магии — это были единственные уроки, которые вел призрак. Профессор Бинс был уже очень стар, когда однажды заснул в учительской прямо перед камином, а на следующее утро он пришел на занятия уже без тела. Бинс говорил ужасно монотонно и к тому же без остановок. Ученики поспешно записывали за ним имена и даты и путали Эмерика Злого с Уриком Станным.

Профессор Флитвик, преподававший заклинания, был такого крошечного роста, что вставал на стопку книг, чтобы видеть учеников из-за своего стола. На самом первом уроке он, знакомясь с курсом, взял журнал и начал по порядку зачитывать фамилии. Когда он дошел до Гарри, то возбужденно пискнул и исчез из вида, свалившись со своей подставки.

А вот профессор МакГонагалл была совсем другой. Гарри был прав, когда, увидев ее, сказал себе, что с ней лучше не связываться. Умная, но строгая, она произнесла очень суровую речь, как только первокурсники в первый раз пришли на ее урок и расселись по местам.

— Трансфигурация — один из самых сложных и опасных разделов магии, которые вы будете изучать в Хогвартсе, — начала она. — Любое нарушение дисциплины на моих уроках — и нарушитель выйдет из класса и больше сюда не вернется. Я вас предупредила.

После такой речи всем стало немного не по себе. Затем профессор МакГонагалл перешла к практике и превратила свой стол в свинью, а потом обратно в стол. Все были жутко поражены и начали изнывать от желания поскорее начать практиковаться самим, но вскоре поняли, что научиться превращать предметы мебели в животных они смогут еще очень нескоро.

Потом профессор МакГонагалл продиктовала им несколько очень непонятных и запутанных предложений, которые предстояло выучить наизусть. Затем она дала каждому по спичке и сказала, что они должны превратить эти спички в иголки. К концу урока только у Гермионы Грейнджер спичка немного изменила форму — профессор МакГонагалл продемонстрировала всему курсу заострившуюся с одного конца и покрывшуюся серебром спичку Гермионы и улыбнулась ей. Эта улыбка поразила всех не меньше, чем превращение стола в свинью, — ведь казалось, что профессор МакГонагалл вовсе не умеет улыбаться.

С особым нетерпением все ждали урока профессора Квиррелла по защите от Темных искусств, однако занятия Квиррелла скорее напоминали юмористическое шоу, чем что-то серьезное. Его кабинет насквозь пропах чесноком, которым, как все уверяли, Квиррелл надеялся отпугнуть вампира, которого встретил в Румынии. Профессор очень боялся, что тот вот-вот явится в Хогвартс, чтобы с ним разобраться.

Тюрбан на голове Квиррелла тоже не прибавлял его занятиям серьезности. Профессор уверял, что этот тюрбан ему подарил один африканский принц, которому он помог избавиться от очень опасного зомби. Но по-настоящему никто не верил в эту историю. Во-первых, потому, что, когда Симус Финниган спросил, как Квиррелл победил зомби, Квиррелл покраснел и начал говорить о погоде. А во-вторых, потому, что тюрбан как-то странно пах, а близнецы Уизли уверяли всех, что это не подарок африканского принца, а просто мера предосторожности. По их словам, под одеждой Квиррелл был весь обвешан дольками чеснока, и в тюрбане его тоже был спрятан чеснок, поскольку профессор, боясь вампиров, желал быть полностью защищенным. И даже спал в том, в чем ходил по школе, — чтобы вампир не застал его врасплох.

За первые несколько дней учебы Гарри с облегчением убедился в том, что он не хуже, чем другие. Очень многие школьники родились и выросли в семьях маглов и, как и он, даже понятия не имели о том, кто они такие, пока не получили письмо из Хогвартса. К тому же первокурсникам столько всего предстояло выучить, что даже Рон, родившийся в семье волшебников и кроме родителей имеющий пятерых старших братьев, не имел особого преимущества перед остальными.

Пятница стала для Гарри и Рона великим днем. Они наконец смогли спуститься в Большой зал на завтрак, ни разу не сбившись с пути.

— Что у нас там сегодня? — спросил Гарри, посыпая сахаром овсянку.

— Два занятия по зельям — заниматься будем вместе со слизеринцами, — ответил Рон. — Занятия ведет профессор Снегг, а он их декан. Говорят, что он всегда и во всем на их стороне, выгораживает их перед остальными преподавателями и ставит им лучшие отметки. Вот как раз и увидим, так ли это.

— Хотел бы я, чтобы МакГонагалл всегда заступалась за нас, — задумчиво произнес Гарри.

Профессор МакГонагалл была деканом факультета Гриффиндор, но это не помешало ей позавчера дать им огромное домашнее задание.

Пока они завтракали, прибыла почта. Теперь Гарри уже привык к этому, но в свое первое утро в школе он даже испугался, когда во время завтрака в Большой зал с громким уханьем влетело не меньше сотни сов. Они начали кружить над столами, высматривая своих хозяев и роняя им на колени письма и посылки.

Пока Букля не принесла Гарри ни одного письма. Сова иногда залетала в зал вместе с другими, чтобы посидеть у него на плече и ласково похватать его клювом за ухо. А потом, съев кусочек тоста, улетала в совиатню, как называли в школе домик, где жили совы, и там спокойно засыпала. Но этим утром Букля, приземлившись между сахарницей и блюдцем с джемом, уронила в тарелку Гарри запечатанный конверт. Гарри тут же вскрыл его — он просто не мог спокойно завтракать, не прочитав свое первое письмо.

Дорогой Гарри, — было написано в письме неровными буквами. — Я знаю, что в пятницу после обеда у тебя нет занятий, поэтому, если захочешь, приходи ко мне на чашку чая примерно часам к трем. Хочу знать, как прошла твоя первая неделя в школе. Пришли мне ответ с Буклей. Хагрид.

Гарри одолжил у Рона перо, нацарапал на обороте письма: «Да, с удовольствием, увидимся позже, спасибо» — и вручил письмо Букле.

Гарри повезло, что впереди его ждал чай с Хагридом, потому что занятия по зельеварению оказались самым неприятным из всего, что с ним пока произошло в школе.

На банкете по случаю начала семестра Гарри почувствовал, что профессор Снегг почему-то невзлюбил его с первого взгляда. К концу первого урока он уже понял, что ошибся. Профессор Снегг не просто невзлюбил Гарри — он его возненавидел.

Кабинет Снегга находился в одном из подземелий. Тут было холодно — куда холоднее, чем в самом замке — и довольно страшно. Вдоль всех стен стояли стеклянные банки, в которых плавали заспиртованные животные.

Снегг, как и Флитвик, начал занятия с того, что открыл журнал и стал знакомиться с учениками. И, как и Флитвик, он остановился, дойдя до фамилии Поттер.

— О, да, — негромко произнес он. — Гарри Поттер. Наша новая знаменитость.

Драко Малфой и его друзья Крэбб и Гойл издевательски захихикали, прикрыв лица ладонями.

Закончив знакомство с классом, Снегг обвел аудиторию внимательным взглядом. Глаза у него были черные, как у Хагрида, только в них не было того тепла, которым светились глаза великана. Глаза Снегга были холодными и пустыми и почему-то напоминали темные туннели.

— Вы здесь для того, чтобы изучить науку приготовления волшебных зелий и снадобий. Очень точную и тонкую науку, — начал он.

Снегг говорил почти шепотом, но ученики отчетливо слышали каждое слово. Как и профессор МакГонагалл, Снегг обладал даром без каких-либо усилий контролировать класс. Как и на уроках профессора МакГонагалл, здесь никто не отваживался перешептываться или заниматься посторонними делами.

— Глупое махание волшебной палочкой к этой науке не имеет никакого отношения, и потому многие из вас с трудом поверят, что мой предмет является важной составляющей магической науки, — продолжил Снегг. — Я не думаю, что вы в состоянии оценить красоту медленно

кипящего котла, источающего тончайшие запахи, или мягкую силу жидкостей, которые пробираются по венам человека, околдовывая его разум, поработая его чувства... могу научить вас, как разлить по флаконам известность, как сварить триумф, как заткнуть пробкой смерть. Но все это только при условии, что вы хоть чем-то отличаетесь от того стада болванов, которое обычно приходит на мои уроки.

После этой короткой речи царившая в курсе тишина стала абсолютной. Гарри и Рон, подняв брови, обменялись недоуменными взглядами. Гермиона Грэйнджер нетерпеливо заерзала на стуле — судя по ее виду, ей не терпелось доказать, что уж ее никак нельзя отнести к стаду болванов.

— Поттер! — неожиданно произнес Снегг. — Что получится, если я смешаю измельченный корень асфоделя с настойкой полыни?

«Измельченный корень чего с настойкой чего?» — хотел переспросить Гарри, но не решился. Он покосился на Рона, но тот, похоже, был не менее ошарашен вопросом. Зато Гермиона Грэйнджер явно знала ответ, и ее рука взметнулась в воздух.

— Я не знаю, сэр, — ответил Гарри.

На лице Снегга появилось презрительное выражение.

— Так, так... Очевидно, известность — это далеко не все. Но давайте попробуем еще раз, Поттер. — Снегг упорно не желал замечать поднятую руку Гермионы. — Если я попрошу вас принести мне безоаровый камень, где вы будете его искать?

Гермиона продолжала тянуть руку, с трудом удерживаясь от того, чтобы не вскочить с места. А вот Гарри абсолютно не представлял, что такое безоаровый камень. И старался не смотреть на Малфоя, Крэбба и Гойла, которые сотрясались от беззвучного смеха.

— Я не знаю, сэр, — признался он.

— Похоже, вам и в голову не пришло почитать учебники, прежде чем приехать в школу, так, Поттер?

Гарри заставил себя не отводить взгляд и смотреть прямо в эти холодные глаза. По правде, он читал свои новые учебники, пока жил у Дурслей, но неужели Снегг рассчитывал на то, что он наизусть выучит «Тысячу волшебных растений и грибов»?

Снегг продолжал игнорировать дрожащую от волнения руку Гермионы.

— Хорошо, Поттер, а в чем разница между волчьей отравой и клобуком монаха?

Гермиона, не в силах больше сидеть спокойно, встала, вытягивая руку к потолку.

— Я не знаю, — тихо произнес Гарри. — Но мне кажется, что Гермиона это точно знает, почему бы вам не спросить ее?

Послышался смех. Гарри нервно оглянулся, чтобы увидеть, кто еще над ним смеется, кроме Малфоя и двух его приятелей, — ему показалось, что смеявшихся было человек десять, как минимум, — и встретился взглядом с Симусом. Симус одобрительно подмигнул ему, и Гарри подумал, что смеются, видимо, не над ним, а над его ответом, который почему-то всем показался остроумным. Но как бы там ни было, Снегг его таковым не нашел.

— Сядьте! — рявкнул он, на мгновение повернувшись к Гермионе. — А вы, Поттер, запомните: из корня асфоделя и полыни приготавливают усыпляющее зелье, настолько сильное, что его называют напитком живой смерти. Безоар — это камень, который извлекают из желудка козы и который является противоядием от большинства ядов. А волчья отравка и клобук монаха — это одно и то же растение, также известное как аконит. Поняли? Так, все записывайте то, что я сказал!

Все поспешно схватились за перья и зашуршали пергаментом. Но тихий голос Снегга перекрыл поднявшийся шум.

— А за ваш наглый ответ, Поттер, я записываю штрафное очко на счет Гриффиндора.

Для первокурсников факультета Гриффиндор уроки Снегга обещали быть не самыми приятными. После того как Снегг усадил Гарри на место, произошло еще кое-что совсем безрадостное. Снегг разбил учеников на пары и дал им задание приготовить простейшее зелье

для исцеления от фурункулов. Он кружил по классу, шурша своей длинной черной мантией, и следил, как они взвешивают высушенные листья крапивы и толкут в ступках змеиные зубы. Снегг раскритиковал всех, кроме Малфоя, которому, очевидно, симпатизировал. В тот момент, когда Снегг призвал всех полюбоваться, как Малфой варит рогатых слизняков, темница вдруг наполнилась ядовито-зеленым дымом и громким шипением.

Невилл каким-то образом умудрился растопить котел Симуса, и тот превратился в огромную бесформенную кляксу, а зелье, которое они готовили в котле, стекало на каменный пол, прожигая дырки в ботинках стоявших поблизости учеников. Через мгновение все с ногами забрались на стулья, а Невилл, которого окатило выплеснувшимся из котла зельем, застонал от боли, так как на его руках и ногах появились красные волдыри.

— Идиот! — прорычал Снегг, одним движением ладони сметая в угол пролившееся зелье. — Как я понимаю, прежде чем снять котел с огня, вы добавили в зелье иглы дикобраза?

Невилл вместо ответа сморщился и заплакал — теперь и нос его был усыпан красными волдырями.

— Отведите его в больничное крыло, — скривившись, произнес Снегг, обращаясь к Симусу. А потом повернулся к Гарри и Рону, работавшими за соседним столом. — Вы, Поттер, почему вы не сказали ему, что нельзя добавлять в зелье иглы дикобраза? Или вы подумали, что если он ошибется, то вы будете выглядеть лучше его? Из-за вас я записываю еще одно штрафное очко на счет Гриффиндора.

Это было ужасно несправедливо. Гарри уже открыл рот, чтобы возразить, когда Рон пнул его под столом.

— Не нарывайся, — прошептал Рон. — Я слышал, что Снегг, если разозлится, может очень сильно навредить.

Час спустя, когда они вышли из темницы и поднимались по лестнице, голова Гарри была полна всяких неприятных мыслей, а радостное настроение, с которым он приехал в Хогвартс, совсем улетучилось. В первую же неделю пребывания в школе он заработал два штрафных очка — и все из-за того, что Снегг почему-то возненавидел его. И он очень хотел бы узнать почему.

— Выше нос, — подбодрил его Рон. — Фреду и Джорджу тоже не везет на уроках Снегга. Знаешь, сколько штрафов они у него получили? Слушай, а можно, я пойду с тобой к Хагриду?

Без пяти три они вышли из замка и пошли по школьной территории к дому Хагрида. Он жил в маленьком деревянном домике на опушке Запретного леса. Над входной дверью висел охотничий лук и пара галош.

Когда Гарри постучал в дверь, ребята услышали, как кто-то отчаянно скребется в нее с той стороны и оглушительно лает. А через мгновение до них донесся зычный голос Хагрида:

— Назад, Клык, назад!

Дверь приоткрылась, и за ней показалось знакомое лицо, заросшее волосами.

— Заходите, — пригласил Хагрид. — Назад, Клык!

Хагрид пошире распахнул дверь, с трудом удерживая за ошейник огромную черную собаку. Как называется эта порода, Хагрид не знал, хотя и пояснил, что с такими собаками охотятся на кабанов.

В доме была только одна комната. С потолка свисали окорока и выпотрошенные фазаны, на открытом огне кипел медный чайник, а в углу стояла массивная кровать, покрытая лоскутным одеялом.

— Вы... э-э... чувствуйте себя как дома... устраивайтесь, — сказал Хагрид, отпуская Клыка, который кинулся к Рону и начал лизать ему уши. Было очевидно, что Клык, как и его хозяин, выглядел куда опаснее, чем был на самом деле.

— Это Рон, — сказал Гарри.

В это время Хагрид заваривал чай и выкладывал на тарелку кексы. Кексы соприкасались с тарелкой с таким звуком, что никаких сомнений в их свежести не возникало — они давным-давно засохли и превратились в камень.

— Еще один Уизли, а? — спросил Хагрид, глядя на веснушчатое лицо Рона. — Я полжизни провел, охотясь на твоих братьев-близнецов. Они все время... ну... пытаются в Запретный лес пробраться, а мне их ловить приходится, да!

О каменные кексы легко можно было сломать зубы, но Гарри и Рон делали вид, что они им очень нравятся, и рассказывали Хагриду, как прошли первые дни в школе. Клык сидел около Гарри, положив голову ему на колени и пуская слюни, обильно заливавшие школьную форму.

Гарри и Рон ужасно развеселились, услышав, как Хагрид назвал Филча старым мерзавцем.

— А эта кошка его, миссис Норрис... ух, хотел бы я познакомиться ее с Клыком. Вы-то небось не знаете, да! Стоит мне в школу прийти, как она за мной... э-э... по пятам ходит, следит все да вынюхивает. И не спрячешься от нее, и не обманешь... она меня нюхом чует и везде отыщет, во как! Филч ее на меня натаскал, не иначе.

Гарри рассказал Хагриду про урок Снега. Хагрид, как и Рон, посоветовал Гарри не беспокоиться, потому что Снеггу не нравится подавляющее большинство учеников.

— Но мне кажется, он меня ненавидит.

— Да ерунда это! — возразил Хагрид. — С чего бы это ему?

Однако Гарри показалось, что Хагрид, произнося эти слова, чуть-чуть отвел взгляд в сторону.

— А как твой брат Чарли? — поспешно поинтересовался Хагрид, повернувшись к Рону. — Мне он жутко нравился: уж больно хорошо он со зверьем умел обращаться.

Гарри спросил себя, не специально ли Хагрид сменил тему разговора. Пока Рон рассказывал Хагриду о Чарли, который изучает драконов, Гарри взял кусок бумаги, лежавший на столе под чехлом для чайника. Это была вырезка из «Пророка».

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ О ПРОИСШЕСТВИИ В БАНКЕ «ГРИНГОТТС» — гласил заголовок статьи.

Продолжается расследование обстоятельств проникновения неизвестных грабителей или грабителя в банк «Гринготтс», имевшего место 31 июля. Согласно широко распространенному мнению, это происшествие — дело рук темных волшебников, чьи имена пока неизвестны.

Сегодня гоблины из «Гринготтса» заявили, что из банка ничего не было похищено. Выяснилось, что сейф, в который проникли грабители, был пуст, — по странному стечению обстоятельств, то, что в нем лежало, было извлечено владельцем утром того же дня.

— Мы не скажем вам, что лежало в сейфе, поэтому не лезьте в наши дела, если вам не нужны проблемы, — заявил этим утром пресс-секретарь банка «Гринготтс».

Гарри вспомнил, как в поезде Рон рассказал ему о том, что кто-то пытался ограбить «Гринготтс», но Рон не назвал дату. А теперь...

— Хагрид! — воскликнул Гарри. — Ограбление «Гринготтса» произошло как раз в день моего рождения! Возможно, грабители проникли туда, как раз когда мы с тобой там были!

На этот раз не было никаких сомнений в том, что Хагрид избегает взгляда Гарри. Великан промышал что-то нечленораздельное и предложил Гарри еще один каменный кекс. Гарри вежливо поблагодарил его, но кекс брать не стал, а вместо этого еще раз перечитал записку.

По странному стечению обстоятельств, то, что лежало в сейфе, в который проникли грабители, было извлечено из него владельцем утром того же дня.

Тем утром Хагрид кое-что извлек из сейфа номер семьсот тринадцать — маленький коричневый сверток. Не это ли искали воров?

Когда Гарри с Роном шли обратно в замок на ужин, карманы их были набиты каменными кексами, от которых они из вежливости не смогли отказаться. Гарри думал, что ни один из уроков не дал ему столько поводов для размышлений, как встреча с Хагридом. Если Гарри был прав, то Хагрид забрал из сейфа сверток как раз вовремя, но случайно или нет? И где этот сверток хранится теперь? Ведь чтобы его не выкрали, требуется гораздо более надежное место, чем «Гринготтс»?

И еще Гарри спрашивал себя, не знает ли Хагрид о профессоре Снегге чего-нибудь такого, о чем не захотел ему рассказывать.

Глава 9

ПОЛНОЧНАЯ ДУЭЛЬ

До приезда в Хогвартс Гарри и не представлял, что может ненавидеть кого-нибудь сильнее, чем Дадли. Но это было до того, как он встретил Драко Малфоя. Правда, в первую неделю в школе они практически не сталкивались — единственными совместными занятиями были уроки профессора Снегга. Однако, вернувшись от Хагрида, Гарри и Рон заметили вывешенное в Общей гостиной Гриффиндора объявление, которое вызвало у обоих протяжный стон. Со вторника начинались полеты на метлах — и первокурсникам факультетов Гриффиндор и Слизерин предстояло учиться летать вместе.

— Великолепно, — мрачно заметил Гарри. — Как раз то, о чем я всегда мечтал. Выставить себя дураком перед Малфоем — и не просто дураком, а дураком, сидящим на метле и не знающим, как взлететь.

Надо отметить, что до того как прочитать это объявление, Гарри молил небо о том, чтобы их поскорее научили летать, — ни одно занятие в Хогвартсе не вызывало у него такого интереса. Но теперь...

— Откуда ты знаешь, кто будет выглядеть дураком? — резонно ответил Рон. — Разумеется, я знаю, что Малфой перед всеми хвастается, что он великолепно играет в квиддич. Но готов биться об заклад, что все это пустая болтовня.

Малфой действительно чересчур много говорил о полетах. Он во всеуслышание сожалел о том, что первокурсников не берут в сборные факультетов, и рассказывал длинные хвастливые истории о том, где и как он летал на самых разных метлах. Истории обычно заканчивались тем, что Малфой с невероятной ловкостью и в самый последний момент умудрялся ускользнуть от магловских вертолетов.

Впрочем, Малфой был не единственным, кто рассуждал на эту тему, — послушать Симуса Финнигана, так тот все свое детство провел на метле. Даже Рон готов был рассказать любому, кто его выслушает, о том, как он однажды взял старую метлу Чарли и чудом избежал столкновения с дельтапланом.

Вообще все, кто родился в семьях волшебников, беспрестанно говорили о квиддиче. Из-за квиддича Рон уже успел ввязаться в серьезную ссору с Дином Томасом. Дин обожал футбол, а Рон утверждал, что нет ничего интересного в игре, в которую играют всего одним мячом, а игрокам запрещают летать. На следующий день Гарри застал Рона перед плакатом футбольной команды «Вест Хэм», который висел над кроватью Дина. Рон тыкал пальцем в изображенных на плакате игроков, пытаясь заставить их двигаться. Видимо, он никак не мог поверить, что на фотографиях маглов все неподвижны, в отличие от фотографий волшебного мира, где запечатленные на снимках люди появлялись и исчезали, подмигивали и улыбались.

Правда, и среди родившихся в семьях волшебников были исключения. Так, Невилл признался, что у него в жизни не было метлы, потому что бабушка строго-настрога запрещала ему даже думать о полетах. В глубине души Гарри был с ней полностью согласен — Невилл умудрялся попадать в самые невероятные истории, даже стоя на двух ногах.

Гермиона Грэйнджер, как и Гарри, выросшая в семье маглов, в ожидании предстоящих полетов нервничала не меньше Невилла. Если бы полетам можно было научиться по учебнику, Гермиона бы уже парила в небесах любой птицы, но это было невозможно. Хотя Гермиона, надо отдать ей должное, не могла не предпринять хотя бы одну попытку. Во вторник за завтраком она утомляла всех сидевших за столом, цитируя советы и подсказки начинающим летать, которые почерпнула из библиотечной книги под названием «История квиддича». Правда, Невилл слушал ее очень внимательно, не пропуская ни одного слова и постоянно переспрашивая. Видимо, он рассчитывал, что несколько часов спустя теория поможет ему удержаться на метле. Но остальные были очень рады, когда лекция Гермионы оборвалась с появлением почты.

С пятницы Гарри не получил ни одного письма — что, разумеется, не преминул отметить Малфой. Сова Малфоя — точнее, в отличие от других, у него был филин, ведь Малфой любил подчеркивать свою оригинальность — постоянно приносила ему из дома посылки со сладостями, которые он торжественно вскрывал за столом, угощая своих друзей.

В общем, Гарри во вторник не получил ничего, а вот сова-сипуха Невилла принесла ему маленький сверток, посланный бабушкой. Невилл ужасно обрадовался и, вскрыв сверток,

показал всем небольшой стеклянный шар. Казалось, что шар заполнен белым дымом.

— Это напоминка! — пояснил Невилл. — Бабушка знает, что я постоянно обо всем забываю, а этот шар подсказывает, что ты что-то забыл сделать. Вот смотрите — надо взять его в руку, крепко сжать и, если он покраснеет...

Лицо Невилла вытянулось — шар в его руке внезапно окрасился в ярко-красный цвет.

— Ну вот... — растерянно произнес Невилл.

Он попытался вспомнить, о чем именно он забыл, когда Драко Малфой, проходивший мимо, выхватил шар у него из рук.

Гарри и Рон одновременно вскочили на ноги. Не то чтобы им так уж хотелось драться — все же совсем неподалеку были друзья Малфоя, превосходившие Гарри и Рона по габаритам, — но и отступать было нельзя. Но тут между ними встала профессор МакГонагалл, у которой нюх на всякого рода неприятности был острее, чем у любого преподавателя Хогвартса.

— Что происходит? — строго спросила она.

— Малфой отнял у меня напоминку, профессор, — объяснил Невилл.

Малфой помрачнел и уронил напоминку на стол перед Невиллом.

— Я просто хотел посмотреть, профессор, — невинным голосом произнес он и пошел прочь, боязливо ссутулившись. Казалось, он пытается уменьшиться и тем самым избежать возможного гнева профессора МакГонагалл, которая его просто не заметит.

В три тридцать Гарри, Рон и другие первокурсники Гриффиндора торопливым шагом подходили к площадке, где обучали полетам. День был солнечным и ясным, дул легкий ветерок, и трава шуршала под ногами. Ученики дружным строем спускались с холма, направляясь к ровной поляне, которая находилась как можно дальше от Запретного леса, мрачно покачивающего верхушками деревьев.

Первокурсники из Слизерина были уже там — как и двадцать метел, лежавших в ряд на земле. Гарри вспомнил, как Джордж и Фред Уизли жаловались на школьные метлы, уверяя, что некоторые из них начинают вибрировать, если на них подняться слишком высоко, а некоторые всегда забирают влево.

Наконец появилась преподавательница полетов, мадам Трюк. У нее были короткие седые волосы и желтые глаза, как у ястреба.

— Ну и чего вы ждете?! — рявкнула она. — Каждый встает напротив метлы — давайте, пошевеливайтесь.

Гарри посмотрел на метлу, напротив которой оказался. Она была довольно старой, и несколько ее прутьев торчали в разные стороны.

— Вытяните правую руку над метлой! — скомандовала мадам Трюк, встав перед строем. — И скажите: «Вверх!»

— ВВЕРХ! — крикнуло двадцать голосов.

Метла Гарри прыгнула ему в руку но большинству других учеников повезло куда меньше. У Невилла метла вообще не сдвинулась с места, а у Гермiony Грэйнджер метла почему-то покатила по земле. Гарри подумал, что, возможно, метлы ведут себя, как лошади, — они чувствуют, кто их боится, и не подчиняются этому человеку. Ведь когда Невилл произносил команду «Вверх!», его голос так дрожал, что становилось понятно, что он предпочтет остаться на земле.

Затем мадам Трюк показала ученикам, как нужно садиться на метлу, чтобы не соскользнуть с нее в воздухе, и пошла вдоль шеренги, проверяя, насколько правильно они держат свои метлы. Гарри и Рон были счастливы, когда мадам Трюк резко сообщила Малфой, что он неправильно держит метлу.

— Но я летаю не первый год! — горячо возразил Малфой. В его голосе была обида.

Тогда мадам Трюк громко и четко объяснила ему, что это всего лишь означает, что он неправильно летал все эти годы. Малфой выслушал ее молча, наверное, поняв, что если

продолжить дискуссию, то может выясниться, что он вовсе не такой специалист, каким хотел казаться.

— А теперь, когда я дуну в свой свисток, вы с силой оттолкнетесь от земли, — произнесла мадам Трюк. — Крепко держите метлу, старайтесь, чтобы она была в ровном положении, поднимитесь на метр-полтора, а затем опускайтесь — для этого надо слегка наклониться вперед. Итак, по моему свистку — три, два...

Но Невилл, нервный, дерганный и явно испуганный перспективой остаться на земле в одиночестве, рванул вверх прежде, чем мадам Трюк поднесла свисток к губам.

— Вернись, мальчик! — крикнула мадам Трюк, но Невилл стремительно поднимался вверх — он напоминал пробку, вылетевшую из бутылки. Два метра, четыре, шесть — и Гарри увидел бледное лицо Невилла, испуганно смотрящего вниз. Увидел, как Невилл широко раскрыл от ужаса рот, как он соскользнул с метлы, и...

БУМ! Тело Невилла с неприятным звуком рухнуло на землю. Его метла все еще продолжала подниматься, а потом лениво заскользила по направлению к Запретному лесу и исчезла из виду.

Мадам Трюк склонилась над Невиллом, лицо ее было даже блее, чем у него.

— Сломано запястье, — услышал Гарри ее бормотание. Когда мадам Трюк распрямилась, ее лицо выражало явное облегчение. — Вставай, мальчик! — скомандовала она. — Вставай. С тобой все в порядке. — Она повернулась к остальным ученикам. — Сейчас я отведу его в больничное крыло, а вы ждите меня и ничего не делайте. Метлы оставьте на земле. Тот, кто в мое отсутствие дотронется до метлы, вылетит из Хогвартса быстрее, чем успеет сказать слово «квиддич». Пошли, мой дорогой.

Мадам Трюк приобняла заплаканного Невилла и повела его в сторону замка. Невилл сильно хромал.

Как только они отошли достаточно далеко, чтобы мадам Трюк могла что-либо услышать, Малфой расхохотался.

— Вы видели его физиономию? Вот неуклюжий — настоящий мешок!

Остальные первокурсники из Слизерина присоединились к нему.

— Заткнись, Малфой, — оборвала его Парвати Патил.

— О-о-о, ты заступаешься за этого придурка Долгопупса? — спросила Пэнси Паркинсон, девочка из Слизерина с грубыми чертами лица. — Никогда не думала, что тебе нравятся такие толстые плаксивые мальчишки.

— Смотрите! — крикнул Малфой, метнувшись вперед и поднимая что-то с земли. — Это та самая дурацкая штука, которую прислала ему его бабка.

Напоминалка заблестела в лучах солнца.

— Отдай ее мне, Малфой, — негромко сказал Гарри.

Все замерли и повернулись к нему.

Малфой нагло усмехнулся.

— Я думаю, я положу ее куда-нибудь, чтобы Долгопупс потом достал ее оттуда, — например, на дерево.

— Дай сюда! — заорал Гарри, но Малфой вскочил на метлу и взмыл в воздух. Похоже, он не врал насчет того, что действительно умеет летать, и сейчас он легко парил над верхушкой росшего около площадки раскидистого дуба.

— А ты отбери ее у меня, Поттер! — громко предложил он сверху.

Гарри схватил метлу.

— Нет! — вскрикнула Гермиона Грэйнджер, и Гарри застыл. — Мадам Трюк запретила нам это делать: из-за тебя у Гриффиндора будут неприятности.

Она была права, но все же Гарри проигнорировал ее предупреждение. Кровь стучала в его голове, заставляя забыть обо всем. Он вскочил на метлу, с силой оттолкнулся ногами от земли и взлетел. Он почувствовал, как ветер взъерошил его волосы, услышал, как захлопала его одежда, и вдруг его охватил приступ внезапной, сильной, почти безграничной радости.

Оказалось, что он, так боявшийся, что не умеет ничего, все-таки что-то может. Что-то, чему его не надо учить, для чего ему совсем не обязательно было воспитываться в семье волшебников и летать с самого детства. Потому что он летел — и это было легко, и это было прекрасно. Он чуть-чуть отклонился назад и поднялся еще выше под удивленные крики и вопли ужаса оставшихся на земле девочек и одобрительные возгласы Рона.

Гарри резко развернул метлу, оказавшись лицом к лицу с Малфоем. Вид у того был изумленный.

— Дай сюда! — крикнул ему Гарри. — Или я собою тебя с метлы!

— Да ну? — издевательски переспросил Малfoy, однако, несмотря на тон, на лице его появилась озабоченность.

Гарри откуда-то знал, что ему надо делать. Он нагнулся вперед и крепко ухватился за метлу обеими руками, и она рванулась на Малфоя, как вылетевший из пращи камень. Малfoy едва успел уклониться. А Гарри, проскочив мимо, резко развернулся и выровнял метлу. Снизу раздалась аплодисменты.

— Что, Малfoy, заскучал? — громко крикнул Гарри. — Ты сейчас один, Крэбба и Гойла рядом нет, и никто тебе не поможет.

Кажется, Малfoy осенила та же мысль.

— Тогда поймай, если сможешь! — заорал он и, метнув стеклянный шар высоко в небо, рванулся вниз, к земле.

Гарри видел, словно в замедленной съемке, как шар поднимается вверх, на мгновение застывает в воздухе, а потом начинает падать. Он нагнулся вперед и направил рукоятку метлы вниз, а в следующую секунду вошел в почти отвесное пике. Скорость все увеличивалась, в ушах свистел ветер, заглушая испуганные вопли стоявших внизу. Гарри вытянул руку, не снижая скорости, и, когда до земли оставалось не более полуметра, поймал шар — как раз вовремя, чтобы успеть выровнять метлу. И мягко скатился на траву, сжимая шар в руке.

— ГАРРИ ПОТТЕР!

Сердце его рухнуло в пятки быстрее, чем он пикировал к земле. К нему бежала профессор МакГонагалл. Гарри поднялся на ноги, дрожа от предчувствия того, что его ожидало.

— Никогда... никогда за все то время, что я работаю в Хогвартсе...

Профессор МакГонагалл осеклась, от волнения ей не хватило воздуха, но очки ее яростно посверкивали на солнце.

— Как вы могли... Вы чуть не сломали себе шею...

— Это не его вина, профессор...

— Я вас не спрашивала, мисс Патил...

— Но Малfoy...

— Достаточно, мистер Уизли. Поттер, идите за мной, немедленно.

Гарри заметил ликующие улыбки на лицах Малфоя и его друзей и побрел, с трудом передвигая ноги, за профессором МакГонагалл, направлявшейся в сторону замка. Он не сомневался, что его исключат из школы. Он хотел сказать что-нибудь, как-то попытаться оправдаться, но у него что-то случилось с голосом. Профессор МакГонагалл быстро шла вперед, не оборачиваясь на него, и Гарри пришлось ускорить шаг и даже перейти на бег, чтобы не отстать.

Что ж, было похоже, что всему пришел конец. После того, как он не пробыл в школе и двух недель. И теперь уже через десять минут он будет укладывать свои вещи обратно в чемодан. И что, интересно, скажут Дурсли, когда увидят его на пороге своего дома?

Они поднялись по ступенькам, ведущим к воротам замка, потом по мраморной лестнице. Профессор МакГонагалл все еще молчала. Она резко распахивала одну дверь за другой, быстрым шагом пересекала коридор за коридором, а грустный и печальный Гарри покорно семенил за ней. Наверное, профессор МакГонагалл вела его к Дамблдору — куда же еще?

Гарри вдруг подумал о Хагриде, которого тоже исключили, но оставили при школе в качестве лесника. Может, ему тоже разрешат остаться, может, его назначат помощником Хагрида? Сердце Гарри радостно замерло — и снова рухнуло вниз. Он поморщился, словно от боли, представив себе, что год за годом он будет ковылять по территории школы, волоча за Хагридом его тяжеленную сумку, и наблюдать, как Рон и остальные переходят с курса на курс и становятся настоящими волшебниками.

Профессор МакГонагалл резко остановилась напротив одного из кабинетов, потянула на себя дверь и заглянула внутрь.

— Извините, профессор Флитвик, могу я попросить вас кое о чем? Мне нужен Вуд.

«Вуд? — Гарри передернуло, и он почувствовал, как его охватывает ужас. — Это еще что такое?»

Вуд оказался человеком. Это был пятикурсник крепкого телосложения, который, выйдя из кабинета, непонимающе посмотрел на профессора МакГонагалл и Гарри.

— Идите за мной, вы оба, — приказала профессор МакГонагалл, и они пошли за ней по коридору. Вуд с любопытством косился на Гарри.

Профессор МакГонагалл завела их в кабинет, в котором не было никого, кроме Пивза, писавшего на доске нехорошие слова.

— Вон отсюда, Пивз! — рявкнула профессор МакГонагалл.

Пивз бросил мел в корзину — судя по всему, пустую, потому что она отозвалась грохотом, — и вылетел из класса, бормоча себе под нос ругательства. Профессор МакГонагалл захлопнула за ним дверь и повернулась к двум мальчикам.

— Поттер, знакомьтесь — это Оливер Вуд. Вуд, я нашла вам ловца.

Озадаченное выражение на лице Вуда сменилось восторгом.

— Вы это серьезно, профессор?

— Абсолютно, — сухо заверила его профессор МакГонагалл. — Он летает, как птица, словно с пеленок это умел. В жизни не видела ничего подобного. Вы в первый раз сели на метлу, Поттер?

Гарри молча кивнул. Он никак не мог понять, что происходит, но, кажется, его не собирались исключать, и от этой мысли ему стало чуть легче.

— Он поймал эту штуку в воздухе, спикировав с двадцати метров. — Профессор МакГонагалл кивнула на шар, который Гарри по-прежнему сжимал в руке. — И ни одного синяка. Даже Чарли Уизли так не смог бы.

У Вуда был такой вид, словно все его мечты каким-то чудесным образом осуществились.

— Когда-нибудь видел, как играют в квиддич, а, Поттер? — спросил Вуд. Глаза его загорелись.

— Вуд — капитан сборной факультета Гриффиндор, — пояснила профессор МакГонагалл.

— Для ловца он идеально сложен, — заключил Вуд, обойдя вокруг Гарри и внимательно его рассмотрев. — Легкий и быстрый. Нам надо будет раздобыть для него приличную метлу, профессор, — «Нимбус-2000» или «Чистомет-7», думаю, что-нибудь в этом роде.

— Я поговорю с профессором Дамблдором и попробую убедить его сделать исключение из правил и разрешить первокурснику играть за сборную, — произнесла профессор МакГонагалл. — Потому что нам нужна более сильная команда, чем в прошлом году. Слизерин буквально растоптал нас в последнем матче. Я потом несколько недель не могла заставить себя посмотреть в глаза Северусу Снеггу...

Профессор МакГонагалл сурово уставилась на Гарри поверх очков.

— И учтите, Поттер, если я услышу, что вы недостаточно упорно тренируетесь, я могу передумать и наложить на вас серьезное взыскание за то, что вы натворили.

И тут она внезапно улыбнулась.

— Ваш отец просто потрясающе играл в квиддич, Поттер. И сейчас он гордился бы вами...

— Ты шутишь...

Это было за обедом. Гарри только что закончил рассказывать Рону о том, что произошло, когда профессор МакГонагалл увела его с площадки. Пока он говорил, Рон увлеченно поедал пирог с говядиной и почками. Но теперь, когда Гарри закончил, он начисто забыл о пироге, так и не донеся до рта последний кусок.

— Ловец? — В голосе Рона было изумление. — Но первокурсников никогда... Ты, наверное, станешь самым юным игроком в истории Хогвартса за...

— ...за последние сто лет, — закончил за него Гарри, с аппетитом взявшись за пирог. После того, что он пережил сегодня днем, он жутко проголодался. — Вуд мне это уже рассказал.

Рон был настолько впечатлен услышанным, настолько поражен, что просто сидел с раскрытым ртом и не мог отвести от Гарри глаз.

— Я начинаю тренироваться на следующей неделе, — добавил Гарри. — Только не говори никому. Вуд хочет, чтобы это оставалось тайной.

В зал вошли Фред и Джордж Уизли и, заметив Гарри, направились к нему — судя по всему, именно его они здесь и искали.

— А ты молодец, — тихо произнес Джордж. — Вуд нас ввел в курс дела. Мы ведь тоже в сборной — загонщики.

— Я тебе говорю: в этом году мы наверняка выиграем соревнования между факультетами по квиддичу, — заверил Фред. — Мы не выигрывали с тех пор, как наш брат Чарли закончил Хогвартс. Но в этом году у нас будет фантастическая команда. Ты, должно быть, очень хорош, Гарри. — Вуд прямо-таки подпрыгивал от восторга, когда рассказывал о тебе.

— Ладно, нам пора идти, — наконец спохватились близнецы. — Ли Джордан уверяет, что нашел новый потайной коридор, через который можно выбраться из школы.

Не успели Фред и Джордж исчезнуть, как к столу подошел тот, кому они были совсем не рады. А именно Малфой — разумеется, в сопровождении верных телохранителей Крэбба и Гойла.

— Последний школьный обед, Поттер? — с издевкой спросил Малфой. — Уезжаешь обратно к маглам? Во сколько у тебя поезд?

— Смотрю, на земле ты стал куда смелее, особенно когда рядом два твоих маленьких друга, — холодно ответил Гарри. Конечно, Крэбба и Гойла никак нельзя было назвать маленькими, но за Главным столом было полно учителей, и все, что могли сделать Крэбб и Гойл, это состроить недовольные физиономии.

— Я в любой момент могу разобраться с тобой один на один, — заявил Малфой. — Сегодня вечером, если хочешь. Дуэль волшебников. Никаких кулаков — только волшебные палочки. Что с тобой, Поттер? А, конечно, ты же никогда не слышал о дуэлях волшебников.

— Он слышал, — быстро сориентировался Рон, вставая перед Малфоем. — Я буду его секундантом, а кого возьмешь ты?

Малфой посмотрел на своих спутников, оценивая, кто из них больше подойдет для этой цели.

— Крэбба, — наконец сказал он. — Полночь вас устраивает? Тогда в полночь ждем вас в комнате, где хранятся награды, — она всегда открыта.

Когда Малфой отошел, Гарри и Рон переглянулись.

— Что это за дуэль? — поинтересовался Гарри. — И что это значит: ты будешь моим секундантом?

— Секунданты нужны для того, чтобы отнести тебя домой, если ты умрешь, — спокойно

заметил Рон, словно говорил о какой-то ерунде, и невозмутимо принялся за уже остывший пирог. Он спохватился, только когда посмотрел на Гарри и увидел выражение его лица. — Но ты не беспокойся, смертельные случаи бывают только на настоящих дуэлях, то есть если дерутся настоящие волшебники. А максимум, что вы с Малфоем сможете сделать, — это посылать друг в друга искры. Вы еще ничего не умеете, и потому вам не удастся нанести друг другу серьезный урон. Кстати, готов поспорить, он рассчитывал, что ты откажешься.

— А если я взмахну палочкой и ничего не произойдет? — поинтересовался Гарри.

— Тогда отбрось палочку в сторону и дай ему кулаком в нос, — посоветовал Рон.

— Извините...

Они подняли глаза — перед ними стояла Гермиона Грэйнджер.

— Можно здесь поесть спокойно? — многозначительно произнес Рон.

Гермиона пропустила его вопрос мимо ушей, тем более что она смотрела не на Рона, а на Гарри.

— Я случайно услышала, о чем вы тут говорили с Малфоем...

— Бьюсь об заклад, что не случайно, — вставил Рон.

— ...и хочу тебе сказать, что ты не имеешь права бродить ночью по школе. Если тебя поймут, Гриффиндор получит штрафные очки, а тебя обязательно поймут. И если хочешь знать, то, что ты собираешься сделать, наплевав на факультет, — это чистой воды эгоизм.

— Если хочешь знать, это вовсе не твое дело, — ответил Гарри.

— До свидания, — закончил разговор Рон.

«Что там ни говори, а это не лучшее завершение для такого дня», — думал Гарри несколько часов спустя, лежа с открытыми глазами и прислушиваясь к мерному дыханию Дина и Симуса (в спальне их было пятеро, но Невилл все еще находился в больничном крыле). Рон весь вечер давал ему очень ценные советы. «Если он попробует насрать на тебя проклятие, лучше увернись, потому что я не помню, как их отбивать» — и все в таком же духе.

Гарри чувствовал, что испытывает судьбу, собираясь второй раз за день нарушить школьные правила. А шанс, что их поймает Филч или миссис Норрис, был очень велик. Но с другой стороны, ему представилась возможность одолеть Малфоя, чье насмехающееся лицо то и дело возникало перед Гарри в темноте, причем одолеть один на один. И такую возможность нельзя было упускать.

— Полдвенадцатого, — наконец пробормотал Рон. — Если мы не хотим опоздать, нам пора.

Они набросили на пижамы халаты, взяли волшебные палочки, на цыпочках вышли из спальни, спустились по лестнице и оказались в Общей гостиной Гриффиндора. В камине все еще мерцало несколько углей. Их свет превращал стоявшие в комнате кресла в зловещие горбатые черные тени. Они уже почти добрались до выхода, когда из ближайшего кресла до них донесся голос:

— Не могу поверить, что ты все-таки собираешься это сделать, Гарри.

Вспыхнула лампа. В кресле сидела Гермиона Грэйнджер в розовом халате и хмуро смотрела на них.

— Ты? — яростно прошептал Рон. — Иди спать!

— Я чуть не рассказала обо всем твоему брату Перси, — отрезала Гермиона. — Он староста, он бы положил этому конец. Но я все же промолчала.

Гарри никак не мог поверить, что на свете есть люди, способные так нахально совать нос в чужие дела.

— Пошли, — сказал он Рону. И, отодвинув портрет Толстой Леди, стал пробираться через дыру.

Однако Гермиона не собиралась так легко сдаваться. Они стояли в коридоре, когда она

вылезла из дыры вслед за ними и зашипела, как рассерженная гусыня.

— Вы не думаете о нашем факультете, вы думаете только о себе, а я не хочу, чтобы Слизерин снова выиграл соревнования между факультетами. Из-за вас мы потеряем те призовые очки, которые я получила от профессора МакГонагалл за то, что знала несколько заклинаний, которые необходимы для трансфигурации.

— Уходи, — дружно прошептали Гарри и Рон.

— Хорошо, но я вас предупредила. И когда завтра вы будете сидеть в поезде, везущем вас обратно в Лондон, вспомните о том, что я вам говорила, — что вы...

Они так и не узнали, что должно было последовать за этим «что вы». Гермиона, не договорив, повернулась к портрету Толстой Леди, чтобы сказать ей пароль и вернуться обратно, но обнаружила, что картина пуста. Толстая Леди ушла к кому-то в гости, а значит, Гермиона не могла вернуться в башню Гриффиндора. Для того чтобы выйти из спальни, пароль был не нужен, для этого надо было просто отодвинуть портрет, но войти в башню без пароля и уж тем более без Толстой Леди, которой надо было сообщить этот пароль, было невозможно.

— И что же мне теперь делать? — спросила Гермиона пронзительным шепотом.

— Это твоя проблема, — заметил Рон. — Все, нам пора идти, вернемся поздно.

Они даже не успели дойти до конца коридора, когда Гермиона нагнала их.

— Я иду с вами, — заявила она.

— Исключено, — в один голос заявили оба.

— Вы думаете, я буду тут стоять и ждать, пока меня не схватит Филч? А вот если он поймает нас троих, я честно ему скажу, что пыталась вас отговорить, а вы это подтвердите, и тогда мне ничего не сделают.

— Ну и наглая же ты, — громко возмутился Рон.

— Заткнитесь вы оба! — резко бросил Гарри. — Я что-то слышу.

До них донеслось что-то вроде сопения.

— Это миссис Норрис, — выдохнул Рон, который, прищурившись, вглядывался в темноту.

Но это была не миссис Норрис. Это был Невилл. Он крепко спал прямо на полу, свернувшись калачиком, но моментально проснулся и подскочил, как только они подкрались поближе.

— Хвала небесам — вы меня нашли! — воскликнул он. — Я здесь уже несколько часов. Не мог вспомнить новый пароль.

— Потихе, Невилл, — шепнул Рон. — Пароль — «пороссячий пяточок», но тебе это уже не поможет. Толстая Леди куда-то ушла.

— Как твоя рука? — первым делом спросил Гарри.

— Отлично. — Невилл вытянул руку и помахал ею в воздухе. — Мадам Помфри за одну минуту сделала так, что кости срослись обратно.

— Ну и хорошо, — радостно улыбнулся Гарри и вдруг помрачнел, вспомнив о том, зачем они здесь. — Э-э-э... Послушай, Невилл, нам надо кое-куда сходить, так что увидимся позже...

— Не оставляйте меня! — завопил Невилл. С характерной только для него неуклюжестью он попытался подняться на ноги, но чуть не упал. — Я здесь один не останусь: пока я тут лежал, мимо меня дважды проплыл Кровавый Барон.

Рон посмотрел на часы, а потом яростно сверкнул глазами, обращенными к Гермионе и Невиллу.

— Если нас с Гарри поймают из-за вас двоих, я не успокоюсь, пока не выучу «проклятие призраков», о котором рассказывал Квиррелл, и не попробую его на вас.

Гермиона открыла рот — может быть, для того, чтобы рассказать Рону, как накладывать «проклятие призраков», но Гарри зашипел на нее. И, приложив палец к губам, поманил всех

за собой.

Они на цыпочках неслись по коридорам, расчерченным на квадраты полосками света, падающего из высоких окон. Перед каждым поворотом Гарри думал о том, что сейчас свернет за угол и врежется в Филча или наступит на миссис Норрис. Но пока ему везло — как и всем остальным. Они сделали последний поворот, прыжками преодолели последнюю лестницу, оказались на третьем этаже и бесшумно прокрались в комнату, где хранились награды. Малфоя и Крэбба тут еще не было, так что они пришли первыми.

Комнату заливал лунный свет. Хрустальные ящики сверкали в лучах лунного света. Кубки, щиты с гербами, таблички и статуэтки отливали в темноте серебром и золотом. Ребята двинулись вдоль стены, не сводя глаз с дверей, находящихся в противоположных концах комнаты. Гарри достал палочку на тот случай, если Малфой выпрыгнет из темноты и сразу нападет на него. Но никто не появлялся. Казалось, кто-то замедлил ход времени — минуты ползли, как часы.

— Он опаздывает — может, трусил? — прошептал Рон.

Шум, донесшийся из соседней комнаты, заставил их подпрыгнуть. Гарри не успел поднять палочку, как раздался голос. Он принадлежал вовсе не Малфоя.

— Принюхайся-ка хорошенько, моя милая, они, должно быть, спрятались в углу.

Это был голос Филча, обращавшегося к миссис Норрис. Гарри, похолодев от ужаса, махнул однокурсникам, показывая, чтобы они следовали за ним, и быстро пошел на цыпочках к двери, противоположной той, из-за которой вот-вот должны были появиться Филч и его кошка. Едва замыкавший цепочку Невилл успел выйти из комнаты, как они услышали, что в нее вошел Филч.

— Они где-то здесь, — донеслось до них его бормотание. — Наверное, прячутся.

Гарри посмотрел на своих спутников, чтобы привлечь их внимание. «Сюда!» — беззвучно произнес он, тщательно артикулируя, и они начали красться по длинной галерее, уставленной рыцарскими доспехами. Позади отчетливо слышались шаги Филча. И тут Невилл внезапно испуганно пискнул и ринулся бежать.

Как и следовало ожидать, убежать далеко неуклюжему Невиллу не удалось. Он споткнулся, судорожно ухватился за бегущего перед ним Рона. Оба упали, врезавшись в стоявшего на невысоком постаменте рыцаря в латах. Поднятого ими грохот и звона было вполне достаточно, чтобы разбудить весь замок.

— БЕЖИМ! — истошно завопил Гарри, и все четверо что есть сил рванули по галерее, не оглядываясь назад и не зная, преследует ли их Филч.

Они влетели в раскрытую дверь, чудом не разбившись о дверной косяк, свернули направо, пробежали по коридору, а затем прыжками преодолели следующий коридор. Гарри, самый спокойный и рассудительный из всех, бежал первым, совершенно не представляя, где они находятся и куда он ведет своих спутников. Позже он так и не смог понять, как ему удалось руководить общими действиями, ведь он умирал от страха, а сердце так бешено колотилось в его груди, что грозило вот-вот из нее выскочить.

Ребята проскочили сквозь гобелен и оказались в потайном проходе. Пробежали по нему до конца и остановились около кабинета, в котором проходили уроки по заклинаниям. Вдруг они поняли, что каким-то образом им удалось преодолеть прямо-таки огромное расстояние — комната, выбранная для дуэли, была далеко-далеко отсюда.

— Думаю, мы оторвались, — с трудом выговорил Гарри, переводя дыхание. Он прислонился разгоряченным телом к холодной стене и вытер рукавом халата вспотевший лоб. Стоявший рядом Невилл согнулся пополам, тяжело сопя и что-то бормоча себе под нос.

— Я... тебе... говорила, — выдохнула Гермиона, держась обеими руками за грудь. — Я... тебе... говорила.

— Нам надо вернуться в башню Гриффиндора, — произнес Рон. — И как можно быстрее.

— Малфой тебя обманул, — встряла в разговор Гермиона — она еще не успела отдышаться, но ее натура не позволяла ей молчать. — Надеюсь, ты это уже понял? Он и не собирался туда приходить. А Филч знал, что кто-то должен быть в этой комнате. Это Малфой дал ему понять, что в полночь там кто-то будет.

Гарри подумал, что она, скорее всего, права, но не собирался ей об этом говорить.

— Пошли, — махнул он рукой вместо ответа.

Это легко было сказать, но не так просто сделать. Не успели они сделать и десяти шагов, как услышали, что кто-то поворачивает дверную ручку, и из ближнего к ним кабинета выплыл Пивз. Он сразу заметил их и даже взвизгнул от восторга.

— Потихе, Пивз, пожалуйста. — Гарри приложил палец к губам. — Нас из-за тебя выгонят из школы.

Пивз радостно закудахтал.

— Штаетесь по ночам, маленькие первокурснички? Так, так, так, нехорошо, малыши, очень нехорошо, вас ведь поймают.

— Если ты нас не выдашь, то не поймают. — Гарри умоляюще сложил руки на груди. — Ну, пожалуйста, Пивз.

— Наверное, я должен вызвать Филча. Я просто обязан. Этого требует мой долг. — Пивз говорил голосом праведника, но глаза его сверкали недобрым огнем. — И все это для вашего же блага.

— Убирайся с дороги, — не выдержал Рон и махнул рукой, словно хотел ударить бесплотного Пивза. Рон погорячился — и это была ошибка.

— УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ! — оглушительно заорал Пивз. — УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ, ОНИ СЕЙЧАС В КОРИДОРЕ ЗАКЛИНАНИЙ!

Все четверо пригнулись, проскакивая под висевшим в воздухе Пивзом, и побежали так, словно от их скорости зависели их жизни. Но, добежав до конца коридора, они уткнулись в запертую дверь.

— Вот и все! — простонал Рон, тщетно ударяясь плечом в дверь. — С нами все кончено! Мы пропали!

Они уже слышали шаги — это Филч бежал на крики Пивза.

— Ну-ка подвиньтесь, — резко скомандовала Гермиона. Она вырвала из рук Гарри волшебную палочку, постучала ею по запертому замку и прошептала: — *Алохомора!*

Замок заскрежетал, дверь распахнулась, и они быстро скользнули внутрь, закрыв за собой дверь и прижавшись к ней, чтобы слышать, что происходит в коридоре.

— Куда они побежали, Пивз? — донесся до них голос Филча. — Давай быстрее, я жду.

— Скажи «пожалуйста».

— Не зли меня, Пивз! Итак, куда они побежали?

— Сначала скажи «пожалуйста», или я ничего не знаю, — упорствовал Пивз.

Его монотонный голос явно вывел Филча из себя.

— Ну ладно — пожалуйста!

— НЕ ЗНАЮ! Ничего не знаю! — радостно заорал Пивз. — Ха-ха-ха! Я тебя предупреждал: раньше надо было говорить «пожалуйста». Ха-ха! Ха-ха-ха!

Они слышали, как со свистом унесся куда-то Пивз и как яростно ругается Филч.

— Он думает, что эта дверь заперта, — прошептал Гарри. — Надеюсь, мы выберемся, да отвяжись ты, Невилл!

Невилл вот уже минуту или две настойчиво дергал Гарри за рукав.

— Ну что тебе? — недовольно произнес Гарри, поворачиваясь к нему.

Стоило ему повернуться, как он сразу увидел это самое «что». В первую секунду Гарри

подумал, что ему это просто привиделось, — после всего пережитого сегодня это было бы просто чересчур. Однако то, что он увидел, было реальностью, причем кошмарной.

Гарри ошибся, когда предполагал, что эта дверь ведёт в очередную комнату. Они были не в комнате, а в коридоре. В запретном коридоре на третьем этаже. И теперь он понял, почему школьникам категорически запрещалось входить в этот коридор.

Им в глаза смотрел гигантский пес, заполнивший собой весь коридор от пола до потолка. У него было три головы, три пары вращающихся безумных глаз, три носа, нервно дергающихся и принюхивающихся к незванным гостям, три открытых слюнявых рта с желтыми клыками, из которых веревками свисала слюна.

Пока пес сохранял относительное спокойствие и только принюхивался к ним, уставившись на них всеми шестью глазами. Но Гарри знал, что единственная причина, по которой они пока еще живы, — это то, что их внезапное появление застало пса врасплох. Но, кажется, до пса уже начало доходить, что произошло. Об этом свидетельствовало напоминающее отдаленные раскаты грома низкое рычание, вырывавшееся из трех пастей.

Гарри ухватился за дверную ручку. Сейчас надо было выбирать между смертью и Филчем — и лично он предпочитал Филча.

В мгновение ока ребята выскочили за дверь, захлопнув ее за собой, и ринулись бежать с такой скоростью, что со стороны могло показаться, будто они летят. Филча в коридоре уже не было. Наверное, он ушел отсюда, чтобы поискать их в другом месте. Но его отсутствие не радовало их и не огорчало — сейчас им было все равно. Всё, чего они хотели, — это оказаться как можно дальше от этого монстра. Они не останавливались, пока не оказались на седьмом этаже у портрета Толстой Леди.

— Где вы были? — спросила та, глядя на их пылающие потные лица.

— Неважно, — с трудом выдохнул задыхающийся Гарри. — Свиной пяточок, свиной пяточок!

Портрет отъехал в сторону, и они пробрались сквозь дыру в стене в Общую гостиную и устало повалились в кресла, дрожа от долгого бега и всего пережитого.

Прошло много времени, прежде чем кто-то из них нарушил тишину. А у Невилла и вовсе был такой вид, словно он никогда уже не будет говорить.

— Что они себе, интересно, думают? — Рон первым обрел дар речи. — Надо же додуматься до такого — держать в школе этого пса. Этой твари явно надо поразмяться, а не сидеть взаперти.

Гермиона тоже пришла в себя, и к ней тут же вернулось плохое настроение.

— А зачем вам глаза, хотела бы я знать? — недовольно поинтересовалась она. — Вы что, не видели, на чем этот пес стоял?

— На полу, — предположил Гарри. — Хотя вообще-то я не смотрел на его лапы — с меня вполне хватило голов.

— Нет, он стоял не на полу, а на люке. Дураку понятно, что он там что-то охраняет.

Гермиона встала, окинув их возмущенным взглядом.

— Надеюсь, вы собой довольны, — резко произнесла она. — Нас всех могли убить... или, что еще хуже, исключить из школы. А теперь, если вы не возражаете, я пойду спать.

Рон смотрел ей вслед с открытым ртом.

— Нет, мы не возражаем, — выдавил он, когда Гермиона скрылась в темноте. — Можно подумать, что мы силой тащили ее с собой...

Забравшись в постель, Гарри думал не о том, что они пережили, а о том, что сказала Гермиона. О том, что пес что-то охраняет. Он вспомнил слова Хагрида: «Если хочешь что-нибудь спрятать, то «Гринготтс» — самое надежное место в мире. Кроме, может быть, Хогвартса».

Похоже, теперь Гарри знал, где сейчас находится тот бесформенный маленький сверток из сейфа семьсот тринадцать.

Глава 10

ХЭЛЛОУИН

Малфой не поверил своим глазам, когда наутро за завтраком увидел Гарри и Рона, — они выглядели усталыми, но светились от счастья. Кажется, Малфой уже не сомневался, что больше не встретится с ними, потому что вместо завтрака отчисленные из школы Гарри и Рон сядут в поезд до Лондона.

В отличие от Малфоя, они действительно были счастливы. Проснувшись и обсудив случившееся ночью, Гарри и Рон решили, что встреча с трехговым псом была отличным приключением и они бы не отказались от еще одного в том же духе.

За завтраком Гарри рассказывал Рону о том свертке, который Хагрид забрал из «Гринготтса» по поручению Дамблдора и который, судя по всему, находится в запретном коридоре третьего этажа. И теперь они гадали, что же может нуждаться в такой усиленной охране.

— Это либо что-то очень ценное, либо что-то очень опасное, — сказал Рон.

— Или и то и другое одновременно, — задумчиво произнес Гарри.

Однако всё, что они знали об этом загадочном предмете, — это то, что его длина составляет примерно пять сантиметров. Но этого было слишком мало, чтобы догадаться или хотя бы предположить, что же это за предмет.

Что касается Невилла и Гермионы, то им, кажется, было абсолютно безразлично, что находится в том тайнике, на котором стояла собака. Невилл вообще думал только о том, чтобы больше никогда не оказаться поблизости от трехголового пса. А Гермиона просто игнорировала Гарри и Рона, отказываясь с ними разговаривать. Правда, если учесть, что она была жуткой всезнайкой, вечно лезла вперед и любила командовать, то оба только обрадовались ее молчанию.

Больше всего на свете — кроме желания узнать, что лежит в запретном коридоре, — Гарри и Рону хотелось отомстить Малфоем. И к их великой радости, неделю спустя им представился такой шанс.

Это произошло за завтраком, когда в Большой зал влетели совы, разносящие почту. Все сидевшие в зале сразу заметили шестерых сов, несущих по воздуху длинный сверток. Гарри было интересно, что лежит в свертке, не меньше, чем всем остальным. И он был жутко удивлен, когда совы спикировали над его столом и уронили сверток прямо в его тарелку с жареным беконом. Тарелка разбилась. Не успели шесть сов набрать высоту, как появилась седьмая, бросившая на сверток письмо.

Гарри сначала вскрыл конверт — как выяснилось, ему повезло, что первым делом он не занялся свертком.

НЕ ОТКРЫВАЙТЕ СВЕРТОК ЗА СТОЛОМ, — гласило письмо. — В нем ваша новая метла, «Нимбус-2000», но я не хочу, чтобы все знали об этом, потому что в противном случае все первокурсники начнут просить, чтобы им разрешили иметь личные метлы. В семь часов вечера Оливер Вуд ждет вас на площадке для квиддича, где пройдет первая тренировка.

Профессор М. МакГонагалл

Гарри, с трудом скрывая радость, протянул письмо Рону.

— «Нимбус-2000!» — простонал Рон, в его голосе слышалась зависть. — Я такую даже в руках не держал.

Они быстро вышли из зала, чтобы успеть рассмотреть метлу до начала первого урока. Но стоило им подойти к лестнице, как на их пути выросли Крэбб и Гойл. Появившийся из-за их спин Малфой вырвал у Гарри сверток и оценивающе ощупал его.

— Это метла, — категорично заявил он, бросая сверток обратно Гарри. На его лице читались злоба и зависть. Но только если Рон завидовал по-доброму, то зависть Малфоя была черной. —

На этот раз тебе не выкрутиться, Поттер, — первокурсникам нельзя иметь свои метлы.

Рон не выдержал.

— Это не просто какая-то старая метла, — он с превосходством посмотрел на Малфоя и вызывающе усмехнулся. — Это «Нимбус-2000». А что ты там говорил, Малfoy, насчет той метлы, которую оставил дома? Кажется, это «Комета-260»? Метла, конечно, неплохая, но с «Нимбусом-2000» никакого сравнения.

— Да что ты понимаешь в метлах, Уизли? Тебе даже на полрукоятки денег не хватило бы, — буркнул в ответ Малfoy. — Вы с братьями небось на обычную-то метлу деньги много лет копили, по пруту купали.

Прежде чем Рон успел ответить, рядом с Малфоем появился профессор Флитвик.

— Надеюсь, вы тут не ссоритесь, мальчики? — пропищал он.

— Профессор, Поттеру прислали метлу, — выпалил Малfoy и замер, явно довольный собой.

— Да, да, все в порядке, — профессор Флитвик широко улыбнулся Гарри. — Вы знаете, Поттер, профессор МакГонагалл рассказала мне о сделанном для вас исключении. А что это за модель?

— Это «Нимбус-2000», сэр, — пояснил Гарри, сдерживая улыбку: он видел, что Малfoy смотрит на него с непониманием и ужасом. — Я должен поблагодарить Малфоя за то, что мне досталась такая метла.

Крэбб и Гойл расступились, и Гарри с Роном пошли вверх по лестнице, трясаясь от беззвучного смеха. Малfoy же выглядел разъяренным и одновременно беспомощным.

— Самое смешное, что это правда, — хихикнул Гарри, когда они оказались на самом верху мраморной лестницы. — Если бы Малfoy не схватил напоминалку Невилла, то я не вошел бы в команду...

— Значит, ты полагаешь, что это награда за то, что ты нарушил школьные правила? — раздался сзади гневный голос. Они оглянулись и увидели поднимающуюся по лестнице Гермиону Грэйнджер. Она неодобрительно смотрела на сверток в руках Гарри.

— Кажется, ты с нами не разговаривала, — заметил Гарри.

— И ни в коем случае не изменяй своего решения, — добавил Рон. — Тем более что оно приносит нам так много пользы.

Гермиона гордо прошла мимо, задрав нос к потолку.

В тот день Гарри было нелегко сосредоточиться на уроках. Его мысли все время уносились то наверх, в спальню, где под кроватью лежала его новая метла, то на площадку для квиддича, где ему предстояло тренироваться сегодня вечером. За ужином он не ел, а буквально проглатывал еду, даже не замечая, что именно глотает. Потом вместе с Роном помчался наверх, чтобы наконец распаковать «Нимбус».

— Вот это да! — восхищенно выдохнул Рон, не в силах оторвать глаз от открывшегося им чуда.

Даже Гарри, который не разбирался в метлах, был впечатлен. Отполированная до блеска ручка из красного дерева, длинные прямые прутья и золотые буквы «Нимбус-2000» — словом, метла была просто загляденье.

Когда до семи оставалось совсем немного времени, Гарри вышел из замка и пошел к площадке для квиддича. Оказалось, там был целый стадион. Ничего подобного он никогда не видел. Ряды сидений располагались куда выше, чем на обычном стадионе, для того чтобы зрители могли отчетливо видеть, что происходит в воздухе. На противоположных концах поля стояло по три золотых шеста с прикрепленными сверху кольцами. Шесты с кольцами напомнили Гарри пластмассовые палочки, с помощью которых дети маглов надувают мыльные пузыри. Только эти шесты были высотой по двадцать метров.

Гарри так сильно захотелось снова оказаться в воздухе, что он, не став дожидаться Вуда, оседлал метлу, оттолкнулся и взмыл в небо. Это было ни с чем не сравнимое чувство. Для начала Гарри спикировал в одно из колец, поднялся вверх через другое, а потом стал носиться взад и вперед над полем. Метла «Нимбус-2000» молниеносно реагировала на малейшее

движение Гарри, делая в точности то, чего он хотел.

— Эй, Поттер, спускайся!

На стадионе появился Оливер Вуд с большим деревянным футляром под мышкой. Гарри приземлился рядом с ним.

— Прекрасно, — закивал Вуд. Глаза его горели. — Теперь я понимаю, что имела в виду профессор МакГонагалл... Ты действительно словно родился в воздухе. Сегодня я просто объясню тебе правила, а затем ты начнешь тренироваться вместе со сборной. Мы собираемся три раза в неделю.

Он открыл футляр. Внутри лежали четыре мяча разных размеров.

— Отлично, — подытожил Вуд. — Итак, правила игры в квиддич достаточно легко запомнить, хотя играть в него не слишком просто. С каждой стороны выступает по семь игроков. Три из них — охотники.

— Охотников трое, — повторил Гарри, глядя, как Вуд достает ярко-красный мяч, по размерам напоминающий мяч для игры в футбол.

— Этот мяч называется квоффл, — пояснил Вуд. — Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в одно из колец соперника. За каждое попадание — десять очков. Понял?

— Охотники передают друг другу этот мяч и пытаются забросить его в кольцо, — повторил Гарри. — Значит, квиддич — это нечто вроде баскетбола на метлах и с шестью кольцами?

— А что такое баскетбол? — с любопытством спросил Вуд.

— Да так, ничего особенного, — быстро произнес Гарри.

— Затем, у каждой команды есть вратарь, — продолжил Вуд. — Я — вратарь команды Гриффиндора. Я должен летать около наших колец и мешать сопернику забросить в них мяч.

— Три охотника, один вратарь, — четко подытожил Гарри, который не собирался упускать ничего из того, что ему рассказывает Вуд. — И они играют мячом, который называется квоффл. Все ясно, я понял. А эти зачем?

Гарри кивнул на три мяча, оставшихся лежать в футляре.

— Сейчас покажу, — пообещал Вуд. — Возьми это.

Он протянул Гарри небольшую битку, немного напоминающую ту, которой играют в крикет.

— Сейчас ты увидишь, что делают на поле загонщики, — пояснил он. — Кстати, эти два мяча называются бладжеры.

Вуд говорил о двух мячах иссиня-черного цвета — по размерам они чуть уступали квоффлу.

Мячи лежали в футляре в специальных углублениях и были прихвачены эластичными лентами — наверное, чтобы не выпали из своих гнезд при транспортировке. Гарри показалось, что сейчас мячи пытаются подпрыгивать, растягивая держащие их ленты.

— Отойди, — предупредил Вуд. Он встал на колени сбоку от ящика и сдвинул резинку с одного из мячей.

В ту же секунду черный мяч взлетел высоко в небо, а потом ринулся вниз, похоже, целясь прямо в голову Гарри. Гарри взмахнул битой — ему совсем не хотелось, чтобы мяч сломал ему нос, — и сильным ударом послал его вверх. Мяч со свистом взмыл в небо, а потом обрушился на Вуда. Тот, дождавшись, пока стремительно падающий с небес мяч окажется совсем близко, в хитроумном прыжке умудрился накрыть мяч сверху и прижать его к земле.

— Видишь? — выдохнул Вуд и с трудом засунул сопротивляющийся мяч обратно в футляр и закрепил его эластичными лентами. — Бладжеры на огромной скорости летают по полю, пытаясь сбить игроков с метел. Поэтому в каждой команде есть два загонщика. В нашей команде это близнецы Уизли. Их задача заключается в том, чтобы защитить всех нас от бладжеров и попытаться отбить их так, чтобы они полетели в игроков противоположной команды. Таким образом... Ты точно все запомнил?

— Трое охотников пытаются забросить мяч в кольца, вратарь охраняет эти кольца, загонщики отбивают бладжеры, — без запинки выпалил Гарри.

— Отлично, — похвалил Вуд.

— Э-э-э... — начал Гарри, надеясь, что его вопрос прозвучит так, словно задан как бы между прочим. — А бладжеры еще никого не убили?

— В Хогвартсе — нет, — не слишком обнадеживающе ответил Вуд. — Пару раз случалось, что бладжер ломал игроку челюсть, но не более того. А теперь пойдем дальше. Последний член команды — ловец. То есть ты. И тебе не надо беспокоиться ни о квоффле, ни о бладжерах...

— Пока они не пробьют мне голову, — не удержался Гарри.

— Успокойся, Уизли прекрасно справляются со своей задачей — они сами как бладжеры, только в человеческом обличье.

Вуд запустил руку в футляр и вытащил последний, четвертый мяч. По сравнению с предыдущими он был совсем крошечный, размером с большой грецкий орех. Он был ярко-золотого цвета, по бокам у него были трепещущие серебряные крылышки.

— А это, — сказал Вуд, — это золотой снитч, самый главный мяч в игре. Его очень тяжело поймать, потому что он летает с огромной скоростью, и его сложно заметить. Как раз ловец и должен его ловить. Тебе нужно постоянно перемещаться по полю, чтобы поймать его, прежде чем это сделает ловец другой команды. Команда, поймавшая снитч, сразу получает дополнительные сто пятьдесят очков — а это практически равносильно победе. Именно поэтому против ловцов часто применяют запрещенные приемы. Матч заканчивается только тогда, когда одна из команд поймает снитч, так что он может тянуться веками. Кажется, самая долгая игра продолжалась три месяца. А так как команды играли без перерыва, то игроков приходилось постоянно заменять, чтобы те могли хоть немного поспать. Ну, есть вопросы?

Гарри покачал головой. Он отлично понял, что должен делать на поле. Проблема заключалась лишь в том, как это делать.

— Со снитчем мы пока практиковаться не будем. — Вуд аккуратно положил золотой мячик обратно в футляр. — Уже слишком темно, мы можем его потерять. Давай попробуем вот с этим.

Он вытащил из кармана несколько мячиков для обычного гольфа. Уже через несколько минут мальчики поднялись в воздух. Вуд начал кидать мяч за мячом, посылая их с максимальной силой и в самых разных направлениях, чтобы Гарри учился их ловить.

Гарри поймал все мячи до единого, и Вуд был в восторге. После получасовой тренировки стало совсем темно, и они уже не могли продолжать.

— В этом году на Кубке школы по квиддичу выиграют название нашей команды, — со счастливой улыбкой произнес Вуд, когда они устало тащились в сторону замка. — Наш предыдущий ловец, Чарли Уизли, мог бы сейчас играть за сборную Англии, если бы не уехал изучать своих любимых драконов. Но я не удивлюсь, если ты окажешься лучшим игроком, чем он.

Наверное, именно из-за постоянной занятости — уроки, домашние задания, а плюс ко всему три тренировки в неделю — Гарри не заметил, как пролетели целых два месяца с тех пор, как он приехал в Хогвартс.

За два месяца замок стал его настоящим домом. А дому номер четыре по Тисовой улице так и не удалось этого добиться за десять лет. В Хогвартсе он чувствовал себя уютно, здесь у него появились друзья. К тому же здесь было ужасно интересно, в том числе и на уроках, которые стали куда увлекательнее с тех пор, как первокурсники освоили азы и приступили к изучению более сложной программы.

Проснувшись утром в канун Хэллоуина, ребята почувствовали восхитительный запах запеченной тыквы — неопременного атрибута этого праздника. А потом на уроке по заклятиям профессор Флитвик объявил, что, на его взгляд, они готовы приступить к тому, о чем давно мечтал Гарри. С тех пор как профессор Флитвик заставил жабу Невилла несколько раз облететь класс, Гарри, как и все остальные, умирал от нетерпения овладеть этим искусством. Профессор Флитвик разбил всех учеников на пары. Партнером Гарри оказался Симус

Финниган, чему Гарри ужасно обрадовался, — он видел, с какой надеждой смотрит на него Невилл, пытающийся привлечь к себе его внимание. А вот Рону не повезло — ему в напарники досталась Гермиона Грэйнджер. Хотя Гермиона, кажется, тоже не была в восторге. Сложно даже было сказать, кто из них выглядел более раздосадованным. Гермиона ни разу не заговорила с Гарри и Роном с того самого дня, когда Гарри получил метлу.

— Не забудьте те движения кистью, которые мы с вами отрабатывали, — попискивал профессор Флитвик — Кисть вращается легко, и резко, и со свистом. Запомните — легко, и резко, и со свистом. И очень важно правильно произносить магические слова — не забывайте о волшебнике Баруфффио. Он произнес «эс» вместо «эф» и в результате обнаружил, что лежит на полу, а у него на груди стоит буйвол.

Достичь результата оказалось непросто. Гарри делал все так, как учил профессор Флитвик, но перо, которое они с Симусом по очереди пытались поднять в воздух, не отрывалось от парты. Нетерпеливый Симус быстро вышел из себя и начал тыкать перо своей волшебной палочкой, из которой вылетали искры. В итоге он умудрился поджечь его — Гарри пришлось тушить перо своей остроконечной шляпой.

Рону, стоявшему за соседним столом, тоже не слишком везло.

— *Вингардиум Левиоса!* — кричал он, размахивая своими длинными руками, как ветряная мельница. Но лежавшее перед ним перо оставалось неподвижным.

— Ты неправильно произносишь заклинание, — донесся до Гарри недовольный голос Гермионы. — Надо произносить так: Винг-гар-диум Леви-о-са, в слове «гар» должна быть длинная «а».

— Если ты такая умная, сама и попробуй, — прорычал в ответ Рон.

Гермиона закатала рукава своей мантии, взмахнула палочкой и произнесла заклинание. Перо оторвалось от парты и зависло над Гермионой на высоте примерно полутора метров.

— О, великолепно! — зааплодировал профессор Флитвик. — Все видели: мисс Грэйнджер удалось!

К концу занятий Рон был в очень плохом расположении духа.

— Неудивительно, что ее никто не выносит, — пробурчал он, когда они пытались пробиться сквозь заполнившую коридор толпу школьников. — Если честно, она — настоящий кошмар.

Наконец они выбрались из толпы. Но в этот момент кто-то врезался в Гарри сбоку, видимо не заметив его. Это была Гермиона. Она тут же метнулась обратно в толпу, но Гарри успел разглядеть ее заплаканное лицо, и это его встревожило.

— По-моему, она услышала, что ты сказал, — озабоченно произнес он, повернувшись к Рону.

— Ну и что? — отмахнулся Рон, но, кажется, ему стало немного неудобно. — Она уже должна была заметить, что никто не хочет с ней дружить.

Гермиона не появилась на следующем уроке и до самого вечера никто вообще не знал, где она. Лишь спускаясь в Большой зал на банкет, посвященный Хэллоуину, Гарри и Рон случайно услышали, как Парвати Патил рассказывала своей подруге Лаванде, что Гермиона плачет в женском туалете и никак не успокаивается, прося оставить ее в покое. Судя по виду, Рону стало совсем не по себе. Но уже через несколько мгновений, когда они вошли в празднично украшенный Большой зал, Рон и думать забыл о Гермионе.

На стенах и потолке сидели, помахивая крыльями, тысячи летучих мышей, а еще несколько тысяч летали над столами, подобно низко опустившимся черным тучам. От этого огоньки воткнутых в тиквы свечей трепетали. Как и на банкете по случаю начала учебного года, на столах стояли пустые золотые блюда, на которых вдруг внезапно появились самые разнообразные яства.

Гарри накладывал себе в тарелку запеченные в мундире картофелины, когда в зал вбежал профессор Квиррелл. Его тюрбан сбился набок, а на лице читался страх. Все собравшиеся замерли, глядя, как Квиррелл подбежал к креслу профессора Дамблдора и, тяжело опираясь на стол, простонал:

— Троль! Троль... в подземелье... спешил вам сообщить...

И Квиррелл, потеряв сознание, рухнул на пол.

В зале поднялась суматоха. Понадобилось несколько громко взорвавшихся фиолетовых фейерверков, вылетевших из волшебной палочки профессора Дамблдора, чтобы снова воцарилась тишина.

— Старосты! — прогреготал Дамблдор. — Немедленно уводите свои факультеты в спальни!

Перси тут же вскочил из-за стола, явно чувствуя себя в своей стихии.

— Быстро за мной! — скомандовал он. — Первокурсники, держитесь вместе! Если будете слушать меня, ничего страшного не случится! Пропустите первокурсников, пусть подойдут ко мне! Никому не отставать! И всем выполнять мои приказы — я здесь староста!

— Как мог тролль пробраться в замок? — спросил Гарри у Рона, когда они быстро поднимались по лестнице.

— Не спрашивай меня, откуда я знаю? — пожал плечами Рон. — Вообще-то это странно — говорят, что тролли ужасно глупые. Может, его впустил Пивз, решил так пошутить перед Хэллоуином?

Судя по оживленному движению на лестницах, эвакуация шла полным ходом. Только ученики из Пуффендуя оправдывали репутацию своего факультета: они потерянно столпились в одном из коридоров и мешали пройти остальным. Гарри и Рон прокладывали себе дорогу сквозь толпу, когда Гарри вдруг схватил Рона за рукав.

— Я только что вспомнил: Гермиона!

— А что Гермиона? — не понял Рон.

— Она не знает про тролля.

Рон прикусил губу

— Ладно, — отрывисто произнес он через несколько секунд, которые, судя по всему, понадобились ему на то, чтобы призвать на помощь все свое мужество. — Но если Перси нас заметит...

Пригнувшись, они влезли в самую середину группы школьников из Пуффендуя, которые наконец двинулись к своей башне — то есть в противоположном направлении. Никто не обратил на них внимания, и через какое-то время они вынырнули из толпы, быстро пробежали по опустевшему боковому проходу и устремились к женским туалетам. До цели было подать рукой. Они уже сворачивали за угол, когда сзади послышались быстрые шаги.

— Это Перси! — прошипел Рон, хватая Гарри и прячась вместе с ним за большим каменным грифоном.

Однако мимо них пробежал вовсе не Перси, а профессор Снегг. Он пересек коридор и пропал из вида.

— Что это он тут делает? — прошептал Гарри. — Почему он не в подвалах вместе с другими учителями?

— Думаешь, я знаю?

Они на цыпочках вошли в следующий коридор — как раз туда, где скрылся Снегг, удаляющиеся шаги которого они отчетливо слышали.

— Он направляется на третий этаж, — начал было Гарри, но Рон поднял руку.

— Чувствуешь запах?

Гарри принюхался и сморщил нос. В воздухе пахло смесью грязных носков и общественного туалета, в котором много лет никто не убирался.

Вслед за запахом появился звук — низкий рев и шарканье гигантских подошв. Рон указал рукой в конец коридора — оттуда что-то огромное двигалось в их направлении. Они отпрянули в тень, наблюдая, как ЭТО выходит на освещенный лунной отрезок коридора.

Это было нечто ужасное примерно четырех метров ростом, с тусклой гранитно-серой кожей,

бугристым телом, напоминающим валун, и крошечной лысой головой, больше похожей на кокосовый орех. У тролля были короткие ноги толщиной с дерево и плоские мозолистые ступни. Руки у него были намного длиннее ног, и потому гигантская дубина, которую тролль держал в руке, волочилась за ним по полу, а исходящий от него запах мог сразить лучше любой дубины.

Тролль остановился, застыл у дверного проема и, нагнувшись, заглянул внутрь. Он зашевелил длинными ушами, кажется пытаясь принять какое-то решение. Процесс затянулся, потому что мозг у тролля, если судить по размерам головы, был крошечный. Однако в конце концов решение было принято — и тролль, сгорбившись, пролез в комнату.

— Смотри — ключ остался в замке, — прошептал Гарри, — мы можем запереть его там.

— Неплохая идея, — нервно ответил Рон.

Когда они крались к двери, у Гарри все пересохло во рту, да и у Рона, наверное, тоже. Моля небо о том, чтобы тролль не вышел из комнаты, они подкрались совсем близко. А потом Гарри метнулся вперед, захлопнул дверь и повернул в замке ключ.

— Есть!

Окрыленные успехом, покрасневшие от гордости, они направились туда, откуда пришли, но не успели добежать до угла, как до них донесся отчаянный вопль ужаса. И исходил он из той комнаты, которую Гарри запер несколько секунд назад.

— О, нет, — тихо произнес Рон, бледнея, как Кровавый Барон.

— Это же женский туалет! — выдохнул Гарри.

— Гермиона! — через мгновение воскликнули оба.

Меньше всего на свете им хотелось совершить то, что им предстояло, но разве у них был выбор? Резко развернувшись, они рванулись обратно к двери. Руки у Гарри дрожали от страха, и он никак не мог повернуть ключ в замке. Наконец ему это удалось. Он потянул на себя дверь, и они с Роном влетели внутрь.

Гермиона Грэйнджер стояла у стены прямо напротив двери. Она вся сжалась, словно пыталась, подобно привидению, просочиться сквозь стену. Вид у нее был такой, словно она сейчас потеряет сознание. Тролль приближался к ней, размахивая дубиной и сбивая со стен прикрепленные к ним раковины.

— Отвлеки его! — крикнул Гарри Рону, услышав в собственном голосе отчаяние. Он схватил валявшуюся на полу затычку для умывальника и что есть силы метнул ее в стену.

Тролль замер в каком-то метре от Гермионы. Он неуклюже развернулся, чтобы посмотреть, кто произвел такой шум. Его маленькие злые глаза уткнулись в Гарри. Тролль заколебался, решая, на кого ему напасть, а потом шагнул к Гарри, поднимая свою дубину.

— Эй, пустая башка! — заорал Рон, успевший добежать до угла туалетной комнаты, и швырнул в тролля куском металлической трубы.

Кажется, тролль даже не обратил внимания на то, что кусок железа ударил его в плечо. Зато он услышал крик и снова остановился, поворачивая свою уродливую физиономию к Рону и предоставляя Гарри возможность оббежать его и оказаться рядом с Гермионой.

— Давай, бежим! Бежим! — кричал Гарри, пытаясь тянуть Гермиону за собой к двери. Но она не двигалась и не поддавалась, словно приросла к стене. Рот ее был открыт от ужаса.

Крики Гарри и разносящееся по комнате эхо, рикошетом отлетающее от стен, привели тролля в еще большее замешательство. Он явно растерялся, когда перед ним оказалось так много целей, и не знал, что ему делать. Вдруг тролль заревел и шагнул к Рону: тот был ближе всех к нему и ему некуда было бежать.

И тут Гарри совершил очень отважный и одновременно очень глупый поступок — он разбежался и прыгнул на тролля сзади, умудрившись вцепиться в его шею и обхватить ее сзади обеими руками. Тролль, с учетом его размеров, разумеется, не мог почувствовать, что на нем повис маленький худенький Гарри, но даже тролль не мог не заметить, что ему в нос суют длинный кусок дерева. В момент прыжка Гарри держал в руках палочку, которую зачем-то вытащил, влетев в комнату. Он явно сделал это подсознательно, ведь ему, первокурснику,

палочка никак не могла помочь в борьбе с троллем. Но оказалось, что Гарри вытащил ее не зря, и когда он в прыжке вцепился в шею тролля, обхватив ее сзади обеими руками, зажатая в правой руке палочка воткнулась троллю глубоко в ноздрю.

Завывая от боли, тролль завертелся и замахал дубиной, а Гарри висел на нем, что есть силы цепляясь за шею. В любую секунду тролль мог сбросить его на пол или расплющить ударом дубины.

Гермиона, от ужаса почти теряющая сознание, осела на пол. А Рон выхватил свою волшебную палочку, совершенно не представляя, что собирается делать, и выкрикнул первое, что пришло в голову:

— *Вингардиум Левиоса!*

Внезапно дубина вырвалась из руки тролля, поднялась в воздух и зависла на мгновение, потом медленно перевернулась и с ужасным треском обрушилась на голову своего владельца. Тролль зашатался и упал ничком, ударившись об пол с такой силой, что стены комнаты задрожали.

Гарри поднялся на ноги. Его колотило, и он никак не мог перевести дух. Рон застыл на месте с поднятой палочкой, непонимающе глядя на результат своего труда.

— Он... он мертв? — первой нарушила тишину Гермиона.

— Не думаю, — ответил Гарри, обретя дар речи вторым. — Я полагаю, он просто в нокауте.

Гарри нагнулся и вытащил из носа тролля свою волшебную палочку. Она вся была покрыта чем-то похожим на засохший серый клей.

— Фу, ну и мерзкие у него сопли.

Гарри вытер палочку о штаны тролля.

Хлопанье дверей и громкие шаги заставили всех троих поднять головы. Они даже не отдавали себе отчета в том, какой шум они тут подняли. Кто-то внизу, должно быть, услышал тяжелые удары и рев тролля, и мгновение спустя в комнату ворвалась профессор МакГонагалл, за ней профессор Снегг, а за ними профессор Квиррелл. Квиррелл взглянул на тролля, тихо заскулил и тут же плюхнулся на пол, схватившись за сердце.

Снегг нагнулся над троллем, а профессор МакГонагалл сверлила взглядом Гарри и Рона. Гарри никогда не видел ее настолько разозленной. У нее даже губы побелели. Гарри надеялся, что за победу над троллем им дадут пятьдесят призовых очков, но сейчас приятная мысль быстро улетучилась из его головы.

— О чем, позвольте вас спросить, вы думали? — В голосе профессора МакГонагалл была холодная ярость. Гарри покосился на Рона, который не двигался с места и все еще держал в поднятой руке волшебную палочку. — Вам просто повезло, что вы остались живы. Почему вы не в спальне?

Снегг скользнул по лицу Гарри острым как нож взглядом. Гарри уставился в пол. Ему почему-то очень хотелось, чтобы Рон наконец опустил свою палочку.

И вдруг из тени донесся слабый голос.

— Профессор МакГонагалл, они оказались здесь, потому что искали меня.

— Мисс Грэйнджер!

Гермионе каким-то чудом удалось встать на ноги.

— Я пошла искать тролля, потому что... Потому что я подумала, что сама смогу с ним справиться... Потому что я прочитала о троллях все, что есть в библиотеке, и всё о них знаю...

Рон от неожиданности уронил палочку. Гарри его понимал. Кто бы мог поверить, что Гермиона Грэйнджер — подумать только, Гермиона Грэйнджер — врет в лицо преподавателю?! Даже если бы Гарри не знал, кто такая Гермиона, ему бы все равно не пришло в голову, что она может врать, — настолько правдиво звучал ее голос.

— Если бы они меня не нашли, я была бы уже мертва, — продолжила Гермиона. — Гарри прыгнул ему на шею и засунул в ноздрю палочку, а Рон заколдовал его дубину и отправил его

в нокаут. У них просто не было времени, чтобы позвать кого-нибудь из профессоров. Когда они появились, тролль уже собирался меня прикончить.

Гарри и Рон пытались придать своим лицам такое выражение, словно эта история их совсем не удивила — словно все произошло именно так, как описывала Гермиона.

— Ну что ж, в таком случае... — задумчиво произнесла профессор МакГонагалл, оглядев всех троих. — Мисс Грэйнджер, глупая вы девочка, как вам могло прийти в голову, что вы сами сможете усмирить горного тролля?!

Гермиона опустила голову. А Гарри был настолько поражен, что, кажется, снова утратил дар речи. Уж кто-кто, а Гермиона никогда бы не нарушила школьные правила, но сейчас она представила все так, словно сознательно пошла на серьезное нарушение. И все это для того, чтобы вытащить их с Роном из беды. Это было так же неожиданно, как если бы Снег начал раздавать школьникам сладости.

— Мисс Грэйнджер, по вашей вине на счет Гриффиндора записываются пять штрафных очков! — сухо произнесла профессор МакГонагалл. — Я была о вас очень высокого мнения и весьма разочарована вашим проступком. Если с вами все в порядке, вам лучше вернуться в башню Гриффиндора. Все факультеты заканчивают прерванный банкет в своих гостиных.

Гермиона вышла из комнаты. Профессор МакГонагалл повернулась к Гарри и Рону.

— Что ж, даже выслушав историю, рассказанную мисс Грэйнджер, я все еще утверждаю, что вам просто повезло. Но тем не менее далеко не каждый первокурсник способен справиться со взрослым горным троллем. Каждый из вас получает по пять призовых очков. Я проинформирую профессора Дамблдора о случившемся. Вы можете идти.

Они поспешно вышли из туалета и не произнесли ни слова до тех пор, пока не поднялись на два этажа и наконец вздохнули с облегчением. Было очень приятно оказаться вдали от тролля, его запаха, да и всего связанного с этой историей.

— Могла бы дать нам больше чем десять очков, — проворчал Рон.

— Ты хотел сказать — пять, — поправил его Гарри. — Не забывай, что она на пять очков наказала Гермиону.

— Она молодец, что вытащила нас из беды, — признал Рон. — Хотя мы ведь на самом деле ее спасли.

— Возможно, нам не пришлось бы ее спасать, если бы мы не заперли тролля в туалете, — напомнил Гарри.

Они подошли к портрету Толстой Леди.

— Свиной пятачок, — в один голос произнесли они и влезли внутрь.

Внутри былолюдно и шумно. Все дружно компенсировали упущенное на банкете, поглощая принесенную наверх еду. Все, кроме Гермионы, стоявшей в стороне и поджидавшей их. Гарри и Рон подошли к ней и замерли, не зная, что сказать. А затем вдруг каждый из них произнес: «Спасибо». И они поспешили к столу.

С этого момента Гермиона Грэйнджер стала их другом. Есть события, пережив которые, нельзя не проникнуться друг к другу симпатией. И победа над четырехметровым горным троллем, несомненно, относится к таким событиям.

Глава 11

КВИДДИЧ

В начале ноября погода сильно испортилась. Расположенные вокруг замка горы сменили зеленый цвет на серый, озеро стало напоминать заледеневшую сталь, а земля каждое утро белела инеем. Из окон башни Гарри несколько раз видел, как Хагрид размораживал метлы на площадке для обучения полетам. Хагрид был одет в длинную кротовую шубу, огромные ботинки, утепленные бобровым мехом, и варежки из кроличьей шерсти.

В школе начались соревнования по квиддичу. В субботу Гарри впервые предстояло выйти на поле после нескольких недель регулярных и тяжелых тренировок. Сборная Гриффиндора встречалась со сборной Слизерина. В случае победы сборная Гриффиндора выходила на второе место в школьном чемпионате.

Практически никто не видел, как Гарри играет в квиддич, — так решил Вуд, заявивший, что Гарри является секретным оружием команды, а значит, и его мастерство надо держать в секрете. Но известие о том, что Гарри стал ловцом в команде Гриффиндора, каким-то образом все же просочилось за пределы сборной. И теперь Гарри не знал, что хуже, — одни уверяли его, что он будет великолепным игроком, а другие с издевкой обещали бегать по полю с матрасом, чтобы поймать Гарри, когда тот будет падать.

Гарри по-настоящему повезло, что Гермиона стала его другом. Если бы не она, ему не удалось бы выполнять все домашние задания, потому что Вуд постоянно устраивал дополнительные тренировки, оповещая о них в самый последний момент. И, кстати, именно Гермиона дала ему почитать «Историю квиддича», которая оказалась очень интересной.

Из нее Гарри узнал, что в квиддиче правила можно нарушить семью сотнями разных способов — и все эти семьсот видов нарушений были отмечены во время матча за звание чемпиона мира в 1473 году. Он также узнал, что ловцами становятся самые маленькие и быстрые игроки и что большинство серьезных инцидентов во время матчей связано именно с ловцами. И еще он узнал, что, хотя несчастные случаи со смертельным исходом на поле случались очень редко, известны ситуации, когда посреди матча исчезали рефери, а много месяцев спустя их находили в пустыне Сахара.

С тех пор как Гарри и Рон спасли Гермиону от горного тролля, она стала куда спокойнее относиться к нарушениям школьной дисциплины, и общаться с ней стало гораздо приятнее. За день до первого матча с участием Гарри они втроем вышли на перемене в замерзший двор. И там Гермиона продемонстрировала им свое мастерство — она достала из кармана стеклянную банку из-под джема, поставила ее на землю, что-то произнесла, взмахнула палочкой, и в банке вдруг вспыхнуло яркое синее пламя. Самое интересное, что банку с огнем можно было спокойно переносить с места на место и даже класть в карман — синее пламя согревало, но не обжигало, а стекло банки оставалось холодным.

Они грелись вокруг банки, повернувшись к огню спинами, и вдруг во дворе появился Снегг. Гарри сразу заметил, что профессор сильно хромает. Гарри, Рон и Гермиона поплотнее сгруппировались вокруг огня, чтобы Снегг не заметил его. Они не сомневались, что разводить во дворе огонь запрещено. Снегг не увидел огонь, зато, взглянув на их виноватые лица, нашел другой повод для придирки. А Гарри не сомневался, что Снегг его искал, и старательно.

— Что это там у вас, Поттер? — сухо спросил Снегг, подойдя к ним поближе.

Гарри держал в руках «Историю квиддича» и показал книгу профессору.

— Библиотечные книги запрещено выносить из здания школы, — проинформировал его Снегг. — Отдайте мне книгу. За ваш проступок вы получаете пять штрафных очков.

— Он только что придумал это правило, — сердито пробормотал Гарри, глядя вслед хромящему Снеггу. — Интересно, что у него с ногой?

— Не знаю, но надеюсь, что ему действительно больно, — мстительно произнес Рон.

Тем вечером в Общей гостиной Гриффиндора было особенно шумно. Гарри, Рон и Гермиона сидели у окна — Гермиона проверяла их домашние задания по заклинаниям. Она никогда не давала им списывать, — «Как же вы тогда чему-нибудь научитесь?» — но зато согласилась проверять их домашние работы, и таким образом они все равно узнавали от нее правильные ответы.

Гарри трясло от волнения. И он очень жалел, что Снегг не вернул ему «Историю квиддича», — книга помогла бы ему расслабиться накануне его первого матча. Гарри спросил себя, почему, собственно, он должен бояться профессора Снегга? И, не найдя ответа, решительно встал, сообщив Рону и Гермионе, что пойдет искать Снегга и попросит вернуть книгу.

— Лучше я, чем ты, — одновременно выпалили Рон и Гермиона, но Гарри покачал головой. Ему только что пришла в голову блестящая идея, заключающаяся в том, что Снегг не откажет ему, если он обратится к профессору в присутствии других учителей.

Он спустился вниз к учительской и постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал еще раз. Снова тишина.

Гарри вдруг подумал, что, скорее всего, Снегг оставил книгу именно здесь. В другой ситуации он бы развернулся и ушел, но сейчас книга была ему нужна позарез, чтобы успокоиться перед завтрашней игрой. Так что риск был оправдан. Гарри приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Его глазам предстала ужасная картина.

В учительской были только Снегг и Филч. Снегг сидел, подпернув свою длинную мантию выше колен. Одна нога его была сильно изуродована и залита кровью. Справа от Снегга стоял Филч, протягивающий ему бинт.

— Проклятая тварь, — произнес Снегг. — Хотел бы я знать, сможет ли кто-нибудь следить одновременно за всеми тремя головами и пастями и избежать того, чтобы одна из них его не цапнула?

Гарри медленно попятился, закрывая за собой дверь, но...

— ПОТТЕР!

Лицо Снегга исказилось от ярости, и он быстро отпустил край мантии. Профессор явно не хотел, чтобы Гарри увидел его покалеченную ногу. Гарри судорожно сглотнул воздух.

— Я просто хотел узнать, не могу ли я получить обратно свою книгу.

— ВОН ОТСЮДА! НЕМЕДЛЕННО ВОН!

Гарри выскочил из учительской, прежде чем Снегг успел крикнуть что-либо насчет очередных штрафных очков. И понесся обратно в башню, перепрыгивая через две ступеньки.

— Удалось? — поинтересовался Рон, глядя на появившегося в комнате Гарри. — Эй, что с тобой?

Шепотом Гарри рассказал им обо всем, что увидел.

— Поняли, что все это значит? — выдохнул он, закончив рассказ. — Он пытался пройти мимо того трехголового пса, и это случилось в Хэллоуин! Мы с Роном искали тебя, чтобы предупредить насчет тролля, и увидели его в коридоре — он направлялся именно туда! Он охотится за тем, что охраняет пес! И готов поспорить на свою метлу, что это он впустил в замок тролля, чтобы отвлечь внимание и посеять панику, а самому спокойно похитить то, за чем он охотится!

Гермиона посмотрела на него округлившимися глазами.

— Нет, это невозможно, — возразила она. — Я знаю, что он не очень приятный человек, но он не стал бы пытаться украсть то, что прячет в замке Дамблдор.

— Честное слово, Гермиона, тебя послушать, так все преподаватели просто святые, — горячо возразил Рон. — Лично я согласен с Гарри. Снегг может быть замешан в чем угодно. Но за чем именно он охотится? Что охраняет этот пес?

Когда Гарри оказался в постели, голова у него шла кругом от тех же самых вопросов. Рядом громко храпел Невилл. Но и без этого звукового сопровождения Гарри вряд ли смог бы заснуть. Он пытался очистить голову от мыслей — он должен был выспаться, просто обязан, ведь через несколько часов ему предстояло впервые в жизни выйти на поле. Но не так-то легко было забыть выражение лица Снегга, когда тот понял, что Гарри увидел его изуродованную ногу.

Следующее утро выдалось холодным, но солнечным. Большой зал был наполнен восхитительным запахом жареных сосисок и радостной болтовней — все предвкушали

захватывающее зрелище.

— Тебе надо хоть что-нибудь съесть, — озабоченно заметила Гермиона, увидев, что Гарри сидит перед пустой тарелкой.

— Я ничего не хочу, — отрезал Гарри.

— Хотя бы один ломтик поджаренного хлеба, — настаивала она.

— Я не голоден, — решительно ответил Гарри, для пущей убедительности энергично помотав головой.

Он чувствовал себя ужасно. Ведь до его выхода на поле оставался всего час.

— Гарри, тебе надо набраться сил, — пришел на помощь Гермионе Симус Финниган. — Против ловцов всегда играют грубее, чем против всех остальных.

— Спасибо, Симус, — с горькой иронией поблагодарил Гарри, глядя, как Финниган поливает сосиски кетчупом.

К одиннадцати часам стадион был забит битком — казалось, здесь собралась вся школа. У многих в руках были бинокли. Трибуны были расположены высоко над землей, но тем не менее порой с них сложно было разглядеть то, что происходит в небе.

Рон, Гермиона, Невилл, Симус и поклонник футбольного клуба «Вест Хэм» Дин уселись на самом верхнем ряду. Чтобы сделать Гарри приятный сюрприз, они развернули огромное знамя, сделанное из той простыни Рона, которую изуродовала Короста. «Поттера в президенты» — было написано на знамени. А Дин, который умел хорошо рисовать, изобразил на знамени огромного льва, эмблему факультета Гриффиндор. Когда они развернули полотнище, Гермиона что-то прошептала себе под нос, и буквы и рисунок начали переливаться разными цветами.

Тем временем Гарри сидел в раздевалке вместе с остальными членами команды, натягивая на себя длинную красную спортивную мантию. Сборная Слизерина должна была выйти на поле в зеленой форме.

Вуд прокашлялся, призывая всех соблюдать тишину и привлекая к себе внимание.

— Итак, господа, — произнес он.

— И дамы, — добавила Анджелина Джонсон, охотник сборной.

— И дамы, — согласился Вуд. — Итак, пришел наш час.

— Великий час, — вставил Фред Уизли.

— Час, которого мы все давно ждали, — продолжил Джордж.

— Оливер всегда произносит одну и ту же речь, — шепнул Фред, повернувшись к Гарри. — В прошлом году мы тоже были в сборной, так что успели выучить её наизусть.

— Да замолчите вы, — оборвал его Вуд. — Такой сильной сборной, как сейчас, у нас не было много лет. Мы выиграем. Я это знаю.

Он обвел свирепым взглядом всех собравшихся, словно хотел добавить что-то угрожающее, чтобы все усвоили, что будет с ними в случае поражения.

— Отлично, — закончил Вуд, видимо убедившись, что никто не думает о проигрыше. — Пора. Всем удачи.

Гарри вышел из раздевалки вслед за Фредом и Джорджем. От волнения у него подгибались колени. Он надеялся, что, шагнув на поле под громкие аплодисменты, не упадет на глазах у всех собравшихся.

Судила матч мадам Трюк. Она стояла в центре поля, держа в руках метлу и ожидая, пока команды выстроятся друг напротив друга.

— Итак, нам нужна красивая и честная игра. От всех и каждого из вас, — заявила она, жестом приказав всем подойти поближе.

Гарри показалось, что она обращается не ко всем игрокам, но лично к капитану сборной Слизерин, шестикурснику Маркусу Флинту. Гарри подумал, что Флинт выглядит так, словно в его родне были тролли. А потом заметил развернутое на трибуне знамя — «Поттера в президенты». Его сердце екнуло в груди. Гарри ощутил, как к нему возвращается смелость.

— Пожалуйста, оседлайте свои метлы.

Гарри вскарабкался на свой «Нимбус-2000».

Мадам Трюк с силой дунула в серебряный свисток и взмыла высоко в воздух вместе с четырнадцатью игроками. Матч начался.

— ...И вот квоффл оказывается в руках у Анджелины Джонсон из Гриффиндора. Эта девушка — великолепный охотник, и, кстати, она, помимо всего прочего, весьма привлекательна...

— ДЖОРДАН! — повысила голос профессор МакГонагалл, специально севшая рядом с комментатором матча Ли Джорданом, приятелем близнецов Уизли. Она прекрасно знала, что Джордана частенько заносит, а потому решила его контролировать.

— Извините, профессор, — поправился тот. — Итак, Анджелина совершает отличный маневр, обводит соперников, точный пас Алисии Спиннет — это находка Оливера Вуда, в прошлом году она была лишь запасной, — снова пас на Джонсон и... Нет, мяч перехватила команда Слизерина. Он у капитана сборной Маркуса Флинта, который делает рывок вперед. Флинт взмывает в небо, как орел, сейчас он забросит мяч... Нет, в фантастическом прыжке мяч перехватывает вратарь Вуд, и Гриффиндор начинает контратаку. С мячом охотник Кэти Белл, она великолепно обводит Флинта справа, взмывает над полем и... О, какое невезение... наверное, это очень больно, получить удар бладжером по затылку. Мяч у команды Слизерина, Эдриан Пьюси летит к воротам соперника, но его останавливает второй бладжер... кажется, мяч в Пьюси послал Фред Уизли, хотя, возможно, это был Джордж, ведь их так непросто различить... В любом случае, загонщики Гриффиндор проявили себя с лучшей стороны. Мяч в руках у Джонсон, перед ней никого нет, и она устремляется вперед... Вот это полет!.. Она уклоняется от набравшего скорость бладжера... она прямо перед воротами... давай, Анджелина!.. Вратарь Блетчли совершает бросок... промахивается... ГОЛ! Гриффиндор открывает счет!

Аплодисменты болельщиков сборной Гриффиндор и стоны и вой поклонников Слизерин заполнили холодный воздух, своими эмоциями повышая его температуру.

— Эй вы, там, наверху, подвиньтесь! — донеслось до Рона и Гермионы.

— Хагрид!

Рон и Гермиона потеснились, пододвигая своих однокурсников, и Хагрид с трудом уселся на освободившееся место.

— Я-то поначалу из хижины своей за игрой следил, — произнес он, похлопывая себя по висевшему на шее огромному биноклю. — Но все ж тут, на стадионе, по-другому совсем, да! Толпа опять же вокруг, болеют все. Снитч не появлялся еще, нет?

— Нет, — помотал головой Рон. — У Гарри пока не было работы.

— Хорошо хоть в переделку еще не влип, это уже неплохо. — Хагрид поднес бинокль к глазам, вперяя взгляд в крошечную точку в небе, которая была Гарри Поттером.

Гарри парил над полем и, прищулив глаза, скользил взглядом по небу, пытаясь уловить приближение снитча. Это было частью его стратегии, разработанной Вудом.

— Держись подальше от игры, пока не увидишь снитч, — так сказал ему Вуд. — Ни к чему идти на риск и провоцировать соперника на то, чтобы против тебя грубо сыграли, пока в этом нет никакой нужды.

Когда Анджелина открыла счет, Гарри, не в силах скрыть свою радость, описал над полем несколько кругов и снова начал всматриваться в небо. В какой-то момент он увидел золотую вспышку, но оказалось, что это солнечный блик от часов одного из близнецов Уизли. А спустя несколько секунд он вовремя заметил летящий на него со скоростью артиллерийского снаряда бладжер и уклонился от уподобившегося ядру черного мяча, а заодно от устремившегося за ним Фреда Уизли.

— Все нормально, Гарри? — на лету прокричал Фред и мощным ударом послал бладжер в

направлении Маркуса Флинта.

— Мяч у команды Слизерина, — тем временем комментировал происходящее в воздухе Ли Джордан. — Охотник Пьюси уклоняется от бладжера, еще от одного, обводит близнецов Уизли и Кэти Белл и устремляется к... Стоп, не снитч ли это?

По толпе зрителей пробежал громкий шепот, Эдриан Пьюси уронил переставший интересоваться его квоффл и, оглянувшись назад, стал осматривать небо в поисках золотого мячика, который вдруг просвистел мимо его левого уха.

Гарри заметил свой мяч. Охваченный возбуждением, он резко спикировал вниз. Ловец сборной Слизерина Теренс Хиггс тоже увидел снитч. Он и Гарри одновременно устремились к нему, а все охотники застыли в воздухе, забыв о своем мяче и напряженно глядя, как Гарри и Хиггс соревнуются в ловкости и скорости.

Гарри оказался быстрее, чем Хиггс, — он уже видел стремительно летящий перед ним маленький круглый мячик, видел его трепещущие крылышки и увеличил скорость, пытаясь его догнать. И...

БУМ!

Снизу, с трибун, донесся возмущенный рев болельщиков Гриффиндор — Маркус Флинт, напомнивший Гарри тролля, как бы случайно на полном ходу врезался в Гарри, и тот отлетел в сторону, цепляясь за метлу и думая только о том, как удержаться в воздухе.

— Нарушение! — донеслось с трибун.

Мадам Трюк свистком остановила игру и, сделав строгое внушение Флинту, назначила свободный удар в сторону ворот Слизерин. Что касается снитча, то когда на поле воцарилась суматоха, золотой мяч, как и следовало ожидать, исчез в неизвестном направлении.

— Выгоните его с поля, судья! — вопил с трибуны так и не успокоившийся Дин Томас. — Красную карточку ему!

— Дин, ты, наверное, забыл, что ты не на своем любимом футболе, — напомнил ему Рон. — В квиддиче не удаляют с поля. Да, кстати, а что такое красная карточка?

К удивлению Рона, Хагрид занял сторону Дина.

— Значит, им надо правила менять, да! Ведь этот Флинт запросто мог Гарри на землю сбить!

Комментатор Ли Джордан, прекрасно зная, что обязан быть беспристрастным, все же не удержался от того, чтобы обозначить свою позицию.

— Итак, после очевидного, намеренного и потому нечестного и отвратительного нарушения...

— Джордан! — прорычала профессор МакГонагалл.

— Я хотел сказать, — поправился Джордан, — после этого явного и омерзительного запрещенного приема...

— Джордан, я вас предупреждаю...

— Хорошо, хорошо. Итак, Флинт едва не убил ловца команды Гриффиндора Гарри Поттера, но, вне всякого сомнения, такое может случиться с каждым. — В словах Джордана сквозила неприкрытая ирония, но тут профессор МакГонагалл ничего не могла поделать — Гриффиндор исполняет штрафной удар, мяч у Спиннет, она делает передачу назад, мяч по-прежнему у Гриффиндора, и...

Все началось в тот момент, когда Гарри уклонялся от очередного бладжера, со страшным свистом пронесшегося в опасной близости от его головы. Внезапно его метла резко накренилась вниз и сильно завибрировала. Гарри показалось, что сейчас он упадет и разобьется, но он удержался, крепко вцепившись в метлу руками и стиснув ее коленями. Он в жизни не испытывал такого ощущения беспомощности и растерянности.

Ему удалось выровнять метлу, но несколько секунд спустя все повторилось. Казалось, что метла хочет сбросить его. Гарри понимал, что «Нимбусы-2000» не принимают внезапных решений относительно того, чтобы сбросить на землю своего седока, но тем не менее это происходило. Гарри попробовал развернуть метлу к своим воротам — в какую-то секунду ему

показалось, что, возможно, стоит крикнуть Вуду, чтобы тот взял тайм-аут. Но тут метла полностью вышла из-под контроля. Он не мог сделать поворот, он вообще не мог ей управлять. Метла беспорядочно металась в небе, время от времени настолько резко разворачиваясь вокруг своей оси, что Гарри едва удерживался на ней.

Ли продолжал комментировать игру.

— Мяч у Слизерина... Флинт упускает мяч, тот оказывается у Спиннет... Спиннет делает пас на Белл... Белл получает сильный удар в лицо бладжером, надеюсь, бладжер сломал ей нос... Шучу, шучу, профессор... Слизерин забрасывает мяч. О, нет...

Болеельщики Слизерина дружно аплодировали. Всеобщее внимание было приковано к игре, и никто не замечал, что метла Гарри ведет себя, мягко говоря, странно. Она двигалась резкими рывками, поднимая Гарри все выше и унося его в сторону от поля.

— Не пойму я, чего там Гарри творит? Чего он себе думает, а? — бормотал Хагрид, следя за ним в бинокль. — Не знай я его, я б сказал, что не он метлой рулит, а она им... Да не, не может он...

Внезапно кто-то громким криком привлек внимание к Гарри, и все взгляды устремились на него. Его метла резко перевернулась в воздухе, потом еще раз, но он хоть с трудом, но удерживался на ней. А затем весь стадион ахнул. Метла неожиданно подпрыгнула, накренилась и, наконец, сбросила Гарри. Теперь он висел на метле, одной рукой вцепившись в рукоятку.

— Может быть, с ней что-то случилось, когда в него врезался Флинт? — прошептал Симус.

— Да нет, не должно так быть, — возразил Хагрид дрожащим голосом. — С такой метлой ничего плохого произойти вовсе не может, разве что тут Темная магия замешана, и сильная притом. Пареньку не под силу такое с «Нимбусом» проделать.

Услышав эти слова, Гермиона выхватила у Хагрида бинокль, но вместо того чтобы смотреть на Гарри, она навела его на толпу зрителей, напряженно всматриваясь в нее.

— Ты что делаешь? — простонал Рон, лицо его было серым.

— Я так и знала, — выдохнула Гермиона. — Это Снегг — смотри.

Рон схватил бинокль. На трибуне, расположенной прямо напротив них, сидел Снегг. Его взгляд был сфокусирован на Гарри, и он что-то безостановочно бормотал себе под нос.

— Он заколдовывает метлу, — пояснила Гермиона.

— И что же нам делать?

— Предоставь это мне.

Прежде чем Рон успел что-то сказать, Гермиона исчезла. Рон снова навел бинокль на Гарри. Метла так сильно вибрировала, что было ясно: висеть ему на ней осталось недолго. Зрители вскочили на ноги и, раскрыв рты, с ужасом смотрели на то, что происходит. Близнецы Уизли рванулись на помощь Гарри, рассчитывая протянуть ему руку и перетащить на одну из своих метел. Но ничего не получалось, — стоило им приблизиться на подходящее расстояние, как метла резко взмывала вверх. Уизли немного опустили вниз и кружили под Гарри, очевидно рассчитывая поймать его, когда он начнет падать. А Маркус Флинт тем временем схватил мяч и пять раз подряд забросил его в кольцо Гриффиндора, пользуясь тем, что на него никто не смотрит.

— Ну давай же, Гермиона, — прошептал Рон.

Гермиона с трудом проложила себе дорогу к той трибуне, на которой сидел Снегг, и сейчас бежала по одному из рядов — Снегг находился рядом выше. Гермиона так торопилась, что даже не остановилась, чтобы извиниться перед профессором Квирреллом, которого она сбила с ног. Оказавшись напротив Снегга, она присела, вытащила волшебную палочку и произнесла несколько слов, которые давно уже вертелись в ее мозгу. Из палочки вырвались ярко-синие языки пламени, коснувшиеся подола профессорской мантии.

Снеггу понадобилось примерно тридцать секунд, чтобы осознать, что он горит. Гермиона не смотрела в его сторону, делая вид, что она тут ни при чем, но его громкий вопль оповестил ее, что со своей задачей она справилась. Снегг не видел Гермиону, и она незаметным движением

смахнула с него пламя. Оно каким-то ей одной известным образом оказалось в маленькой баночке, которую она держала в кармане. По-прежнему не разгибаясь, Гермиона начала пробираться обратно, удаляясь от Снегга, и теперь профессор при всем желании не мог узнать, что именно с ним случилось.

Этого оказалось вполне достаточно. Гарри вдруг удалось вскарабкаться на метлу.

— Невилл, можешь открыть глаза! — крикнул Рон. Последние пять минут Невилл сидел, уткнувшись лицом в куртку Хагрида, и громко плакал.

Судья Трюк не останавливала игру, игра остановилась сама, но все равно никто не понял, почему Гарри, взобравшись на метлу, вдруг резко спикировал вниз. Внимание всего стадиона было по-прежнему приковано к нему, так что все отчетливо видели, как он внезапным движением поднес руку ко рту, словно его вот-вот должно было стошнить. Гарри выровнял метлу у самой земли, скатился с нее, падая на четвереньки, закашлялся, и что-то блеснуло в его руке.

— Я поймал снитч! — громко закричал он, высоко подняв золотой мяч над головой. Игра закончилась в полной неразберихе.

— Да он его не поймал, он его почти проглотил, — все еще выл Флинт двадцать минут спустя, но его никто не слушал, потому что это не имело никакого значения, ведь Гарри не нарушил правил игры. Ли Джордан счастливым голосом прокричал в микрофон результат: сборная Гриффиндор победила со счетом 170:60. Однако Гарри ничего этого не слышал. Сразу после того, как он показал всем пойманный им золотой мячик, Рон, Гермиона и Хагрид увели его в хижину Хагрида. И сейчас он сидел в ней и пил крепкий чай.

— Это все Снегг, — горячо объяснял ему Рон. — Мы с Гермионой все видели. Он смотрел на тебя, не отводя глаз, и шептал заклинания.

— Чушь, — возмутился Хагрид, который, когда с Гарри начали происходить непонятные вещи, с таким напряжением следил за ним, что не услышал, о чем шептались на трибуне Рон и Гермиона, и не заметил, что Гермиона куда-то отлучалась. — Зачем Снеггу делать такое?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, думая, стоит ли говорить Хагриду правду. Гарри решил, что стоит.

— Я кое-что узнал о нем, — сообщил он Хагриду. — В Хэллоуин он пытался пройти мимо трехголового пса. Пес его укусил. Мы думаем, что он пытался украсть то, что охраняет этот пес.

Хагрид от неожиданности уронил чайник.

— А вы откуда про Пушка разузнали? — спросил он, когда к нему вернулся дар речи.

— Про Пушка?

— Ну да — это ж моя собачка. Купил ее у одного... э-э... парнишки, грека, мы с ним в прошлом году... ну... в баре познакомились, — пояснил Хагрид. — А потом я Пушка одолжил Дамблдору — чтоб охранять...

— Что? — быстро спросил Гарри.

— Все, хватит мне тут вопросы задавать, — пробурчал Хагрид. — Это секрет. Самый секретный секрет, понятно вам?

— Но Снегг пытался украсть эту штуку, — продолжал настаивать Гарри, надеясь, что Хагрид вот-вот проговорится.

— Чепуха, — отмахнулся от него Хагрид. — Снегг — преподаватель школы Хогвартс. Он ничего такого в жизни не сделает.

— А зачем же он тогда пытался убить Гарри? — вскричала Гермиона.

Похоже, после всего случившегося сегодня она коренным образом изменила свое представление о Снегге, которого еще вчера защищала от обвинений Гарри и Рона.

— Я знаю, что такое колдовство, Хагрид. Я всё о нем прочитала и сразу могу понять, когда кто-то пытается что-то заколдовать! Для того чтобы наложить заклятие, нужен зрительный

контакт, а Снегг не сводил с Гарри глаз, даже не моргнул ни разу. Я наблюдала за ним в бинокль, и потом видела, когда к нему подкралась!

— А я вам говорю: неправда это! — выпалил разгорячившийся Хагрид. — Не знаю, что там с метлой Гарри стряслось, но Снегг бы в жизни такое не сотворил, чтобы ученика попробовать убить! И вообще, вы трое, слушайте сюда: вы тут лезете в дела, которые вас не касаются вовсе, да! Вы лучше про Пушка забудьте и про то, что он охраняет, тоже забудьте. Эта штука только Дамблдора касается да Николаса Фламелья...

— Ага! — довольно воскликнул Гарри. — Значит, тут замешан некто по имени Николас Фламель, верно?

Судя по виду Хагрида, тот жутко разозлился на самого себя. Но изменить уже ничего не мог.

Глава 12

ЗЕРКАЛО ЕИНАЛЕЖ

Приближалось Рождество. В середине декабря, проснувшись поутру, все обнаружили, что замок укрыт толстым слоем снега, а огромное озеро замерзло. В тот же день близнецы Уизли получили несколько штрафных очков за то, что заколдовали слеplенные ими снежки, и те начали летать за профессором Квирреллом, врезаясь ему в затылок. Те немногие совы, которым удалось в то утро пробиться сквозь снежную бурю, чтобы доставить почту в школу, были на грани смерти. И Хагриду пришлось основательно повозиться с ними, прежде чем они снова смогли летать.

Все школьники с нетерпением ждали каникул и уже не могли думать ни о чем другом. Может быть, потому, что в школе было ужасно холодно и всем хотелось разъехаться по теплым уютным домам — всем, кроме Гарри, разумеется. Нет, в Общей гостиной Гриффиндора, в спальне и в Большом зале было тепло, потому что ревущее в каминах пламя не угасало ни на минуту. Зато продуваемые сквозняками коридоры обледенели, а окна в промерзших аудиториях дрожали и звенели под ударами ветра, грозя вот-вот вылететь.

Хуже всего ученикам приходилось на занятиях профессора Снегга, которые проходили в подземелье. Вырывавшийся из ртов пар белым облаком повисал в воздухе, а школьники, забыв об ожогах и прочих опасностях, старались находиться как можно ближе к бурлящим котлам, едва не прижимаясь к ним.

— Поверить не могу, что кто-то останется в школе на рождественские каникулы, потому что дома их никто не ждет, — громко произнес Драко Малфой на одном из занятий по зельеварению. — Бедные ребята, мне их жаль...

Произнося эти слова, Малфой смотрел на Гарри. Крэбб и Гойл громко захихикали. Гарри, отмеривавший на своих крошечных и необычайно точных весах нужное количество порошка — в тот раз это был толченый позвоночник морского льва, — сделал вид, что ничего не слышит. После памятного матча, в котором Гриффиндор победил благодаря Гарри, Малфой стал еще невыносимее. Уязвленный поражением своей команды, он пытался всех рассмешить придуманной им шуткой. Она заключалась в том, что в следующей игре вместо Гарри на поле выйдет древесная лягушка, у нее рот шире, чем у Поттера, и потому она будет идеальным ловцом.

Однако Малфой быстро осознал, что его шутка никого не смешит, — возможно, Гарри поймал мяч очень своеобразным способом, но тем не менее он его поймал. И, более того, всех поразило, что ему удалось удержаться на взбесившейся метле. Малфой, еще больше разозлившись и сгорая от зависти, вернулся к проверенной тактике и продолжил поддевать Гарри, напоминая ему и окружающим, что у него нет нормальной семьи.

Гарри действительно не собирался возвращаться на Тисовую улицу на рождественские каникулы. Неделю назад профессор МакГонагалл обошла все курсы, составляя список учеников, которые останутся на каникулы в школе, и Гарри тут же попросил внести его в этот список. При этом он совершенно не собирался себя жалеть — совсем наоборот, он не сомневался, что его ждет лучшее Рождество в его жизни. Тем более что Рон с братьями тоже собирались остаться в Хогвартсе — их родители отправлялись в Румынию, чтобы провести своего второго сына Чарли.

Когда по окончании урока они вышли из подземелья, то обнаружили, что путь им преградила неизвестно откуда взявшаяся в коридоре огромная пихта. Однако показавшиеся из-за ствола две гигантские ступни и громкое пыхтение подсказали им, что пихту принес сюда Хагрид.

— Привет, Хагрид, помощь не нужна? — спросил Рон, просовывая голову между веток.

— Не, я в порядке, Рон... но все равно спасибо, — донеслось из-за пихты.

— Может быть, вы будете столь любезны и дадите мне пройти, — произнес кто-то сзади, растягивая слова. Разумеется, это мог быть только Малфой. — А ты, Уизли, как я понимаю, пытаешься немного подзаработать? Я полагаю, после окончания школы ты планируешь остаться здесь в качестве лесника? Ведь хижина Хагрида по сравнению с домом твоих родителей — настоящий дворец.

Рон прыгнул на Малфоя как раз в тот момент, когда в коридоре появился Снегг:

— УИЗЛИ!

Рон неохотно отпустил Малфоя, которого уже успел схватить за грудки.

— Его спровоцировали, профессор Снегг, — пояснил Хагрид, высываясь из-за дерева. — Этот Малфой его семью оскорбил, вот!

— Может быть, но в любом случае драки запрещены школьными правилами, Хагрид, — елеинным голосом произнес Снегг. — Уизли, из-за тебя твой факультет получает пять штрафных очков, и можешь благодарить небо, что не десять. Проходите вперед, нечего здесь толпиться.

Малфой, Крэбб и Гойл с силой протиснулись мимо Хагрида и его пихты, едва не сломав несколько веток и усыпав пол иголками. И ушли, глупо ухмыляясь.

— Я его достану, — выдавил из себя Рон, глядя в удаляющуюся спину Малфоя и скрежеща зубами. — В один из этих дней я обязательно его достану...

— Ненавижу их обоих, — признался Гарри. — И Малфоя, и Снегга.

— Да бросьте, ребята, выше нос, Рождество же скоро, — подбодрил их Хагрид. — Я вам вот чего скажу — пошли со мной в Большой зал, там такая красота сейчас, закачаешься!

Гарри, Рон и Гермиона пошли за волочившим пихту Хагридом в Большой зал. Там профессор МакГонагалл и профессор Флитвик развешивали рождественские украшения.

— Отлично, Хагрид, это ведь последнее дерево? — произнесла профессор МакГонагалл, увидев пихту. — Пожалуйста, поставьте его в дальний угол, хорошо?

Большой зал выглядел потрясающе. В нем стояло не менее дюжины высоченных пихт: одни поблескивали нерастаявшими сосульками, другие сияли сотнями прикрепленных к веткам свечей. На стенах висели традиционные рождественские венки из белой омелы и ветвей остролиста.

— Сколько там вам осталось до каникул-то? — поинтересовался Хагрид.

— Всего один день, — ответила Гермиона. — Да, я кое-что вспомнила. Гарри, Рон, у нас есть полчаса до обеда, нам надо зайти в библиотеку.

— Ах, да, я и забыл, — спохватился Рон, с трудом отводя взгляд от профессора Флитвика.

Профессор держал в руках волшебную палочку, из которой появлялись золотые шары. Повинуясь Флитвику, они всплывали вверх и оседали на ветках только что принесенного Хагридом дерева.

— В библиотеку? — переспросил Хагрид, выходя с ними из зала. — Перед каникулами? Вы прям умники какие-то...

— Нет, к занятиям это не имеет никакого отношения, — с улыбкой произнес Гарри. — С тех пор, как ты упомянул имя Николаса Фламеля, мы пытаемся узнать, кто он такой.

— Что? — Хагрид был в шоке. — Э-э... слушайте сюда, я ж вам сказал, чтобы вы в это не лезли, да! Нет вам дела до того, что там Пушок охраняет, и вообще!

— Мы просто хотим узнать, кто такой Николас Фламель, только и всего, — объяснила Гермиона.

— Если, конечно, ты нам сам не расскажешь, чтобы мы не теряли время, — добавил Гарри. — Мы уже просмотрели сотни книг, но ничего так и не нашли. Может быть, ты хотя бы намекнешь, где нам о нем прочитать? Кстати, я ведь уже слышал это имя, ещё до того, как ты его произнес...

— Ничего я вам не скажу, — пробурчал Хагрид.

— Значит, нам придется все разузнать самим, — заключил Рон, и они, расставшись с явно раздосадованным Хагридом, поспешили в библиотеку.

С того самого дня, как Хагрид упомянул имя Фламеля, ребята действительно пересмотрели кучу книг в его поисках. А как еще они могли узнать, что пытался украсть Снегг? Проблема

заклучалась в том, что они не представляли, с чего начать, и не знали, чем прославился Фламель, чтобы попасть в книгу. В «Великих волшебниках двадцатого века» он не упоминался, в «Выдающихся именах нашей эпохи» — тоже, равно как и в «Важных магических открытиях последнего времени» и «Новых направлениях магических наук». Еще одной проблемой были сами размеры библиотеки — тысячи полок вытянулись в сотни рядов, а на них стояли десятки тысяч томов.

Гермиона вытащила из кармана список книг, которые она запланировала просмотреть, Рон пошел вдоль рядов, время от времени останавливаясь, наугад вытаскивая ту или иную книгу и начиная ее листать. А Гарри побрел по направлению к Особой секции, раздумывая о том, нет ли там чего-нибудь о Николасе Фламеле.

К сожалению, для того чтобы попасть в эту секцию, надо было иметь разрешение, подписанное кем-либо из преподавателей. Гарри знал, что никто ему такого разрешения не даст. А придумать что-нибудь очень убедительное ему бы вряд ли удалось. К тому же книги, хранившиеся в этой секции, предназначались вовсе не для первокурсников. Гарри уже знал, что эти книги посвящены высшим разделам Темной магии, которые не изучали в школе. Так что доступ к ним был открыт только преподавателям и еще старшекурсникам, выбравшим в качестве специализации защиту от Темных сил.

— Что ты здесь ищешь, мальчик?

Перед Гарри стояла библиотекарь мадам Пинс, угрожающе размахивая перьевой метелкой, предназначенной для стряхивания пыли с книг.

Гарри не нашелся что ответить.

— Тебе лучше уйти отсюда, — строго произнесла мадам Пинс. — Давай, уходи, кому сказала!

Гарри вышел из библиотеки, жалея о том, что не смог быстро придумать какое-нибудь оправдание. Они с Роном и Гермионой давно решили, что не будут обращаться к мадам Пинс с вопросом, где им найти информацию о Фламеле. Они были уверены, что она знает ответ. Но им не хотелось рисковать — поблизости мог оказаться Снегг, а ему не следовало знать, что именно их интересует.

Гарри стоял в коридоре у выхода из библиотеки и ждал, когда появятся его друзья. Особых надежд на то, что они преуспеют в своих поисках, у него не было. Ребята уже две недели пытались что-нибудь найти, но свободного времени, если не считать изредка выпадавших между уроками свободных минут, не было, так что вряд ли стоило удивляться, что они ничего не нашли. Все, что им было нужно — это несколько часов в библиотеке, и обязательно в отсутствие мадам Пинс, чтобы она не присматривалась к тому, что они делают.

Через пять минут из библиотеки вышли Рон и Гермиона, при виде Гарри сразу замотавшие головами. И все вместе пошли на обед.

— Вы ведь будете продолжать искать, когда я уеду на каникулы? — с надеждой спросила Гермиона. — Если что-то найдете, сразу присылайте мне сову.

— Между прочим, ты вполне можешь поинтересоваться у своих родителей, не знают ли они, кто такой этот Фламель, — заметил Рон. — Это ведь родители — так что риска никакого...

— Абсолютно никакого, — согласилась Гермиона. — Особенно если учесть, что мои родители — стоматологи...

Когда каникулы наконец начались, Гарри и Рон слишком весело проводили время для того, чтобы думать о Фламеле. В спальне их осталось только двое, да и в Общей гостиной было куда меньше народа, чем во время учебы. Поэтому они придвигали кресла как можно ближе к камину и сидели там часами, нанизывая на длинную металлическую вилку принесенные из Большого зала кусочки хлеба, лепешки и кругляши зефира, поджаривая их на открытом огне и с аппетитом поедая.

Разумеется, они ни на секунду не умолкали даже с набитым ртом — ведь им было о чем поговорить. Главной темой, разумеется, был Малфой. Они изобретали десятки планов, как подставить Малфоя и добиться его исключения из школы. И неважно, что эти планы были явно неосуществимы, — об этом все равно приятно было поговорить.

Еще они играли в волшебные шахматы, которым Рон начал обучать Гарри. Это были практически те же самые шахматы, в которые играли маглы. Разница заключалась лишь в

том, что фигурки были живые, и игрок ощущал себя полководцем, направляющим свои войска на противника. Шахматы Рона были очень старыми и потрепанными временем. Как и все его вещи, они когда-то принадлежали кому-то из его родственников, в данном случае дедушке. Однако тот факт, что фигурки были древними, вовсе не мешал ему хорошо играть. Рон так отлично их изучил, что у него никогда не было проблем с тем, чтобы заставить их выполнить то, что он хочет.

Гарри играл фигурками, которые ему одолжил Симус Финниган, и они очень плохо его слушались, абсолютно не доверяя временному хозяину. К тому же Гарри был не слишком хорошим игроком, и фигурки постоянно давали ему советы, сбивая его с толку:

«Не посылай меня туда, разве ты не видишь вражеского коня? Лучше пошли вон того, его потеря не будет иметь никакого значения».

В канун Рождества Гарри лег спать, предвкушая праздничный завтрак и веселье, но, естественно, не рассчитывая ни на какие подарки. Однако, проснувшись наутро, он первым делом заметил свертки и коробочки у своей кровати.

— Доброе утро, — сонно произнес Рон, когда Гарри выбрался из постели и накинул на пижаму халат.

— И тебе того же, — автоматически ответил Гарри, уставившись на то, что лежало у его кровати. — Ты только посмотри — это же подарки!

— А я-то думал, что это тыквы, — пошутил Рон, свешиваясь со своей кровати. Подарков около нее стояло больше, чем у Гарри.

Гарри быстро распаковал верхний сверток. Подарок был завернут в толстую коричневую оберточную бумагу, на которой неровными буквами было написано: «Гарри от Хагрида». Внутри была флейта грубой работы — скорее всего, Хагрид сам вырезал ее из дерева. Гарри поднес ее к губам и извлек из нее звук, похожий на уханье совы.

Следующий подарок лежал в тонком конверте и представлял собой лист плотной бумаги. «Получили твои поздравления, посылаем тебе рождественский подарок. Дядя Вернон и тетя Петунья», — было написано на листе. К бумаге скотчем была приклеена мелкая монетка. Дурсли остались верны себе — более щедрый подарок придумать было сложно.

— Очень приятно, — прокомментировал Гарри.

Рону, однако, этот подарок понравился — он во все глаза рассматривал монету.

— Вот ведь нелепая штуковина! — наконец выдохнул он. — И это деньги? Такой формы?

— Возьми себе. — Гарри засмеялся, увидев, как обрадовался Рон. — Интересно, кто еще мог прислать мне подарок, кроме Дурслей и Хагрида?

— Кажется, я знаю, от кого это. — Рон слегка покраснел, тыча пальцем в объемистый сверток. — Это от моей мамы. Я написал ей, что некому будет сделать тебе подарок, и...

Рон вдруг густо залился красной краской.

— О-о-о, — простонал он. — Как же я раньше не подумал. Она связала тебе фирменный свитер Уизли...

Гарри разорвал упаковку, обнаружив внутри толстый, ручной вязки свитер изумрудно-зеленого цвета и большую коробку с домашними сладостями.

— Она каждый год к Рождеству вяжет нам всем свитеры, — недовольно бормотал Рон, разворачивая подарок от матери. — И мне вечно достается темно-бордовый.

— Твоя мама просто молодец, — заметил Гарри, пробуя сладости, которые оказались очень вкусными.

В следующем подарке тоже было сладкое — большая коробка «шоколадных лягушек», присланная Гермионой.

Оставался еще один сверток. Гарри поднял его с пола, отметив, что он очень легкий, почти невесомый. И неторопливо развернул его.

Нечто воздушное, серебристо-серое выпало из свертка и, шурша, мягко опустилось на пол, поблескивая складками. Рон широко раскрыл рот от изумления.

— Я слышал о таком, — произнес он сдавленным голосом, роняя на пол присланную Гермионой коробочку с леденцами и даже не замечая этого. — Если это то, что я думаю, — это очень редкая вещь, и очень ценная.

— А что это?

Гарри подобрал с пола сияющую серебристую ткань. Она была очень странной на ощупь, как будто частично состояла из воды.

— Это мантия-невидимка, — прошептал Рон с благоговейным восторгом. — Не сомневаюсь, что это она, попробуй сам.

Гарри набросил мантию на плечи.

— Это она! — неожиданно завопил Рон. — Посмотри вниз!

Гарри последовал его совету и не увидел собственных ног. Он молнией метнулся к зеркалу. Лицо его, разумеется, было на месте, но оно плавало в воздухе, поскольку тело полностью отсутствовало. Гарри натянул мантию на голову, и его отражение исчезло полностью.

— Смотри, тут записка! — окликнул его Рон. — Из нее выпала записка!

Гарри снял мантию и поднял с пола листочек бумаги. Надпись на нем была сделана очень мелким почерком с завитушками — такого Гарри еще никогда не видел.

Незадолго до своей смерти твой отец оставил эту вещь мне.

Пришло время вернуть ее его сыну.

Используй ее с умом.

Желаю тебе очень счастливого Рождества

Подписи не было. Гарри изучал странную записку, написанную неизвестно кем, а Рон все восхищался мантией.

— Да, за такую я бы отдал все на свете, — признался он. — Все, что угодно. Эй, да что с тобой?

— Ничего, — мотнул головой Гарри. На самом деле он чувствовал себя очень странно. Он никак не мог понять, кто прислал ему мантию и эту записку. И все время спрашивал себя, неужели она на самом деле принадлежала его отцу?

Прежде чем он успел что-то сказать или подумать о чем-то другом, дверь в спальню распахнулась, и в нее ворвались Фред и Джордж Уизли. Гарри быстро спрятал мантию под одеяло. Ему не хотелось, чтобы ее надевал кто-нибудь другой, кроме него. Даже не хотелось, чтобы кто-нибудь просто до нее дотрагивался.

— Счастливого Рождества! — прокричал с порога Фред.

— Эй, смотри! — воскликнул Джордж, обращаясь к брату. — Гарри тоже получил фирменный свитер Уизли!

На Фреде и Джордже были новенькие синие свитеры, на одном была вышита большая желтая буква «Ф», на другом — такого же цвета и размера буква «Д».

— Между прочим, свитер Гарри выглядит получше, чем наши, — признал Фред, повертев в руках подарок, полученный Гарри от миссис Уизли. — Он ведь не член семьи, так что она вязала его куда старательнее.

— А ты почему не надел свой свитер, Рон? — возмутился Джордж. — Давай-давай, они ведь мало того что красивые, так еще и очень теплые.

— Ненавижу бордовый цвет, — то ли в шутку, то ли всерьез простонал Рон, натягивая на себя свитер.

— А на твоём никаких букв, — хмыкнул Джордж, разглядывая младшего брата. — Полагаю, она думает, что ты не забудешь, как тебя зовут. А мы ведь тоже не дураки — мы хорошо знаем,

что нас зовут Дред и Фордж.

Близнецы расхохотались, довольные шуткой.

— Что тут за шум?

В дверь протиснулась еще одна рыжая голова, принадлежавшая Перси Уизли, вид у него был не слишком счастливый. Судя по всему, он уже успел распечатать свои подарки, по крайней мере частично, потому что держал в руках свитер грубой вязки, который тут же выхватил у него Фред.

— Ага. Тут буква «С», то есть староста. Давай, Перси, надевай его — мы все уже надели наши, и Гарри тоже.

— Я... не... хочу, — донесся до Гарри хриплый голос Перси, которому близнецы уже успели натянуть свитер на голову, сбив с него очки.

— И запомни: сегодня за завтраком ты будешь сидеть не со старостами, а с нами, — поучительно добавил Джордж. — Рождество — семейный праздник.

Близнецы натянули на него свитер так что руки не попали в рукава, а оказались прижатыми к телу. И, ухватив старшего брата за шиворот, вытолкали его из спальни.

У Гарри в жизни не было такого рождественского пира. На столе красовались сотни жирных жареных индеек, горы жареного и вареного картофеля, десятки мисок с жареным зеленым горошком и соусников, полных мясной и клюквенной подливки, — и башни из волшебных хлопшек. Эти фантастические хлопшки не имели ничего общего с теми, которые производили маглы. Дурсли обычно покупали эти жалкие подобию, на которых сверху было надето нечто вроде убогой бумажной шляпы, а внутри обязательно лежала маленькая пластмассовая игрушка. Хлопушка же, которую опробовали они с Фредом, не просто хлопнула, но взорвалась с пушечным грохотом и, окутав их густым синим дымом, выплюнула из себя контр-адмиральскую фуражку и несколько живых белых мышей.

За учительским столом тоже было весело. Дамблдор сменил свой остроконечный волшебный колпак на украшенную цветами шляпу и весело посмеивался над шутками профессора Флитвика.

Вслед за индейкой подали утыканные свечками рождественские пудинги. Пудинги были с сюрпризом — Перси чуть не сломал зуб о серебряный сикль, откусив кусок пудинга. Все это время Гарри внимательно наблюдал за Хагридом. Тот без устали подливал себе вина и становился все краснее и краснее, и наконец он поцеловал в щеку профессора МакГонагалл. А она, к великому удивлению Гарри, смущенно порозовела и захихикала, не замечая, что ее цилиндр сполз набок.

Когда Гарри наконец вышел из-за стола, его руки были заняты новыми подарками, вылетевшими из хлопшек, — среди них были упаковка никогда не лопающихся и светящихся надувных шаров, набор для желающих обзавестись бородавками и комплект шахматных фигурок. А вот белые мыши куда-то исчезли, и у Гарри было неприятное подозрение, что они закончат свою жизнь на рождественском столе миссис Норрис.

На следующий день Гарри и Рон неплохо повеселились, устроив на улице яростную перестрелку снежками. А затем, насквозь промокшие, замерзшие, с трудом переводя дыхание, они вернулись к камину в гостиной. Там Гарри опробовал свои новые шахматные фигурки и потерпел впечатляющее поражение от Рона. Гарри сказал себе, что, если бы не Перси, без устали засыпавший его ценными советами, поражение было бы не столь быстрым и позорным.

После чая с бутербродами с индейкой, сдобными булочками, бисквитами и рождественским пирогом Гарри и Рон почувствовали себя настолько сытыми и сонными, что у них просто не было ни сил, ни желания заниматься чем-либо перед сном. Поэтому они просто сидели и смотрели, как Перси гоняется по комнате за близнецами, отобравшими у него значок старосты.

Это было лучшее Рождество в жизни Гарри. И все же целый день его не покидало ощущение, что он забыл о чем-то важном. И только оказавшись в постели, он понял, что именно его беспокоило: мантия-невидимка и тот, кто ее прислал.

Рон до отвала наелся индейкой и пирогом, а потому ничто загадочное и мистическое его не волновало. И как только его голова коснулась подушки, он тотчас заснул. А Гарри задумчиво

вытащил из-под одеяла присланную ему мантию.

Значит, она принадлежала его отцу — его отцу. Он ощущал, как мантия течет сквозь его пальцы. Она была нежнее шелка, легче воздуха. *«Используй ее с умом»*, — написал приславший ее.

Ему просто необходимо было испытать мантию прямо сейчас. Гарри накинул ее на плечи и, опустив глаза, не увидел ничего, кроме теней и лунного света. Ощущение было весьма странным.

«Используй ее с умом».

Гарри вдруг почувствовал, что сонливость как рукой сняло. В этой мантии он мог обойти всю школу, заглянуть в любое помещение. О каком сне могла идти речь, когда его переполняло возбуждение? Ведь в этой мантии он мог пойти куда угодно, и ему не страшен был никакой Филч.

Рон забормотал во сне. Гарри задумался над тем, не разбудить ли его, но что-то его остановило. Может, это было осознание, что мантия принадлежала его отцу, и в самый первый раз он должен был опробовать ее сам, один.

Гарри бесшумно выбрался из спальни, спустился по лестнице, прошел через гостиную и пробрался сквозь дыру, с той стороны закрытую портретом.

— Кто здесь? — проскрипела Толстая Леди.

Гарри ничего не ответил и быстро пошел вниз по коридору.

Вдруг он остановился, не понимая, куда, собственно, он направляется. Сердце его громко стучало, а в голове толкались переполнявшие ее мысли. Наконец его осенило. Особая секция библиотеки — вот куда ему было надо. Он сможет листать книги столько, сколько ему захочется, до тех пор, пока он не узнает, кто такой Николас Фламель. Он поплотнее закутался в мантию и двинулся вперед.

В библиотеке было абсолютно темно и очень страшно. Гарри зажег стоявшую на входе лампу, и, держа ее в руке, пошел вдоль длинных рядов. Он представил, как выглядит со стороны, — лампа, сама по себе плывущая в воздухе. И хотя он знал, что это его рука держит лампу, ему стало неудобно.

Особая секция находилась в самом конце помещения. Аккуратно переступив через загородку, отделявшую секцию от остальной части библиотеки, Гарри поднял лампу повыше, чтобы разглядеть названия стоявших на полках книг.

Если честно, названия ему ни о чем не говорили. Золотые буквы на корешках выцвели и частично облетели, а слова, в которые они складывались, были записаны на каком-то чужом языке, и Гарри не знал, что они означают. На некоторых книгах вовсе не было никаких надписей. А на одной было темное пятно, которое до ужаса напоминало кровь.

Гарри почувствовал, как по спине побежали мурашки. Возможно, ему это показалось, но с полка доносился слабый шепот, словно книги узнали, что кто-то зашел в Особую секцию без разрешения, и это им не нравится.

Пора было приступить к делу. Гарри осторожно опустил лампу на пол и оглядел нижнюю полку в поисках книги, которая привлекла бы его внимание своим необычным видом. Взгляд его упал на большой черный с серебром фолиант. Гарри с трудом вытащил тяжеленную книгу и положил ее на колено.

Стоило ему раскрыть фолиант, как тишину прорезал душераздирающий крик, от которого кровь стыла в жилах. Это кричала книга! Гарри поспешно захлопнул ее, но крик продолжался — высокий, непрекращающийся, разрывающий барабанные перепонки. Гарри попятился назад и сбил лампу, которая тут же погасла. Он запаниковал, и тут послышались шаги — кто-то бежал по коридору по направлению к библиотеке. Второпях засунув книгу на место, Гарри рванул к выходу. В дверях он чуть не столкнулся с Филчем. Выцветшие глаза Филча, вылезшие из орбит, смотрели сквозь него, и Гарри, поднырнув под его руку, выскользнул в коридор. В ушах его все еще стояли издаваемые книгой вопли.

Прошло какое-то время, прежде чем Гарри остановился. И, переведя дыхание, обнаружил, что стоит перед выставленными на высоком постаменте рыцарскими доспехами. Он так стремился убежать подальше от библиотеки, что не обращал внимания на то, куда именно бежит. И

сейчас он не мог понять, где находится, — возможно, потому, что вокруг стояла крошечная тьма. Впрочем, Гарри тут же вспомнил, что похожий рыцарь в латах стоял неподалеку от кухни, но кухня, по идее, была пятью этажами выше.

— Вы сказали, профессор, что, если кто-то будет бродить по школе среди ночи, я должен прийти прямо к вам. Так вот, кто-то был в библиотеке. В Особой секции.

Гарри почувствовал, как кровь отхлынула от его лица. Он так долго бежал сам не зная куда, но Филч оказался здесь практически одновременно с ним — потому что это именно его голос сейчас слышал Гарри. Не успел Гарри сообразить, что Филчу наверняка известен более короткий путь, как буквально оцепенел от ужаса. Голос, ответивший Филчу, принадлежал профессору Снеггу.

— Значит, в Особой секции? Что ж, они не могли уйти далеко, мы их поймает.

Гарри прирос к полу, глядя, как из-за угла перед ним появляются Филч и Снегг. Конечно, они не могли его видеть, но коридор был узким, и они вполне могли в него врезаться — мантия делала его невидимым, но не бесплотным.

Гарри попятился назад, стараясь двигаться бесшумно. Филч и Снегг приближались, столкновения было не избежать, и Гарри, судорожно оглядевшись, заметил слева от себя приоткрытую дверь. Она была его единственным спасением. Стараясь не дышать, он втиснулся между дверью и косяком, застыв на полпути. Он боялся, что дверь заскрипит и выдаст его, если он ее коснется. Каким-то чудом Гарри все же удалось бесшумно проскользнуть внутрь. Снегг и Филч прошли мимо, и точно бы задел его, если бы он остался в коридоре, но Гарри уже был в комнате. Он, тяжело дыша, прижался к стене и слушал, как удаляются их шаги. На сей раз он едва не попался, он был так близок к этому, и с трудом мог поверить, что все обошлось.

Прошло несколько минут, прежде чем Гарри обвел глазами комнату. Она была похожа на класс, которым давно не пользовались. У стен громоздились поставленные одна на другую парты, посреди комнаты лежала перевернутая корзина для бумаг. А вот к противоположной стене был прислонен предмет, выглядевший абсолютно чужеродным в этой комнате. Казалось, его поставили сюда просто для того, чтобы он не мешался в другом месте.

Это было красивое зеркало, высотой до потолка, в золотой раме, украшенной орнаментом. Зеркало стояло на подставках, похожих на две ноги с впившимися в пол длинными когтями. На верхней части рамы была выгравирована надпись: «Еиналеж еечяр огеома сеш авон оциле шавеню авыза копя».

Шагов Филча и Снегга давно уже не было слышно, так что Гарри совсем успокоился. Но любое волнение все равно улеглось бы, потому что зеркало будто притягивало к себе, заставляя забыть обо всем остальном. Гарри медленно направился к зеркалу, желая заглянуть в него и убедиться, что он невидим.

Ему пришлось зажать себе рот, чтобы сдержать рвущийся из него крик. Гарри резко отвернулся от зеркала. Его сердце стучало в груди куда яростней, чем когда закричала лежавшая на его колене книга, потому что он увидел в зеркале не только самого себя, что само по себе было невозможно, но и ещё каких-то людей, стоявших вокруг него.

Однако комната была пуста. И Гарри, все еще тяжело дыша, медленно повернулся обратно к зеркалу.

Перед ним было отражение Гарри Поттера, бледное и испуганное, а за ним стояли отражения по меньшей мере десятка человек. Гарри снова обернулся — разумеется, позади него никого не было. Или, может, они тоже были невидимы? Может, это была комната, населенная невидимками, а хитрость зеркала в том и состояла, что в нем отражались все, неважно, видимы они или нет?

Гарри снова заглянул в зеркало. Женщина, стоявшая справа от его отражения, улыбалась ему и махала рукой. Гарри опять отвернулся и вытянул руку. Если бы женщина действительно стояла позади него, он бы коснулся ее, ведь их отражения были совсем рядом, но его рука нащупала лишь воздух. А значит, она и все другие люди, обступившие его отражение, существовали только в зеркале.

Женщина была очень красива. У нее были темно-рыжие волосы, а глаза... «Ее глаза похожи на мои», — подумал Гарри, придвигаясь поближе к зеркалу, чтобы лучше рассмотреть женщину. Глаза у нее были ярко-зеленые, и разрез у них был такой же. Но тут Гарри заметил,

что женщина плачет. Улыбается и одновременно плачет. Стоявший рядом с ней высокий и худой черноволосый мужчина обнял ее, словно подбадривая. Мужчина был в очках, и у него были очень непослушные волосы, торчавшие во все стороны, как у Гарри.

Гарри стоял так близко к зеркалу, что почти касался носом своего отражения.

— Мама? — прошептал он, внезапно все поняв. — Папа?

Мужчина и женщина молча смотрели на него и улыбались. Гарри медленно обвел взглядом лица других людей, находившихся в зеркале, замечая такие же зеленые глаза, как у него, и носы, похожие на его нос. Гарри даже показалось, что у маленького старичка точно такие же колени, как у него, — острые, торчащие вперед. Первый раз в жизни Гарри Поттер видел свою семью.

Поттеры улыбались и махали Гарри руками, а он жадно смотрел на них, прижавшись к стеклу, опершись на него ладонями, словно надеясь, что провалится сквозь него и окажется рядом с ними. Его переполнило очень странное, неиспытанное доселе чувство — радость, смешанная с ужасной грустью.

Он не знал, сколько времени простоял у зеркала. Люди в зеркале не исчезали, а он смотрел и смотрел на них, пока не услышал приведший его в чувство отдаленный шум. Гарри не мог рисковать — ему нельзя было больше здесь оставаться, ему надо было вернуться в спальню, чтобы на следующий день иметь возможность прийти сюда снова. Он просто не имел права рисковать — на кону стояли не штрафные очки, не его пребывание в школе, но его новые и новые встречи с родителями.

— Я вернусь, — прошептал он и, с усилием оторвавшись от зеркала, поспешно вышел из комнаты.

— Ты мог бы меня разбудить. — В голосе Рона слышалась обида. Они сидели в Большом зале и завтракали — точнее, завтракал Рон, а Гарри только что закончил свой рассказ о ночных похождениях.

— Можешь пойти со мной сегодня вечером — я хотел бы показать тебе это зеркало.

— С удовольствием встречу с твоими родителями, — радостно выпалил Рон.

— А я бы хотел увидеть всю твою семью, всех Уизли. Ты мне покажешь своих старших братьев и всех других родственников.

— Ты можешь увидеть их в любой момент, — пожал плечами Рон. — Приезжай к нам погостить этим летом — и все дела. Кстати, может, это зеркало показывает только тех, кто уже умер? А еще жаль, что ты не нашел ничего про Фламеля. Возьми бекон, чего это ты ничего не ешь?

Гарри не хотелось есть. Он увидел своих родителей и обязательно увидит их сегодня вечером. Теперь он мог думать только об этом, но никак ни о еде и ни о чем другом. Если честно, он даже удивился, услышав от Рона про Николаса Фламеля. Он уже почти забыл это имя. Теперь ничего, кроме встречи с родителями, не имело для Гарри абсолютно никакого значения. Какая разница, кто такой этот Фламель? Зачем ему знать, что охраняет трехголовый пес? И какое ему дело до того, украдет Снегг то, что охраняет пес, или нет?

— Ты в порядке? — озабоченно спросил Рон. — Ты так странно выглядишь...

Больше всего Гарри боялся, что не сможет этой ночью найти ту комнату с зеркалом. Сегодня под мантией их было двое, поэтому двигались они гораздо медленнее. Они пытались повторить тот путь, который проделал Гарри, выбежав из библиотеки, и около часа бродили по темным коридорам.

— Я просто умираю от холода, — пожаловался Рон. — Давай забудем об этом и вернемся в спальню.

— Ни за что! — возмущенно прошипел Гарри. — Я знаю, что комната где-то рядом.

Они прошли мимо привидения высокой женщины, плывшего в противоположном направлении, и, к счастью, больше никого не встретили. И как раз в тот момент, когда Рон снова начал стонать, что у него заledenели ноги и он уже их не чувствует, Гарри заметил знакомые доспехи.

— Это здесь... точно здесь... да!

Гарри открыл дверь и, сбросив мантию, метнулся к зеркалу.

Они были здесь. Они ждали его. И просияли, увидев Гарри.

— Видишь? — шепнул Гарри, повернувшись к Рону.

— Ничего я не вижу.

— Да посмотри же! Смотри, вот же они — родители, и другие...

— Я вижу только тебя, — отозвался Рон.

— Посмотри внимательнее, — не успокаивался Гарри. — Подойди поближе, встань сюда, рядом со мной.

Гарри чуть-чуть подвинулся, но теперь, когда перед зеркалом оказался Рон, он больше не видел в нем свою семью, только отражение Рона в пестрой пижаме.

Рон застыл перед зеркалом, зачарованно вглядываясь в него.

— Только посмотри на меня! — воскликнул он.

— Ты видишь вокруг себя родителей и братьев? — спросил Гарри.

— Нет, я один. Но я другой... повзрослевший... И... И я первый ученик школы!

— Что? — недоуменно переспросил Гарри.

— Я... У меня на груди значок — такой же, какой был у Билла, когда он стал лучшим учеником Хогвартса. И у меня в руках Кубок победителя соревнования между факультетами и еще Кубок школы по квиддичу. Я еще и капитан сборной, представляешь!

Рон с трудом оторвал глаза от так восхитившей его картины и взволнованно посмотрел на Гарри.

— Как ты думаешь, зеркало показывает будущее? — В голосе Рона звучала надежда.

— Не может быть! — горячо возразил Гарри. — Вся моя семья давно умерла. При чем тут будущее? Отодвинься, я хочу еще посмотреть...

— Ты вчера всю ночь в него смотрел, — горячо возразил Рон. — Подожди немного, я быстро...

— Ну на что тебе смотреть — ты ведь всего лишь держишь в руках Кубок школы по квиддичу, что тут интересного? — возмутился Гарри. — А я хочу увидеть своих родителей.

— Да не толкайся ты! — вскрикнул, пошатнувшись, Рон.

Внезапный звук, донесшийся из коридора, заставил их замолчать. Они только сейчас осознали, что слишком громко препирались и наверняка подняли жуткий шум.

— Быстро!

Рон схватил мантию. И они успели накрыться ею в тот самый момент, когда из-за двери, поблескивая глазами, появилась миссис Норрис. Рон и Гарри замерли, стараясь не дышать и думая об одном и том же — распространяется ли действие мантии на кошек? Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем миссис Норрис развернулась и вышла обратно в коридор.

— Здесь опасно — возможно, она пошла за Филчем, — шепнул Рон. — Бьюсь об заклад, что она слышала наши голоса и знает, что мы здесь. Уходим.

И Рон вытащил упирающегося Гарри из комнаты.

— Хочешь сыграть в шахматы? — спросил Рон на следующее утро, когда они вернулись с завтрака.

— Нет, — коротко ответил Гарри.

— Тогда почему бы нам не выйти из замка и не навестить Хагрида?

— Да нет... — Гарри пожал плечами. — Если хочешь, лучше сходи один...

— Я знаю, о чем ты думаешь, Гарри. — На лице Рона было понимание. — Ты думаешь об этом зеркале. Не ходи туда сегодня.

— Почему?

— Не знаю, но у меня появилось нехорошее предчувствие. К тому же ты уже слишком много раз был на грани провала. Филч, Снегг и миссис Норрис рыщут по всей школе, надеясь тебя поймать. Да, они тебя не видят, но ведь они могут с тобой столкнуться. А что, если ты во что-нибудь врежешься или что-нибудь сшибешь — они ведь сразу все поймут...

— Ты говоришь прямо как Гермiona, — отрезал Гарри.

— Я серьезно, Гарри, — взмолился Рон. — Не ходи туда.

Но Гарри мог думать только об одном — о том, чтобы снова оказаться перед зеркалом. И ничто не могло его остановить — и никто, включая Рона.

Этой ночью он отыскал комнату с зеркалом гораздо быстрее, чем накануне. Гарри не шел, а буквально летел, чтобы побыстрее оказаться у зеркала. Хотя он и осознавал, что производит слишком много шума, ему было все равно, тем более что на пути ему так никто и не попался.

Мать и отец снова просияли, увидев его, а один из дедушек при виде внука закивал головой, счастливо улыбаясь. Гарри опустился на пол перед зеркалом, говоря себе, что придет сюда завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и...

Сегодня он собирался остаться здесь на всю ночь. И ничто не могло помешать ему просидеть здесь до утра. Ничто и никто.

Кроме...

— Итак, ты снова здесь, Гарри?

Гарри почувствовал, как его внутренности превратились в лед. Он медленно оглянулся. На одной из стоявших у стены парт сидел не кто иной, как Альбус Дамблдор. Получалось, что Гарри прошел прямо мимо него и не заметил профессора, потому что слишком торопился увидеть родителей.

— Я... Я не видел вас, сэр, — пробормотал он.

— Странно, каким близоруким делает человека невидимость, — произнес Дамблдор, и Гарри с облегчением заметил, что профессор улыбается.

— Итак. — Дамблдор слез с парты, подошел к Гарри и опустился на пол рядом с ним. — Итак, ты, как и сотни других до тебя, обнаружил источник наслаждения, скрытый в зеркале Еиналеж.

— Я не знал, что оно так называется, сэр.

— Но я надеюсь, что ты уже знаешь, что показывает это зеркало? — поинтересовался Дамблдор.

— Оно... ну, оно показывает мне мою семью... — неуверенно начал Гарри.

— А твой друг Рон видел самого себя со значком первого ученика школы. — Дамблдор не спрашивал, а утверждал.

— Откуда вы знаете? — изумленно выдохнул Гарри.

— Мне не нужна мантия-невидимка для того, чтобы стать невидимым, — мягко произнес Дамблдор. — Итак... что, на твой взгляд, показывает всем нам зеркало Еиналеж?

Гарри пожал плечами.

— Я попробую натолкнуть тебя на мысль. Так вот, слушай. Самый счастливый человек на земле, заглянув в зеркало Еиналеж, увидит самого себя таким, какой он есть, — то есть для него это будет самое обычное зеркало. Ты меня понял?

Гарри задумался.

— Оно показывает нам то, что мы хотим увидеть, — медленно выговорил он. — Чего бы мы ни

хотели...

— И да, и нет, — негромко заметил Дамблдор. — Оно показывает нам не больше и не меньше, как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания. Ты, никогда не знавший своей семьи, увидел своих родных, стоящих вокруг тебя. Рональд Уизли, всю жизнь находившийся в тени своих братьев, увидел себя одного, увидел себя лучшим учеником школы и одновременно капитаном команды-чемпиона по квиддичу, обладателем сразу двух Кубков — он превзошел своих братьев. Однако зеркало не дает нам ни знаний, ни правды. Многие люди, стоя перед зеркалом, ломали свою жизнь. Одни из-за того, что были зачарованы увиденным. Другие сходили с ума оттого, что не могли понять, сбудется ли то, что предсказало им зеркало, гарантировано им это будущее или оно просто возможно?

Дамблдор на мгновение замолчал, словно давая Гарри время на размышление.

— Завтра зеркало перенесут в другое помещение, Гарри, — продолжил он. — И я прошу тебя больше не искать его. Но если ты когда-нибудь еще раз натолкнешься на него, ты будешь готов к встрече с ним. Будешь готов, если запомнишь то, что я скажу тебе сейчас. Нельзя цепляться за мечты и сны, забывая о настоящем, забывая о своей жизни. А теперь, почему бы тебе не надеть эту восхитительную мантию и не вернуться в спальню?

Гарри поднялся с пола.

— Сэр... Профессор Дамблдор, — нерешительно начал он. — Могу я задать вам один вопрос?

— Кажется, ты уже задал один вопрос. — Дамблдор улыбнулся. — Тем не менее можешь задать еще один.

— Что вы видите, когда смотрите в зеркало? — выпалил Гарри, затаив дыхание.

— Я? — переспросил профессор. — Я вижу себя, держащего в руке пару толстых шерстяных носков.

Гарри недоуменно смотрел на него.

— У человека не может быть слишком много носков, — пояснил Дамблдор. — Вот прошло еще одно Рождество, а я не получил в подарок ни одной пары. Люди почему-то дарят мне только книги.

Уже в спальне Гарри вдруг осознал, что Дамблдор не был с ним откровенен. Но с другой стороны, подумал он, спихивая с подушки спавшую на ней Коросту, это был очень личный вопрос.

Глава 13

НИКОЛАС ФЛАМЕЛЬ

Дамблдор убедил Гарри не искать больше зеркало Еиналеж. И на следующий день после разговора с профессором Гарри убрал мантию-невидимку в чемодан.

Он хотел бы иметь возможность с такой же легкостью убрать из памяти то, что он видел в зеркале, но это ему не удавалось. Ему начали сниться кошмары. Каждую ночь ему снилось, как его родители исчезают во вспышке зеленого света под пронзительный холодный смех.

— Вот видишь, Дамблдор был прав, когда сказал, что это зеркало может свести тебя с ума, — заявил Рон, когда Гарри рассказал ему о своих снах.

Гермиона, которая вернулась с каникул за день до начала семестра и которой Гарри и Рон рассказали абсолютно все — ведь они были друзьями, — смотрела на вещи по-другому. Она разрывалась между ужасом, в который ее приводила одна только мысль о том, что Гарри три ночи подряд бродил по школе («Подумать только, что было бы, если бы тебя поймал Филч!» — постоянно восклицала она), и разочарованием по поводу того, что Гарри не удалось узнать, кто такой Николас Фламель.

Они уже почти утратили надежду отыскать имя Фламеля в одной из библиотечных книг. Хотя Гарри по-прежнему не сомневался в том, что уже встречал это имя. Когда начался семестр, они стали снова забегать в библиотеку в перерывах между уроками и в течение десяти минут лихорадочно листали первые попавшиеся под руку книги.

Конечно, можно было бы ходить в библиотеку после занятий, но Гермиона все свободное время посвящала домашним заданиям и внеклассному чтению, а у Гарри свободного времени вообще почти не было, потому что возобновились тренировки по квиддичу.

Вуд заставлял своих подопечных тренироваться на пределе возможностей. Он увеличивал продолжительность тренировок и их частоту, и даже бесконечные дожди, пришедшие на смену снегу, не могли остудить его пыл. Близнецы Уизли жаловались, что Вуд стал настоящим фанатиком, но Гарри был на стороне своего капитана. Он знал, что если они выиграют следующий матч — против сборной Пуффендуя, — то по очкам обойдут Слизерин. И это впервые за семь последних лет.

Впрочем, Гарри поддерживал Вуда не только потому, что хотел выиграть, — он обнаружил, что после тяжелых, изматывающих тренировок ему почти не снятся кошмары.

Во время очередной тренировки — в тот день шел сильный дождь, и стадион превратился в грязную лужу — Вуд принес команде плохие новости. Возможно, он и держал бы их при себе, боясь уронить боевой дух своих игроков, но вышло так, что он жутко разозлился на близнецов Уизли, которые, поднявшись в воздух, бомбардировали друг друга мячами и делали вид, что вот-вот упадут со своих метел.

— Да хватит вам дурачиться! — внезапно заорал Вуд. — Вот из-за такой ерунды мы вполне можем проиграть матч! Чтобы вы знали, судить игру будет Снегг, а уж он использует любой повод для того, чтобы записать на наш счет штрафные очки!

Услышав это, Джордж Уизли на самом деле свалился с метлы.

— Судить будет Снегг? — невнятно пробормотал он, поднимаясь с земли и выплевывая забившуюся в рот грязь. — Что-то не припомню, чтобы он когда-нибудь судил игры. Да, от него справедливого судейства ждать не придется — он ведь понимает, что в случае победы мы обойдем его любимчиков.

Остальные игроки приземлились рядом с Джорджем и тоже начали возмущаться.

— А что я могу поделать? — развел руками Вуд. — Теперь мы просто обязаны играть так, чтобы у Снегга не было ни малейшего повода к нам прицепиться.

Гарри молча кивал головой. Джордж и остальные были правы, но вдобавок ко всему, у Гарри были свои причины, по которым он не хотел, чтобы Снегг оказался поблизости, когда он будет играть в квиддич.

После тренировки игроки, как обычно, задержались в раздевалке, чтобы поболтать, но Гарри направился напрямик в Общую гостиную Гриффиндора, где застал Рона и Гермиону за

партией в шахматы. Гермиона всегда всё знала лучше, чем другие, но вот в шахматы она иногда проигрывала. И Гарри с Роном сошлись во мнении, что это для нее очень полезно.

— Пожалуйста, подожди, не отвлекай меня, — попросил Рон, заметив севшего рядом с ним Гарри. — Мне надо сконцентрироваться, потому что...

Рон поднял глаза на Гарри.

— Что с тобой? — с интересом спросил он. — Вид у тебя просто жуткий.

Тихим, спокойным голосом, чтобы никто не услышал, Гарри рассказал им о внезапном и зловещем желании Снегга судить матч по квиддичу.

— Тебе нельзя играть, — с ходу заявила Гермиона.

— Скажи, что ты заболел, — предложил Рон.

— Сделай вид, что сломал ногу, — уточнила Гермиона.

— Или сломай ее на самом деле, — добавил Рон.

— Я не могу, — признался Гарри. — У нас нет запасного ловца. Если я не выйду на поле, то и вся команда не выйдет.

В этот момент в комнату ввалился Невилл — ввалился в самом прямом смысле слова. Непонятно было, как ему удалось пробраться сквозь дыру за портретом Толстой Леди, потому что его ноги прилипли одна к другой, словно на Невилла наложили специальное заклинание. Должно быть, ему пришлось прыгать всю дорогу до башни Гриффиндора.

Все дружно расхохотались, кроме Гермионы, которая подскочила к Невиллу и произнесла формулу, снимающую заклятье. Ноги Невилла тут же разъехались в разные стороны.

— Что случилось? — спросила Гермиона, подводя его к Гарри и Рону.

— Малфой, — ответил Невилл дрожащим голосом. — Я встретил его в коридоре у библиотеки. Он сказал, что ищет кого-нибудь, на ком можно попрактиковаться.

— Немедленно иди к профессору МакГонагалл! — подтолкнула его Гермиона. — И расскажи всё, как было!

Невилл покачал головой.

— Хватит с меня неприятностей, — пробормотал он.

— Но ты должен это сделать, Невилл! — возмутился Рон. — Он вечно пытается втоптать всех в грязь, а ты сам в нее ложишься и облегчаешь ему работу!

— Не надо объяснять мне, что я недостаточно смел для того, чтобы быть членом Гриффиндора. — Невилл всхлипнул. — Малфой мне уже это доказал.

Гарри запустил руку в карман и вытащил оттуда «шоколадную лягушку» — последнюю из тех, что прислала ему на Рождество Гермиона. Он протянул «лягушку» Невиллу, у которого был такой вид, словно он вот-вот расплачется.

— Ты стоишь десяти Малфоев, — произнес Гарри. — И ты достоин того, чтобы быть в Гриффиндоре, — ведь Волшебная шляпа сама отобрала тебя на наш факультет. Ну а где оказался этот Малфой? В вонючей дыре под названием Слизерин — вот где.

Невилл слабо улыбнулся и развернул «лягушку».

— Спасибо, Гарри, — с благодарностью произнес он. — Наверно, я пойду посплю... Да, вот карточка — ты ведь их собираешь, верно?

Проводив взглядом Невилла, Гарри опустил глаза на карточку, которую он держал в руке.

— Ну вот, снова Дамблдор, — произнес он. — Как раз он был на моей самой первой ка...

Гарри вдруг задохнулся от волнения. Он смотрел на карточку, словно не в силах был отвести от нее глаз, а потом поднял их на Рона и Гермиону.

— Я нашел его! — прошептал он. — Я нашел Фламеля! Я же говорил вам, что уже видел это имя, так вот, это было в поезде, когда я ехал сюда. Слушайте! «...Профессор Дамблдор прославился, помимо всего прочего, победой над темным волшебником Грин-де-Вальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона и работами по алхимии, проведенными совместно с его партнером Николасом Фламелем...» — прочитал Гарри.

Гермиона вскочила на ноги. Она не выглядела такой взволнованной с тех пор, как им объявили оценки за самое первое домашнее задание, которое Гермиона, разумеется, выполнила на «отлично».

— Ждите здесь! — приказала она и рванулась к лестнице, ведущей в спальню девочек.

Гарри и Рон едва успели обменяться заинтригованными взглядами, а Гермиона уже возвращалась к столу с тяжелой древней книгой в руках.

— Мне даже никогда не приходило в голову искать его здесь! — взволнованно прошептала она. — А ведь я взяла ее в библиотеке еще несколько недель назад! Специально, чтобы отвлечься от учебников, для легкого чтения.

— Легкого? — переспросил Рон.

Гермиона вместо ответа посоветовала ему помолчать, пока она не найдет то, что надо, и начала лихорадочно переворачивать страницы, что-то бормоча себе под нос.

— Я так и знала! — воскликнула она, найдя то, что искала. — Я так и знала!

— Нам уже можно говорить? — раздраженно поинтересовался Рон.

Гермиона сделала вид, что не слышала вопроса.

— Николас Фламель, — прошептала она таким тоном, словно была актрисой, исполняющей драматическую роль. — Николас Фламель — единственный известный создатель философского камня!

Ее слова не произвели на Гарри и Рона того эффекта, на который она рассчитывала.

— Создатель чего? — переспросили они в один голос.

— Ну, это уж слишком. Вы что, книг не читаете? Ладно, тогда прочитайте хоть этот кусок...

Она подтолкнула к ним книгу.

«Древняя наука алхимия занималась созданием Философского Камня, легендарного вещества, наделенного удивительными силами. По легенде, камень мог превратить любой металл в чистое золото. С его помощью также можно было приготовить эликсир жизни, который делал бессмертным того, кто выпьет этот эликсир.

На протяжении веков возникало множество слухов о том, что Философский Камень уже создан, но единственный существующий в наше время камень принадлежит мистеру Николасу Фламелю, выдающемуся алхимику и поклоннику оперы. Мистер Фламель, в прошлом году отметивший свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения, наслаждается тишиной и уединением в Девоне вместе со своей женой Пернеллой (шестьсот пятидесяти восьми лет»).

— Поняли? — спросила Гермиона, когда Гарри с Роном закончили чтение. — Должно быть, собака охраняет философский камень Фламеля! Я не сомневаюсь, что он попросил об этом Дамблдора, потому что они друзья и еще потому что Фламель знал, что кто-то охотится за его камнем. Вот почему он хотел, чтобы камень забрали из «Гринготтса»!

— Камень, который всё превращает в золото и гарантирует тебе бессмертие! — воскликнул Гарри. — Неудивительно, что Снегг хочет его украсть. Любой бы захотел иметь такой камень.

— И еще неудивительно, что мы не могли найти имя Фламеля в «Новых направлениях в современной магической науке», — заметил Рон. — Современным его не назовешь — ведь ему шестьсот шестьдесят пять лет.

На следующее утро, на уроке по защите от Темных искусств, записывая различные способы исцеления от укусов волка-оборотня, Гарри и Рон все еще обсуждали, что бы они сделали с философским камнем, попади он к ним в руки. И только когда Рон сказал, что купил бы себе команду высшей лиги по квиддичу, Гарри вспомнил про Снегга и предстоящий матч.

— Я обязательно буду играть, — твердо заявил он после урока, когда они с Роном и Гермионой вышли из класса. — Если я не появлюсь на поле, все подумают, что я испугался Снегга. Я им всем покажу... Я сотру с их лиц улыбки — если, конечно, мы выиграем.

— Разумеется, если, конечно, кому-нибудь не придется соскребать с поля то, что от тебя осталось, — пессимистично заметила очень переживавшая за Гарри Гермиона.

Однако, несмотря на свое смелое заявление, по мере приближения игры Гарри нервничал все больше и больше. Да и другие игроки команды были не слишком спокойны. Мысль о том, что они могут обогнать Слизерин в школьном чемпионате, грела всем душу, ведь за последние семь лет это никому не удавалось. Но шансы на то, что такой пристрастный судья, как Снегг, позволит им это сделать, были не слишком велики.

Возможно, Гарри это просто казалось, или он сам это придумал, но он наткнулся на Снегга повсюду, куда бы он ни направлялся. Иногда он даже спрашивал себя, не следит ли Снегг за ним, пытаясь подловить его на чем-нибудь или сделать ему что-нибудь плохое? Во всяком случае, уроки Снегга превратились в ежедневную пытку. Снегг придирался к Гарри по любому поводу и вел себя просто омерзительно. Может быть, он каким-то образом догадался, что они узнали о философском камне? Гарри не представлял, как такое могло произойти, но иногда у него появлялось очень неприятное ощущение, что Снегг может читать чужие мысли.

Когда Рон и Гермиона проводили Гарри до раздевалки и ушли, пожелав ему удачи, Гарри не сомневался, что его друзья гадают, удастся ли им увидеть его живым после матча. Все это, признаться, не слишком обнадеживало. Натягивая спортивную форму, Гарри даже толком не слышал, о чем говорил Вуд.

Пока Гарри переодевался, Рон и Гермиона нашли свободные места на трибуне и сели рядом с Невиллом. Тот никак не мог понять, почему у них такой мрачный и озабоченный вид и зачем они принесли с собой на игру свои волшебные палочки. Гарри не знал о том, что они тайком от него ежедневно практиковали Обезноживание — то самое заклятие, которое наложил на Невилла Малфой. Эта прекрасная идея пришла им в голову одновременно как раз в тот день, когда Гермиона расколдовала Невилла. Они были готовы наслать проклятие на Снегга в тот самый момент, когда им хоть на мгновение покажется, что тот хочет причинить вред Гарри.

— Значит, не забудь, надо произносить «*Локомотор Мортис*», — прошептала Гермиона, когда Рон спрятал свою палочку в рукав.

— Я помню, — отрезал Рон. — Не будь занудой!

Тем временем в раздевалке Вуд отвел Гарри в сторону.

— Не хочу давить на тебя, Гарри, но сегодня нам, как никогда, нужно, чтобы ты поймал снитч как можно раньше. Нам надо закончить игру прежде, чем у Снегга будет шанс нас засудить.

— Там вся школа собралась! — высунувшись за дверь, прокричал Фред Уизли. — Даже... Будь я проклят, если это не сам Дамблдор пожаловал на игру!

Сердце Гарри подпрыгнуло в груди и сделало двойное сальто.

— Дамблдор? — выдохнул он, бросаясь к двери, чтобы лично убедиться, что это правда. Но Фред не шутил. Гарри отчетливо увидел в толпе зрителей серебряную бороду.

Гарри чуть не расхохотался во весь голос — ему стало так легко, что он мог бы сейчас воспарить безо всякой метлы. Он был в безопасности. Снегг не осмелится причинить ему вред в присутствии Дамблдора.

Наверное, именно потому Снегг выглядел таким раздосадованным, когда команды вышли на поле. Даже Рон заметил с трибуны, что Снегг вне себя.

— Никогда не видел его таким злобным, — прошептал Рон, обращаясь к Гермионе. — Смотри, они начинают. Ой!

Кто-то сзади ударил Рона по затылку. Разумеется, это оказался Малфой.

— О, Уизли, извини, я тебя не заметил.

На лице Малфоя была издевательская усмешка. Стоявшие рядом с ним Гойл и Крэбб тоже ухмылялись.

— Интересно, как долго Поттеру удастся удержаться на метле на этот раз? — громко спросил Малфой, зная, что Рон, Гермиона и Невилл прекрасно его слышат. — Кто-нибудь хочет поспорить? Может, ты, Уизли? Хотя да, спорить-то тебе не на что...

Рон не ответил, он внимательно смотрел на поле, где Снег только что наказал Гриффиндор штрафным очком за то, что Джордж Уизли отбил бладжер в его направлении. Гермиона, которая сидела, положив руки на колени и скрестив все пальцы, не сводила глаз от Гарри. Тот кружил над остальными игроками, оглядываясь по сторонам в поисках своего мяча.

— Кажется, я понял, по какому критерию в Гриффиндор набирают сборную по квиддичу, — громко заявил Малфой несколько минут спустя, когда Снег снова наказал Гриффиндор штрафными очками, причем абсолютно без повода. — Жалость — вот чем они там руководствуются. Вот возьмем Поттера — он сирота. Возьмем близнецов Уизли — они абсолютно нищие. Так что странно, что они не взяли в команду тебя, Долгопупс, — ведь у тебя начисто отсутствуют мозги.

Невилл густо покраснел, но все-таки нашел в себе силы повернуться к Малфоя.

— Я стою десятка таких, как ты, понял? — пробормотал он, запинаясь.

Малфой, Крэбб и Гойл покатались со смеху. Невилл неуверенно посмотрел на Рона. Рон почувствовал его взгляд, но просто не мог отвести глаза от происходившего на поле.

— Разберись с ним сам, Невилл, — шепнул он.

— Знаешь, Долгопупс, если бы мозги были из золота, ты бы все равно был беднее Уизли, а это показатель, — не успокаивался Малфой.

Рон так переживал за Гарри, что нервы его были напряжены до предела.

— Я предупреждаю тебя, Малфой, — прорычал он, на секунду отворачиваясь от поля. — Еще одно слово...

— Рон! — вдруг воскликнула Гермиона. — Смотри на Гарри!..

Гарри внезапно устремился вниз, красиво войдя в пике, на которое зрители отреагировали аплодисментами, восторженными воплями и изумленными криками. Гермиона вскочила с места, не понимая, что происходит, а Гарри пулей неся к земле.

— Тебе повезло, Уизли, кажется, Поттер заметил на поле мелкую монетку! — растягивая слова, произнес Малфой.

Рон не выдержал. И прежде чем Малфой понял, что происходит, Рон уже сидел на нем, придавливая его к земле. Невилл несколько мгновений колебался, а потом кинулся ему на помощь.

— Давай, Гарри! — завопила Гермиона, глядя, как Гарри летит, набирая скорость, прямо на Снегга. Она уже поняла, что это он сам направил метлу вниз, и нервное напряжение сменилось ликованием. Она даже не замечала, что позади нее идет ожесточенная борьба и по земле катается клубок из пяти тел, из которого беспрестанно вылетают поднятые кулаки и доносятся звуки ударов и вскрики.

А там, в небе над полем, Снег как раз разворачивал свою метлу, в последний момент заметив что-то золотое, просвистевшее мимо его головы, а в следующую секунду пролетевший мимо профессора Гарри вышел из пике, победно вскинув руку, в которой был зажат снитч.

Трибуны взорвались криками и аплодисментами: они никогда не видели, чтобы снитч поймали в самом начале игры. Похоже было, что Гарри Поттер установил рекорд.

— Рон! Рон! Где ты?! Игра закончилась! Гарри выиграл! Мы выиграли! Гриффиндор вышел на первое место! — радостно вопила Гермиона, подпрыгивая на сиденье, а потом кинулась обнимать сидевшую перед ней Парвати Патил.

Гарри, спустившись, спрыгнул с метлы. Он никак не мог поверить в то, что произошло. Ему

все удалось, и игра закончилась, не продлившись и пяти минут. Гарри оглянулся, услышав позади крики: на поле выбегали болельщики Гриффиндора. И тут он заметил приземляющегося неподалеку Снегга. Лицо его было белым, а губы плотно сжаты.

Гарри ощутил, как на его плечо опустилась чья-то рука, и, обернувшись, увидел над собой улыбающегося профессора Дамблдора.

— Великолепная игра, — негромко, чтобы его мог слышать только Гарри, произнес Дамблдор. — Рад, что ты не переживаешь из-за этого зеркала... Что ты продолжаешь жить и радоваться жизни... Прекрасно...

Снегг в ярости сплюнул на землю.

Некоторое время спустя Гарри в одиночестве вышел из раздевалки, собираясь отнести свой «Нимбус-2000» в специальное помещение, предназначенное для хранения метел. Кажется, он никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым. Сегодня он сделал то, чем мог гордиться, и никто больше не мог сказать, что Гарри Поттер — это всего лишь известное имя.

Вечерний воздух никогда не пах так сладко. Гарри шел по мокрой траве, прокручивая в голове события последнего часа, слившиеся в одно счастливое мгновение. Он видел, как все бросаются его поздравлять, как он взлетает в воздух, подбрасываемый десятками рук, как вдали радостно прыгает Гермиона, как машет ему Рон, у которого почему-то идет из носа кровь.

Гарри дошел до домика на холме, в котором хранились метлы. Ему некуда было торопиться, и он стоял там, глядя по сторонам, а затем посмотрел на замок, окна которого отсвечивали красным в лучах заходящего солнца.

Гарри вернулся мыслями к игре. Итак, теперь сборная Гриффиндора опережала всех в чемпионате. Он сделал то, что должен был сделать, он показал этому Снеггу...

И кстати о Снегге...

Из замка быстро выскользнула темная фигура, лицо ее было закрыто капюшоном. Некто, кто очень не хотел, чтобы его видели, быстро шел в сторону Запретного леса. Мысли о квиддиче и недавней победе вылетели у Гарри из головы. Он узнал эту хромающую походку. Это был Снегг, он тайком пробирался в лес, пока вся школа ужинала в Главном зале, — пробирался с какой-то целью...

Гарри одним прыжком оказался на метле и поднялся в небо. Бесшумно скользя над замком, он заметил, как Снегг переходит у опушки леса на бег и исчезает среди деревьев. И Гарри устремился вслед за ним.

Лес был такой густой, что Гарри не видел, куда именно пошел Снегг. Он летал над лесом кругами, постепенно снижаясь, едва не касаясь верхних веток деревьев, как вдруг услышал голоса. Гарри спланировал туда, откуда они доносились, и бесшумно приземлился на верхушку бука.

Он аккуратно спустился, уселся на толстой ветке и, крепко сжимая в руках метлу, уставился вниз, пытаясь разглядеть Снегга. И наконец увидел его.

Снегг стоял прямо под ним на темной поляне, но он был не один. С ним был профессор Квиррелл. Гарри не видел выражения его лица, но слышал, что Квиррелл заикается еще больше, чем обычно, а значит, он ужасно нервничал. Гарри напряг слух и затаил дыхание.

— ...Н-н-не знаю, п-почему вы ре-ре-решили в-встретиться именно здесь, С-С-Северус?

— О, я просто подумал, что это очень личный разговор, — произнес Снегг ледяным тоном. — Ведь никто, кроме нас, не должен знать о философском камне — уж по крайней мере школьникам слышать наш разговор совсем ни к чему.

Гарри нагнулся: он никак не мог разобрать, что лопочет в ответ Квиррелл. Но тут Снегг снова оборвал его.

— Вы уже узнали, как пройти мимо этого трехголового зверя, выращенного Хагридом?

— Н-н-но, С-С-Северус...

— Вам не нужен такой враг, как я, Квиррелл, — угрожающе произнес Снегг, делая шаг к

заикающемуся профессору.

— Я... Я н-не п-понимаю, о ч-чем в-вы...

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю. — В голосе Снегга звучала холодная ирония.

Внезапно поблизости громко заухала сова, и Гарри от неожиданности чуть не упал с ветки. Он изо всех сил пытался удержаться на ней и явно пропустил часть разговора, потому что когда Гарри снова обрел равновесие, Снегг уже заканчивал свой, судя по всему, продолжительный монолог.

— ...насчет ваших фокусов. Я жду.

— Н-но я н-не... — запротестовал Квиррелл.

— Очень хорошо, — оборвал его Снегг. — В ближайшее время мы снова встретимся — когда вы все обдумаете и наконец решите, на чьей вы стороне.

Снегг закутался в мантию, накинуд на голову капюшон, повернулся и ушел. Было уже почти совсем темно, но Гарри отчетливо видел Квиррелла, застывшего посреди поляны. Профессор, похоже, был ужасно напуган.

— Гарри, ты где был? — завизжала Гермиона, вместе с Роном поджидавшая его у входа в замок.

— Победа! Ты выиграл, мы выиграли! — завопил Рон, хлопая Гарри по спине. — Я подбил Малфою глаз. А Невилл в одиночку кинулся на Крэбба и Гойла, представляешь?! Правда, сейчас он в больнице, но мадам Помфри говорит, что с ним все в порядке и что он все время твердит, что еще покажет Малфою и его друзьям. Все наши сейчас в башне, ждут тебя, чтобы начать праздник. Фред и Джордж пробрались на кухню и утащили несколько тортов и кучу всякой еды.

— Забудь об этом, — почти беззвучно прошептал Гарри. — Давайте найдем пустую комнату, мне надо кое-что вам рассказать...

Он завел их в одну из комнат и, убедившись, что там нет Пивза, плотно закрыл дверь и начал свой рассказ.

— Так что мы не ошиблись, решив, что речь идет о философском камне, — спустя какое-то время подытожил он. — А теперь Снегг пытается заставить Квиррелла помочь ему завладеть камнем. Он спрашивал Квиррелла, знает ли тот, как пройти мимо Пушка. И еще он сказал Квирреллу что-то про его фокусы. Я думаю, что камень охраняет не только Пушок, но и самые разные заклинания. Возможно, Квиррелл наложил несколько своих заклятий против Темных сил, и Снеггу надо узнать, как развеять эти чары...

— То есть ты хочешь сказать, что камень будет в безопасности до тех пор, пока Квиррелл не сломается под напором Снегга? — встревоженно спросила Гермиона.

— Тогда максимум через неделю камень исчезнет, — мрачно заключил Рон.

Глава 14

ДРАКОН ПО ИМЕНИ НОРБЕРТ

Однако, судя по всему, Квиррелл оказался храбрее, чем они думали. Шли недели, профессор становился все бледнее и тоньше, но было непохоже, чтобы он сломался.

Всякий раз, проходя по коридору третьего этажа, Гарри, Рон и Гермиона прикладывали ухо к двери, за которой начиналась запретная территория, и по доносившемуся оттуда рычанию заключали, что пока все в порядке. Это подтверждал и Снегг, который неизменно пребывал в привычном для него отвратительном настроении. Друзья прониклись к Квирреллу глубоким уважением, и Гарри, сталкиваясь с профессором в коридорах, ободрительно улыбался ему, а Рон начал заступаться за Квиррелла, делая замечания тем, кто посмеивался над заиканием профессора.

Что касается Гермионы, то, в отличие от Гарри и Рона, она думала не только о философском камне. Она начала составлять расписание подготовки к экзаменам, заявив, что им всем необходимо повторить всю программу, и наложила заклинание на свои записи, пометив разными цветами темы для каждого из занятий.

— Гермиона, да до экзаменов еще целая вечность, — в один голос запротестовали Гарри и Рон.

— Всего десять недель, — отрезала Гермиона. — Это совсем не вечность, а для Николаса Фламея это вообще как одна секунда.

— Но нам не по шестьсот лет, — напомнил ей Рон. — И зачем нам все повторять, тем более тебе, ведь ты и так все знаешь?

— Зачем повторять?! — Гермиона прямо-таки задохнулась от возмущения. — Ты что, с ума сошел? Ты понимаешь, что для того, чтобы перейти на второй курс, нам надо сдать экзамены? Это очень важно, нам нужно было начать повторять еще в прошлом месяце! И как я об этом забыла!

Преподаватели, судя по всему, рассуждали так же, как и Гермиона. Они буквально завалили учеников домашними заданиями, и потому пасхальные каникулы по сравнению с рождественскими оказались совсем невеселыми. Да и как можно расслабиться, когда рядом с тобой Гермиона вслух повторяет двенадцать способов применения крови дракона или отрабатывает технику движений волшебной палочки. Зевая и недовольно постанывая, Гарри и Рон проводили большую часть своего свободного времени в библиотеке, пытаясь одновременно повторять пройденное и изучать новое.

— Никогда в жизни этого не zapomню! — наконец взорвался Рон, отшвыривая перо и с тоской уставившись в окно библиотеки. Его можно было понять: впервые за несколько месяцев выдался по-настоящему приятный день. Небо было ярко-голубым, как незабудка, а в воздухе плавало предчувствие лета.

Гарри, искавший белый бадьян в книге «Тысяча волшебных растений и грибов», оторвал глаза от страниц, только когда Рон неожиданно громко воскликнул:

— Хагрид! Что ты здесь делаешь?

Хагрид, похоже, пытался скрыться от них за полками, но понял, что его увидели, вышел оттуда и, шаркая, двинулся к ним. Он не стал подходить слишком близко, а руки держал за спиной, словно что-то прятал от Гарри и Рона. Великан в шубе из кротового меха явно не вписывался в здешнюю обстановку и, похоже, сам понимал, что привлекает к себе внимание, хотя всячески старался этого избежать. И казалось, что он совершенно не рад встрече.

— Я так... э-э... посмотреть зашел, — пробормотал Хагрид, отводя глаза. Гарри и Рон насторожились. — А вы-то тут чего? Неужто все Николаса Фламея ищете?

Вид у Хагрида тут же стал очень подозрительный.

— Да мы уже давным-давно узнали, кто он такой, — важным голосом произнес Рон. — И мы знаем, что охраняет пес, — это философский...

Хагрид зашипел, прикладывая палец к губам и быстро оглядываясь по сторонам.

— Ты чего... чего об этом кричишь, что с тобой случилось-то?

— Кстати, мы кое о чем хотели тебя спросить, — как бы невзначай произнес Гарри. — Скажи, кто и что, кроме Пушка, охраняет камень?

— Да тихо вы! — снова прошипел Хагрид. — Не надо тут об этом. Вы ко мне попозже загляните... ну... и поговорим. Насчет того, чтобы... э-э... что-то рассказать, обещать не буду, но тут... ну... об этом вообще нельзя, школьникам такое знать не надо. А то кто-нибудь подумает, что вы от меня все узнали, да! А я-то здесь ни при чем!

— Тогда увидимся позже, — произнес Гарри, и Хагрид побрел прочь из библиотеки.

— Интересно, что он там прятал за спиной? — задумчиво спросила Гермиона.

— Хочешь сказать, что это может быть связано с философским камнем? — поинтересовался Гарри.

— Пойду посмотрю, в какой секции он был, — произнес Рон. Он явно устал от занятий.

Через пару минут он уже вернулся с тяжелой стопкой книг в руках.

— Драконы! — прошептал он. — Хагрид искал что-то о драконах. Вот, смотри: «Разновидности драконов, обитающих в Великобритании и Северной Ирландии» и «Пособие по разведению драконов: от яйца до адского чудовища».

— Хагрид всегда хотел иметь дракона. Он сам мне сказал в тот день, когда мы с ним познакомились, — заметил Гарри.

— Но это противозаконно, — удивился Рон. — Разведение драконов было запрещено Конвенцией магов тысяча семьсот девятого года, это всем известно. Если мы будем разводить драконов, маглы узнают о нашем существовании! К тому же драконов все равно нельзя приручить, и они очень опасны. Ты бы видел ожоги, которые получил Чарли в Румынии, изучая диких драконов.

— Но в Британии драконов конечно же нет? — с надеждой спросил Гарри.

— Конечно есть. — Рон посмотрел на него так, словно Гарри сморозил какую-то глупость. — Обыкновенные валлийские зеленые и черные гебридские. Сказать по правде, Министерство магии кучу сил тратит на то, чтобы спрятать их от маглов. Нашим приходится накладывать заклятия на маглов, которые столкнулись с драконами, чтобы они навсегда забыли об этой встрече.

— Интересно, что задумал Хагрид? — с любопытством произнесла Гермиона.

Час спустя они подошли к хижине Хагрида и с удивлением отметили, что занавески на окнах задернуты. А Хагрид впустил их в хижину, только убедившись, что это именно они. И тут же закрыл за ними дверь.

Внутри стояла ужасная жара. Несмотря на то что на улице было тепло, в камине ярко горел огонь. Хагрид приготовил им чай и предложил бутерброды с мясом горностая, но они, не колеблясь, отказались от этой экзотической еды.

— Ну так что... вы вроде спросить чего хотели? — первым начал разговор Хагрид.

— Да, — согласился Гарри, решив, что не стоит ходить вокруг да около. — Мы хотели узнать, не расскажешь ли ты нам, что охраняет философский камень... кроме Пушка.

Хагрид неодобрительно посмотрел на него.

— Не, не расскажу, — категорично произнес он. — Во-первых, я и сам не знаю. Ну, а во-вторых, вы и так уж много всего... э-э... развели, ни к чему вам больше знать. Да я, если б знал даже, все равно б не сказал, да! А насчет камня — так он ведь здесь не просто так. Его из «Гринготтса» чуть не украли... ну... я так думаю, ты уж сам все понял. А вот как вы про Пушка развели — убей не пойму.

— Перестань, Хагрид! Конечно, ты не хочешь нам рассказывать, но ведь ты знаешь, ты обо всем знаешь, что здесь происходит. — В голосе Гермионы была неприкрытая лесть, и борода Хагрида зашевелилась. Великан улыбался, пусть улыбка и была скрыта волосами. — Мы просто хотим знать, кто накладывал заклятия, которые должны помешать похитить камень. Нам так интересно, кому — кроме тебя, конечно — доверяет профессор Дамблдор.

Хагрид горделиво выпятил грудь. Гарри и Рон с уважением посмотрели на Гермиону.

— Ну... эта... думаю, не будет ничего, если я вам скажу. — В голосе попавшегося на лесть Хагрида не было и оттенка сомнения. — Значит, так... Он у меня Пушка одолжил, это раз. А потом кое-кто из профессоров заклятия накладывал... Профессор Стебль, профессор Флитвик, профессор МакГонагалл, — произнося очередное имя, Хагрид загибал палец. — Профессор Квиррелл... и сам Дамблдор, конечно. А, вот еще чего забыл. Точно, про профессора Снегга.

— Снегг? — одновременно вырвалось у всех троих.

— Вы чего, опять про это? Кончайте, ладно? — Хагрид отмахнулся от них. — Да как вы не поймете — Снегг... ну... помогает камень охранять, зачем ему его воровать-то?

Гарри знал, что Рон и Гермиона думают о том же, о чем и он. Если Снегг принимал участие в охране камня, значит, он мог легко узнать, какие именно заклинания наложили другие профессора. Похоже, Снегг уже выведал все, что ему надо, кроме того, заклинание, которое наложил Квиррелл, и еще...

— Ведь только ты знаешь, как пройти мимо Пушка, правда, Хагрид? — взволнованно спросил Гарри. — И ты ведь никому об этом не расскажешь, верно? Даже никому из преподавателей?

— Да ни одна живая душа не знает, вот как! Кроме меня... э-э... и Дамблдора, конечно, — гордо заявил Хагрид.

— Что ж, хоть это хорошо, — пробормотал Гарри, обращаясь к своим спутникам. — Слушай, Хагрид, может, откроем окно? Тут у тебя задохнуться можно...

— Извини, Гарри, но никак нельзя, — поспешно ответил Хагрид и покосился на горевший в камине огонь. Гарри, поймав его взгляд, тоже заглянул в камин.

— Хагрид! Что это?! — воскликнул он.

Ответ не требовался — он уже знал, что это. В самом центре пламени, прямо под висящим над огнем чайником, лежало огромное черное яйцо.

— А... это... — Хагрид нервно подергал себя за бороду. — Ну... это...

— Где ты его взял, Хагрид? — поинтересовался Рон, встав перед камином на колени и внимательно рассматривая яйцо. — Ведь оно, должно быть, стоит целую кучу денег.

— Да выиграл я его, — признался Хагрид. — Вчера вечером и выиграл. Пошел вниз, в деревню, посидел там... ну... выпил. А тут незнакомец какой-то, в карты ему сыграть охота. Хотя, если по правде, так он... э-э... даже рад был, что яйцо проиграл, — видать, сам не знал, куда его девать-то.

— А что ты будешь делать, когда из него вылупится дракон? — поинтересовалась Гермиона.

— Ну, я тут читаю кое-что. — Хагрид вытащил из-под подушки толстенную книгу. — Вот в библиотеке взял — «Разведение драконов для удовольствия и выгоды». Старовата, конечно, но там всё про это есть. Яйцо в огне надо держать, вот как! Потому что драконихи на яйца огнем дышат, согревают их так. А когда он... ну... вылупится, надо ему раз в полчаса ковшик цыплячьей крови давать и... э-э... бренди еще туда доливать надо. А вон смотрите — это как яйца распознавать. Это, что у меня — это норвежского горбатого, редкая штука, так вот.

Хагрид явно был очень доволен собой, но Гермиона его радости не разделяла.

— Хагрид, ты ведь живешь в деревянном доме, — трагическим голосом произнесла она.

Но Хагрид ее не слушал. Он что-то напевал себе под нос, помешивая кочергой дрова в камине.

Теперь у Гарри и его друзей появилась новая забота — их беспокоила судьба Хагрида, если кто-нибудь узнает, что он незаконно укрывает у себя дракона.

— Я уже даже забыл, что такое спокойная жизнь, — вздохнул Рон.

Вечер за вечером они просиживали над домашними заданиями, которые становились все больше и больше. А Гермиона сначала составила программу повторения пройденного для себя, а теперь готовила такую же для них. Гарри и Рона это сводило с ума.

Как-то за завтраком Букля принесла Гарри записку от Хагрида. В записке было всего два слова: «Он вылупляется».

Рон предложил прогулять травологию и после завтрака тут же отправиться напрямик к Хагриду. Но Гермиона и слышать об этом не хотела.

— Да послушай, Гермиона, мы, может, больше никогда в жизни такого не увидим, — укорил ее Рон.

— Нам нельзя пропускать занятия, у нас могут быть проблемы, а когда кто-нибудь узнает про Хагрида, вообще такое начнется... И если мы еще там рядом окажемся, тогда все...

— Заткнитесь, — прошептал Гарри.

Малфой, проходивший мимо в паре метров от них, вдруг застыл и прислушался. Теперь можно было только гадать, услышал он что-то или нет — и если да, то как много. Но выражение лица Малфоя Гарри очень не понравилось.

Рон и Гермиона спорили всю дорогу до травологии, и в конце концов Гермиона согласилась сбежать к Хагриду после урока. Когда наконец из замка донесся звонок, они побросали совки и лопатки, которыми ковырялись в земле, выскочили из оранжереи и поспешно бросились к опушке леса. Открывший им Хагрид был весь красный от возбуждения.

— Он почти вылез! — прошептал Хагрид, заталкивая их внутрь.

Яйцо, испещренное глубокими трещинами, лежало на столе. Внутри что-то двигалось, стуча по скорлупе.

Они придвинули стулья к столу и сели затаив дыхание.

Внезапно раздался треск, яйцо развалилось пополам и на стол выпал маленький дракончик. Его нельзя было назвать симпатичным. Гарри подумал, что он напоминает скомканный черный зонтик. Он был ужасно тощий, топорщащиеся на спине крылья казались непомерно большими для такого тела. Морда у дракончика была длинная, с широкими ноздрями, пробивающимися бугорками рогов и выпученными оранжевыми глазами.

Дракончик чихнул, из ноздрей вылетело несколько искр.

— Ну разве не красавчик? — проворковал Хагрид. Он вытянул руку, чтобы погладить своего любимца по голове. Дракончик молниеносно раскрыл пасть и лязгнул острыми клыками, пытаясь схватить Хагрида за палец.

— Вот умный малыш! Сразу узнал свою мамочку! — восхитился Хагрид.

— Хагрид, а как быстро растут норвежские горбатые драконы? — озадаченно поинтересовалась Гермиона.

Хагрид открыл было рот, чтобы ответить, но внезапно побледнел и, вскочив на ноги, метнулся к окну.

— Что случилось? — крикнул Гарри, хотя уже знал ответ.

— Кто-то в окно заглядывал, а я, как назло, занавески неплотно задвинул, — сокрушенно выговорил Хагрид. — Мальчишка какой-то... вон, убегает.

Гарри подскочил к двери и распахнул ее. Даже на расстоянии он легко узнал убежавшего.

Гарри тяжело вздохнул. Теперь о существовании дракона знали не только они трое, но и Малфой.

Всю следующую неделю Малфой, завидев Гарри, Рона и Гермиону, неприятно улыбался, и его улыбка их нервировала. Большую часть свободного времени они проводили в полумраке хижин Хагрида, пытаясь урезонить великана.

— Отпусти его, — настаивал Гарри. — Выпусти его на волю.

— Не могу. — Хагрид покачал головой. — Он же маленький совсем. Он умрет один.

Они посмотрели на дракончика. За неделю он стал раза в три длиннее. Из его ноздрей беспрестанно вырывались клубы дыма.

Однако Хагрид, кажется, этого не замечал. Судя по всему он вообще забыл обо всем, в том числе и об обязанностях лесника, и если и выходил из хижины, то только за продовольствием для своего подопечного. По полу хижины, заваленному птичьими перьями, перекатывались пустые бутылки из-под бренди.

— Я ему имя придумал — Норберт. — Хагрид смотрел на дракона влюбленными глазами. — Он меня уже знает... смотрите вот. Норберт! Норберт! Где твоя мамочка?

— Он рехнулся, — прошептал Рон, наклонившись к уху Гарри.

— Хагрид, — громко позвал Гарри. — Еще две недели, и Норберт не будет помещаться в твоей хижине. А к тому же, возможно, у нас нет в запасе и двух Дней! Малфой в любой момент может донести на тебя Дамблдору!

Хагрид закусил губу.

— Я... Я ж понимаю, что навсегда его здесь оставить не могу, но и бросить его не могу... нельзя так

Гарри вдруг резко повернулся к Рону.

— Чарли! — воскликнул он.

— Ну вот, теперь и ты рехнулся, — спокойно отреагировал тот. — Меня зовут Рон, ты забыл?

— Да нет, я про Чарли, твоего старшего брата, который изучает драконов в Румынии. Мы можем отправить Норберта к нему. Ведь Чарли сможет о нем позаботиться, а когда Норберт вырастет, он отпустит его на волю!

— Гениально! — завопил Рон. — Как тебе идея, Хагрид?

Идея Хагриду не понравилась, но после долгих уговоров и убеждений великан согласился послать Чарли сову. Видимо, в глубине души надеясь, что ответ придет не скоро, а может, и не придет вообще.

Следующая неделя тянулась необычайно медленно. В среду когда все ушли спать, Гарри и Гермиона все еще сидели в Общей гостиной, дожидаясь Рона. На часах было уже двенадцать, когда они услышали какой-то шорох. Через мгновение из ниоткуда появился Рон, сбросивший с себя мантию-невидимку. Он был у Хагрида, помогая тому кормить Норберта, который теперь десятками поедал дохлых крыс.

— Он меня укусил! — Рон вытянул руку, обмотанную окровавленным носовым платком. — Я теперь, наверное, несколько дней даже перо не смогу держать. Если честно, более жуткого зверя, чем дракон, я в жизни не видел, а Хагрид с ним возится так, словно это маленький пушистый кролик. Вы представьте только: Норберт меня укусил, а Хагрид мне еще выговаривать начал за то, что я его малютку испугал. А когда я уходил, он ему колыбельную пел.

В темное окно внезапно постучали.

— Это Букля! — воскликнул Гарри, кидаясь к окну, чтобы впустить сову — Она принесла ответ.

Гарри, Рон и Гермиона положили письмо на стол и склонились над ним.

Дорогой Рон!

Как у тебя дела? Спасибо за письмо. Я буду счастлив, взять норвежского горбатого дракона. Но доставить его сюда будет непросто. Я думаю, лучше всего будет переслать его с моими друзьями, которые прилетят навестить меня на следующей неделе. Проблема в том, что никто не должен видеть, как они перевозят дракона, — ведь это незаконно.

Будет идеально, если вы сможете привести дракона на самую высокую башню замка Хогвартс в субботу в полночь. Тогда они успеют добраться до Румынии до наступления утра.

Пришли мне ответ как можно быстрее.

Гарри, Рон и Гермиона задумчиво посмотрели друг на друга.

— У нас есть моя мантия-невидимка, — медленно произнес Гарри, правильно истолковав сомнения друзей. — Думаю, она вполне сможет спрятать нас с Роном и Норберта — так что все получится.

Гарри произнес это так спокойно просто для того, чтобы успокоить друзей, на самом деле у его плана имелись серьезные изъяны. Хотя бы потому, что Норберт мог запросто прожечь мантию. Да и заткнуть ему пасть, чтобы он не издал ни звука, было нереально. Но к его облегчению, Рон и Гермиона согласно кивали. И это свидетельствовало о том, насколько трудной и изматывающей была для них вся последняя неделя. Потому что теперь они были готовы на самый безумный вариант, лишь бы избавиться от Норберта. И от Малфоя.

И тут произошло то, чего никто не ожидал. Наутро укушенная рука Рона раздулась, вдвое увеличившись в размерах. Рон никак не мог решить, не будет ли слишком рискованным поход к мадам Помфри: ведь она, наверное, могла сразу определить, что это укус дракона. Однако спустя несколько часов выбора у Рона уже не было. Рука позеленела. Похоже, что клыки Норберта были ядовитыми.

Гарри и Гермиона, примчавшиеся в больничное крыло в конце дня, застали Рона в ужасном состоянии.

— Это не только из-за руки, — прошептал Рон. — Хотя ощущение такое, что она вот-вот отвалится. Тут ко мне зашел Малфой — сказал мадам Помфри, что пришел забрать книгу, которую мне дал, а на самом деле, чтобы надо мной поиздеваться. Он угрожал, что расскажет мадам Помфри, кто укусил меня на самом деле. Я-то ей сказал, что это собака, но не знаю, поверила ли она. Не надо было мне его бить тогда на матче — он ведь именно за это нам теперь мстит.

Гарри и Гермиона попытались успокоить Рона.

— В субботу в полночь все закончится, — напомнила ему Гермиона, но почему-то Рона это совсем не обрадовало. Более того, он вдруг вскочил на кровати, и лицо его покрылось потом.

— В субботу в полночь! — хрипло повторил он. — Я только сейчас вспомнил: Малфой забрал у меня книгу, чтобы мадам Помфри ему поверила, что он приходил именно за ней. А в этой книге лежало письмо от Чарли! Так что теперь он все знает...

Гарри и Гермиона даже не успели ничего сказать по этому поводу. В палату вошла мадам Помфри и выпроводила их, заявив, что Рону необходимо поспать.

— Менять планы уже поздно, — заявил Гарри, когда они с Гермионой вышли из палаты. — Мы не успеем послать Чарли еще одну сову, а другого шанса избавиться от Норберта может и не представиться. Нам придется рискнуть. А к тому же у нас есть мантия-невидимка, и вот о ней Малфой ничего не знает.

Когда они пришли к хижине Хагрида, чтобы рассказать тому о случившемся, у дверей хижины с грустным видом сидел Клык — его хвост был замотан тряпками. А Хагрид даже не впустил их внутрь, а разговаривал с ними, высунувшись в окно.

— Не пущу я вас... Норберт тут расшалился, — объяснил он. — Но ничего такого... уж я-то с ним справлюсь.

Когда Гарри закончил свой рассказ, глаза Хагрида наполнились слезами, хотя, возможно, дело было в том, что именно в этот момент Норберт ухватил его за ногу.

— А-а-а! — вдруг взревел Хагрид, но тут же выдавил из себя кривую улыбку. Судя по всему, он не хотел, чтобы Гарри и Гермиона беспокоились еще больше. — Ничего страшного... куснул меня за сапог, просто, он же ребенок всего-навсего.

Ребенок ударил хвостом в стену, и хижина заходила ходуном. Гарри и Гермиона пошли обратно к замку, думая про себя, что дожидаться субботы будет нелегко.

Когда пришел момент прощания с Норбертом, Гарри и Гермиона наверняка посочувствовали бы Хагриду, если бы так не беспокоились за успех операции. Правда, ночь была темной и облачной, но они уже немного опаздывали, потому что им с Гермионой пришлось задержаться в замке. А все из-за Пивза, увлеченно игравшего в теннис с самим собой в холле первого этажа и заставившего их ждать до тех пор, пока игра ему не наскучила.

Хагрид уже упаковал Норберта в огромный деревянный ящик.

— Я там ему кучу крыс запихнул и бренди тоже приготовил, чтоб не проголодался по пути, — произнес Хагрид приглушенным голосом. — Я ему еще туда плюшевого мишку положил, чтоб он по дороге не скучал.

Из ящика доносились странные звуки: Гарри показалось, что как раз в этот момент плюшевому мишке отрывали голову.

— Прощай, Норберт! — срывающимся голосом выдавил из себя Хагрид. — Мамочка никогда тебя не забудет!

Гарри и Гермиона встали по обе стороны ящика и набросили на себя мантию.

Позже они бы и сами не смогли объяснить, как им удалось доволочь ящик до замка. Была уже почти полночь, когда они втащили ящик на первый этаж, и, немного передохнув, снова подхватили его и двинулись по темным коридорам.

Каким-то чудом им удалось подняться сначала по одной лестнице, потом по другой. Даже тот факт, что Гарри уже хорошо изучил замок и знал кратчайший путь к цели, не облегчал их ношу.

— Почти пришли! — тяжело выдохнул Гарри, утирая пот, когда они оказались в коридоре под самой высокой башней.

Они уже снова подхватили ящик, настроившись на последнее усилие, когда в коридоре раздался какой-то шум. Забыв, что они невидимы, они резко отступили в тень, глядя в темные очертания двух борющихся друг с другом людей. И вдруг зажглась лампа

Профессор МакГонагалл в ночной рубашке из клетчатой шотландки и с сеточкой для волос на голове крепко держала за ухо вырывающегося Малфоя.

— Вас ждет дисциплинарное наказание! — вскричала она, увидев, кто перед ней. — И двадцать штрафных очков! Как вы посмели ходить по школе посреди ночи?!

— Вы не понимаете, профессор! — визжал Малfoy. — Гарри Поттер — он скоро будет здесь! С драконом!

— Что за чушь! — возмутилась профессор МакГонагалл. — Как вы смеете мне лгать?! Идемте, Малfoy, а утром я поговорю о вас с профессором Снеггом!

После того, что случилось, почти отвесная винтовая лестница, ведущая на башню, показалась им чем-то просто несерьезным. И уже через несколько минут они оказались на свежем воздухе и, сбросив с себя мантию перевелили дух. Гермиона вдруг начала приплясывать.

— Малfoy ждет наказание! — радостно выкрикнула она. — Я так счастлива, что даже петать хочется!

— Не надо, — посоветовал Гарри, хотя настроение у него тоже было просто прекрасное.

Наверное, они странно смотрелись со стороны — уставшие, мокрые, улыбающиеся своим мыслям. Стоявший между ними ящик, наверное, тоже смотрелся странно — особенно если учесть, что он сильно покачивался из стороны в сторону. Возможно, Норберту тоже стало весело.

Десять минут спустя из темноты спланировали четыре метлы. Друзья Чарли оказались веселыми людьми и к транспортировке Норберта отнеслись, как к забавному приключению. Тем более что они уже все продумали и захватили с собой специально изготовленное для этого случая крепление. Когда еще минут через десять метлы поднялись в воздух, между ними висел большой деревянный ящик

Гарри и Гермиона проводили его глазами, а когда он пропал из виду, пошли вниз по винтовой лестнице. На душе у них было легко. Норберт улетел, Малfoy им больше не угрожал и разве могло что-нибудь омрачить их радость?

Ответ поджидал их у подножия лестницы. Как только они спустились по ней, из мрака вынырнуло лицо Филча.

— Так-так-так, — прошептал он. — Кажется, у нас серьезные проблемы.

Гарри только сейчас понял, что мантия-невидимка осталась на крыше.

Глава 15

ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

Наверное, ничего хуже с Гарри приключиться просто не могло.

Филч прямиком повел их на первый этаж, в кабинет профессора МакГонагалл, где они молча сидели, ожидая появления профессора. Гермиона дрожала и едва сдерживала слезы. Гарри судорожно пытался придумать подходящее оправдание и какую-нибудь невероятную историю, объяснявшую их ночное бдение, но каждая новая версия была слабее предыдущей.

Похоже, они влипли в серьезную переделку. И сожалеть о том, что он забыл мантию на башне, было уже поздно. Гарри не видел, как они смогут оправдаться перед профессором МакГонагалл, к тому же они не просто бродили посреди ночи по школе, но были пойманы спускающимися из самой высокой башни, куда вообще запрещалось подниматься, кроме как на уроки астрономии. А если профессор выяснит про Норберта и найдет на крыше мантию, то Гарри и Гермионе придется паковать свои чемоданы — в этом сомнений не было.

Однако Гарри зря думал, что ничего хуже и придумать нельзя. Он ошибался. Потому что наконец появившаяся в кабинете профессор МакГонагалл вела за собой Невилла.

— Гарри! — завопил Невилл, словно забыл о присутствии преподавателя. — Я пытался вас разыскать и предупредить, я услышал, как Малфой рассказывает своим друзьям, что поймает вас ночью, когда вы будете с дра...

Гарри яростно замотал головой, показывая Невиллу чтобы тот немедленно замолчал, но профессор МакГонагалл это заметила. Вид у нее был такой, что стоит ей выдохнуть воздух, из рта ее ударит столб огня — такой, какой Норберту и не снился.

— Я никогда бы не поверила, что вы способны на такой поступок, — медленно выговорила она. — Мистер Филч сказал, что вы поднимались на астрономическую башню. Сейчас час ночи. Объяснитесь.

В первый раз за все время своего пребывания в школе Гермиона не нашла что ответить. Она застыла, как статуя, глаза опустились и уткнулись в пол.

— Кажется, я понимаю, что происходит, — произнесла наконец профессор МакГонагалл, не дождавшись ответа. — Не надо быть гением, чтобы догадаться. Вы скормили Драко Малфой идиотскую историю про дракона, рассчитывая, что он посреди ночи выйдет из спальни и наткнется на кого-то из преподавателей. Что ж, я уже его поймала. Видимо, вы полагаете, что это смешно, что не только Малфой клюнул на вашу историю, но и Невилл Долгопупс?

Гарри поймал взгляд Невилла и попытался сказать ему без слов, что это неправда, потому что вид у Невилла был ошеломленный и оскорбленный. Гарри было жаль неуклюжего беднягу Невилла, ведь он, такой пугливый и нерешительный, нашел в себе силы, чтобы выйти ночью из спальни и попробовать найти Гарри, чтобы предупредить его.

— Это омерзительно! — заключила профессор МакГонагалл. — Подумать только-четверо учеников бродят ночью по школе! Раньше такого никогда не случалось! Я думала, что вы куда разумнее, мисс Грейнджер. А что касается вас, Поттер, я думала, что принадлежность к факультету Гриффиндор значит для вас куда больше. Что ж, вы все трое будете наказаны — да, и вы тоже, мистер Долгопупс, ничто не дает вам права ходить по школе посреди ночи, тем более сейчас, когда это особенно опасно. Кроме дисциплинарного наказания, вы получаете пятьдесят штрафных очков.

— Пятьдесят? — с трудом выдохнул Гарри. С таким штрафом Гриффиндор терял свое первенство в Кубке школы — первенство, установлению которого он лично способствовал во время последнего матча по квиддичу.

— Пятьдесят очков каждый, — добавила профессор МакГонагалл, шумно выдыхая воздух — ноздри ее длинного тонкого носа широко раздувались.

— Профессор, пожалуйста... — взмолилась Гермиона.

— Вы не можете... — подхватил Гарри.

— Не говорите мне, что я могу и чего не могу, вы поняли, Поттер?! А теперь возвращайтесь в спальню. Мне никогда в жизни не было так стыдно за Гриффиндор!

Минус сто пятьдесят очков. Теперь факультет Гриффиндор оказывался на последнем месте. Возможно, он еще мог выиграть Кубок по квиддичу, но в соревновании между факультетами ему не победить. И все из-за того, что они потеряли сто пятьдесят очков за одну ночь. Гарри казалось, что сердце его вот-вот разорвется на части, потому что шансов исправить ошибку не было.

Гарри не спал всю ночь. Он слышал, как плачет в подушку Невилл, но не знал, как его успокоить. Он знал, что Невилл, как и он сам, больше всего боится рассвета. А точнее, того, что случится, когда весь факультет узнает, что они сделали.

Поначалу никто не понял, что произошло, и, глядя на огромную доску, на которой фиксировались очки факультета, все подумали, что это ошибка. Такого просто не могло быть — ну представьте, как может получиться, что утром у факультета стало на сто пятьдесят очков меньше, чем было вечером? Но уже через час после подъема все выяснилось — что во всем виноват Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, член сборной команды по квиддичу и герой двух последних матчей. Он и еще двое глупых первоклашек.

Гарри, еще вчера бывший самым популярным учеником школы и всеобщим любимцем, в одно мгновение превратился в самого презираемого и ненавидимого. Даже школьники с факультетов Пуффендуй и Когтевран резко изменили свое отношение к нему, потому что всем хотелось, чтобы Слизерин наконец уступил школьный Кубок кому-то другому. Куда бы Гарри ни пошел, на него показывали пальцами и во весь голос, даже не пытаясь перейти на шепот, произносили в его адрес всякие обидные слова. Только школьники из Слизерина при виде Гарри начинали рукоплескать и громко выкрикивать: «Мы твои должники, Поттер!»

Поддерживал его только Рон.

— Вот увидишь, через несколько недель все об этом забудут, — успокаивал он Гарри. — Фред и Джордж за то время, пока они здесь, получили тонны штрафных очков, а их все равно все любят.

— Но они ведь никогда не получали по минус сто пятьдесят очков за один раз? — грустно спросил Гарри

— Ну, в общем, нет, — признался Рон.

Было слишком поздно для того, чтобы как-то исправить свою ошибку, но Гарри все равно поклялся себе ни во что не ввязываться. Пора было заканчивать с ночными похождениями и слежкой за Снеггом. Гарри было так стыдно за свой проступок что он даже пошел к Вуду и предложил отчислить его из сборной по собственному желанию.

— Отчислить?! — громовым голосом переспросил Вуд. — И что нам это даст? Если мы не будем выигрывать в квиддич, как же нам тогда зарабатывать очки?

Но даже квиддич потерял для Гарри свою привлекательность. На тренировках с ним никто не разговаривал, а если кто-то был вынужден обратиться к нему, то называл его просто ловцом.

Гермиона и Невилл тоже страдали. Но хотя с ними, как и с Гарри, никто не разговаривал, им пришлось куда легче, чем ему, потому что они не были такими известными личностями. Однако Гермиона даже перестала, вопреки своему обыкновению, привлекать к себе внимание на уроках. Она сидела, опустив голову, и молча выполняла задания.

Гарри был почти рад, что до экзаменов осталось не так уж много времени. Подготовка к экзаменам и повторение пройденного помогали ему хоть ненадолго отвлечься от случившегося. Гарри, Рон и Гермиона после ужина возвращались в Общую гостиную, садились втроем и занимались до поздней ночи, запоминая составы сложных зелий, заучивая наизусть заклинания и контр-заклинания, зазубривая даты волшебных открытий и восстаний гоблинов.

Однако, когда до экзаменов осталась примерно неделя, решимость Гарри не вмешиваться ни во что его не касающееся подверглась серьезному испытанию. Как-то днем, возвращаясь в одиночестве из библиотеки, он услышал подозрительно знакомое хныканье, доносившееся из соседнего кабинета. Подойдя поближе, он услышал из-за двери голос Квиррелла.

— Нет-нет... пожалуйста, не начинайте снова. — Похоже было, что кто-то угрожает Квирреллу.

Гарри огляделся и бесшумно приблизился вплотную к двери.

— Хорошо, хорошо. — В голосе Квиррелла звучали слезы.

В следующую секунду Квиррелл вылетел из кабинета, поправляя свой тюрбан. Гарри чудом успел отскочить в сторону, и профессор даже не заметил его. Квиррелл был бледен и выглядел так, словно сейчас разрыдается. Гарри дождался, пока тот удалится, и заглянул в комнату. Там никого не было, но зато в противоположном конце кабинета имелась вторая дверь, распахнутая настежь. Гарри уже направился к ней, но тут вспомнил о своем намерении не лезть в чужие дела.

Он стал свидетелем странного разговора, и это очень беспокоило его. Он готов был поспорить с кем угодно хоть на десяток философских камней, что это Снегг вышел через другую дверь. А судя по тому что Гарри успел услышать, Снегг своего добился. Потому что было похоже, что Квиррелл сдался и рассказал то, что от него требовали.

Гарри развернулся и пошел обратно в библиотеку, где Гермиона проверяла познания Рона в астрономии.

— Значит, Снегг все из него вытянул! — заключил Рон, когда Гарри рассказал об услышанном. — И теперь он знает, как снять наложенное Квирреллом заклинание против Темных сил...

— Да, но остается Пушок, — напомнила Гермиона.

— Возможно, Снегг сам узнал, как пройти мимо него, и ему уже не нужно выведывать это у Хагрида, — предположил Рон, обводя взглядом окружающие их тысячи книг. — Я уверен, что в одном из этих томов написано, как приструнить гигантского трехголового пса. Так что мы будем делать, Гарри?

У Рона заблестели глаза — похоже, ему снова захотелось приключений. Но не успел Гарри открыть рта, чтобы ему ответить, как в разговор встряла Гермиона

— Мы пойдем к Дамблдору, — категорично заявила она. — Надо было давным-давно к нему пойти. А если мы попытаемся сделать что-нибудь самостоятельно, то наверняка опять попадемся, и тогда нас точно выгонят из школы.

— Но у нас нет доказательств! — возразил Гарри. — Квиррелл слишком напуган, чтобы подтвердить нашу версию. А Снеггу достаточно просто сказать, что он не знает, как в Хэллоуин тролль попал в замок, и что он даже близко не подходил к третьему этажу. И кому, как вы думаете, поверят? Ему или нам? К тому же ни для кого не секрет, что мы его ненавидим. И Дамблдор решит, что мы все это придумали, чтобы Снегга уволили. Филч никогда нам не поможет — даже если он обо всем догадывается. Филч слишком дружен со Снеггом, да к тому же я уверен что Филч только обрадуется, если нас отчислят из школы. И не забывайте — мы ничего не знаем о философском камне и Пушке. Если выяснится, что мы знаем, то нам слишком многое придется объяснять Гермиона согласно кивнула, но у Рона было свое мнение.

— Если мы проведем небольшое расследование... — начал он.

— Нет, — тихо, но весомо произнес Гарри. — Хватит с нас расследований.

Он притянул к себе карту Юпитера и начал изучать названия его лун.

— Готов поспорить, что теперь вы серьезно задумаетесь, прежде чем нарушить школьные правила. Если вы спросите меня, я вам отвечу, что лучшие учителя для вас — это тяжелая работа и боль... Жалко, что прежние наказания отменили. Раньше провинившихся подвешивали к потолку за запястья и оставляли так на несколько дней. У меня в кабинете до сих пор лежат цепи. Я их регулярно смазываю на тот случай, если они еще понадобятся... Ну все, пошли! И не вздумайте убежать, а то хуже будет.

Они шли сквозь тьму — света от лампы Филча хватало ровно настолько, чтобы увидеть, что у тебя под ногами. Невилл беспрестанно чихал, а Гарри гадал, какое именно наказание их ждет. Должно быть, это было что-то ужасное, иначе Филч так бы не радовался.

В небе светила яркая луна, но на нее все время наплывали облака и погружали землю во мрак. Вдруг впереди показались огоньки. Гарри понял, что они приближаются к хижине Хагрида. А потом послышался и голос великана.

— Это ты там, что ли, Филч? Давай поживее, пора начинать.

У Гарри словно камень с души свалился. Если наказание заключалось в том, чтобы выполнить

какую-то работу под руководством Хагрида, это было просто великолепно. Должно быть, испытанное им облегчение нарисовалось на его лице, потому что Филч издевательски произнес:

— Полагаю, ты думаешь, что вы тут развлекаться будете с этим придурком? Нет, ты не угадал, мальчик. Вам предстоит пойти в Запретный лес. И я сильно ошибусь, если скажу, что все вы выйдете оттуда целыми и невредимыми...

На следующее утро за завтраком Гарри, Невиллу и Гермионе принесли записки. Во всех было написано одно и то же:

Для отбытия наказания будьте сегодня в одиннадцать часов вечера у выхода из школы. Там вас будет ждать мистер Филч.

Гарри совсем забыл, что из-за набранных им штрафных очков ему придется отбывать наказание. Он ждал, что Гермиона запричитает: мол, из-за этого они потеряют целую ночь занятий. Но она промолчала. Как и Гарри, она не сомневалась, что заслужила наказание.

В одиннадцать часов вечера они попрощались с Роном и спустились вниз. Филч был уже там вместе с Малфоем. Гарри даже забыл о том, что Малфой тоже наказан.

— Идите за мной, — скомандовал Филч, зажигая лампу и выводя их на улицу. А потом зло усмехнулся. — Услышав это, Невилл застонал, а Малфой остановился как вкопанный.

— В лес? — переспросил он, и голос у него был совсем не такой самоуверенный, как обычно. — Но туда нельзя ходить ночью! Там опасно. Я слышал, там даже оборотни водятся.

Невилл крепко ухватил Гарри за рукав и судорожно глотнул воздух.

— Ну вот, какой ты рассудительный стал. — В голосе Филча была радость. — Об оборотнях надо было думать прежде, чем правила нарушать.

Из темноты к ним вышел Хагрид, у его ног крутился Клык. Хагрид держал в руке огромный лук, на его плече висел колчан со стрелами.

— Наконец-то, — произнес он. — Я уж тут полчаса как жду. Гарри, Гермиона, как дела-то у вас?

— Я бы на твоём месте не был с ними так дружелюбен, Хагрид, — холодно сказал Филч. — В конце концов, они здесь для того, чтобы отбыть наказание.

— А, так вот чего ты так опоздал-то? — Хагрид смерил Филча суровым взглядом. — Все лекции им читал небось, ага? Не тебе этим заниматься, понял? А теперь иди, нечего тебе здесь делать.

— Я вернусь к рассвету... и заберу то, что от них останется. — Филч неприятно ухмыльнулся и пошел обратно к замку, помахивая лампой.

Малфой, проводив его полным испуга взглядом, повернулся к Хагриду.

— Я в лес не пойду, — заявил он, и Гарри обрадовался, услышав в его голосе страх.

— Пойдешь, если не хочешь, чтобы из школы выгнали, — сурово отрезал Хагрид. — Нашкодил, так теперь плати за это.

— Но так нельзя наказывать... мы ведь не прислуга, мы школьники, — продолжал протестовать Малфой. — Я думал, нас заставят сто раз написать какой-нибудь текст или что-то в этом роде. Если бы мой отец знал, он бы...

— Он бы тебе сказал, что в Хогвартсе делать надо то, что велят, — закончил за него Хагрид. — Тексты он, понимаешь, писать собрался! А кому от того польза? Ты чего-то полезное теперь сделать должен — или выметайся отсюда. Если думаешь, что отец твой обрадуется, когда тебя завтра увидит, так иди обратно и вещи собирай. Ну давай, чего стоишь?

Малфой не двинулся с места. Он бросил на Хагрида яростный взгляд, но тут же отвел глаза.

— Значит, с этим закончили, — подытожил Хагрид. — А теперь слушайте, да внимательно, потому как опасная это работа — то, что нам сегодня сделать нужно. А мне не надо, чтоб с кем-то из вас случилось что-нибудь. За мной пошли.

Хагрид подвел их почти вплотную к лесу и, высоко подняв над головой лампу, указал на узкую тропинку, теряющуюся среди толстых черных стволов. Гарри почувствовал, как по его коже побежали мурашки, и ему очень хотелось верить, что во всем виноват налетевший ветерок

— Вон смотрите... пятна на земле видите? — обратился к ним Хагрид. — Серебряные такие, светящиеся? Это кровь единорога, так вот. Где-то там единорог бродит, которого кто-то серьезно поранил.

Уже второй раз за неделю такое. Я в среду одного нашел, мертвого уже. А этот жив еще, и надо нам с вами его найти, беднягу. Помочь или добить, если вылечить нельзя.

— А если то, что ранило единорога, найдет нас? спросил Малфой, не в силах скрыть охвативший его ужас.

— Нет в лесу никого такого, кто б вам зло причинил, если вы со мной да с Клыком сюда пришли, — заверил Хагрид. — С тропинки не сходите — тогда нормально все будет. Сейчас на две группы разделимся и по следам пойдем... в разные стороны, потому как их тут... ну... куча целая, следов. И кровь повсюду. Он, должно быть, со вчерашней ночи тут шатается, единорог-то... а может, и с позавчерашней.

— Я хочу вести собаку! — быстро заявил Малфой, глядя на внушительные собачьи клыки.

— Хорошо, но я тебя предупрежу: псина-то трусливая, — пожал плечами Хагрид. — Значит, так, Гарри и Гермиона со мной пойдут, а ты, Малфой, и ты, Невилл, с Клыком будете. Если кто находит единорога, зеленые искры посылает, поняли? Палочки доставайте и потренируйтесь прямо сейчас... ага, вот так А если кто в беду попадет, тогда пусть красные искры посылает, мы сразу на помощь придем. Ну все, поосторожнее будьте... а сейчас пошли, пора нам.

В лесу царили тьма и тишина. Они углубились в него, и вскоре тропа разделилась. Гарри, Гермиона и Хагрид пошли налево, а вторая группа двинулась направо.

Они шли абсолютно молча, шаря глазами по земле. Лунный свет, пробивающийся сквозь кроны деревьев, освещал пятна голубовато-серебристой крови, покрывшие опавшую листву.

Гарри заметил, что Хагрид выглядит очень озабоченным.

— Может, это волк-оборотень убивает единорогов? — спросил Гарри.

— Не, у него для этого скорости маловато, — отмахнулся Хагрид. — Да и не по силам ему... ну... с единорогом справиться — он же волшебный, и могучий вдобавок. Вообще не пойму, кто такое мог сделать, и не слышал никогда, чтобы кто-то единорога убил.

Они прошли мимо поросшего мхом пня. Гарри услышал шум воды, должно быть, поблизости был ручей. На извилистой тропинке то здесь, то там виднелись пятна крови.

— Ты в порядке, Гермиона? — прошептал Хагрид. — Не волнуйся, найдем мы его скоро... не мог он с такой-то раной далеко уйти. Найдем, а там уж... БЫСТРО ЗА ДЕРЕВО, ОБА!

Хагрид схватил в охапку Гарри и Гермиону и, сойдя с тропинки и сделав несколько шагов в сторону, поставил их под высоченный дуб. А сам выхватил из колчана стрелу и натянул тетиву лука, готовясь выстрелить. Вокруг стояла полная тишина, но постепенно Гарри начал различать какие-то звуки. Похоже, кто-то крался к ним по опавшей листве, кто-то, одетый в волочившуюся по земле мантию. Хагрид пристально смотрел туда, откуда доносился звук, но через какое-то время звук исчез.

— Так я и знал, — прошептал Хагрид. — Бродит тут кое-кто, кому здесь делать нечего.

— Волк-оборотень? — спросил Гарри.

— Не, не он... и не единорог, — мрачно ответил Хагрид. — Ладно, пошли за мной, и поосторожнее. Давайте.

Они медленно двинулись дальше, вслушиваясь тишину И вдруг уловили какое-то движение на видящейся впереди опушке.

— Кто там? — крикнул Хагрид. — Покажись — или стрелять буду!

Из темноты вышло нечто непонятное — то ли человек, то ли лошадь. До пояса это был человек с рыжими волосами и бородой, но от пояса начиналось лоснящееся, каштанового цвета

лошадиное тело с длинным рыжеватым хвостом. Гарри и Гермиона от удивления раскрыли рты.

— А, это ты, Ронан. — В голосе Хагрида послышалось облегчение. — Как дела-то?

Хагрид подошел к кентавру и пожал ему руку.

— Добрый вечер, Хагрид, — приветствовал его Ронан. Голос у него был низкий и полный печали. — Ты хотел меня убить?

— Да нет... я ж не знал, что это ты, а сейчас... ну, особо осторожным надо быть, — пояснил Хагрид, кивнув на свой лук — Что-то плохое по этому лесу бродит. Да, забыл совсем... это Гарри Поттер, а это Гермиона Грэйнджер. Школьники наши, из Хогвартса. А это Ронан. Он кентавр.

— Мы заметили, — слабым голосом ответила Гермиона.

— Добрый вам вечер, — обратился к ним кентавр. — Значит, вы школьники? И много вы уже выучили в школе?

Гарри дернул Гермиону за рукав, боясь, что она сейчас начнет хвастаться. Но необходимости в этом не было, поскольку кентавр произвел на нее слишком сильное впечатление.

— Немножко, — робко ответила Гермиона.

— Немножко. Что ж, это уже кое-что. — Ронан вздохнул, откинул голову и уставился в небо. — Марс сегодня очень яркий.

— Ага, — подтвердил Хагрид, тоже посмотрев вверх. — Слушай, Ронан, а я так даже рад, что мы тебя встретили. Мы тут единорога ищем раненого, ты не видел ничего?

Ронан медлил с ответом. Какое-то время он не мигая смотрел в небо, а потом снова вздохнул.

— Всегда первыми жертвами становятся невинные, — произнес он. — Так было много веков назад, так происходит и сейчас.

— Ага, — согласился Хагрид. — Так ты видел чего, а, Ронан? Необычное чего-то?

— Марс сегодня очень яркий, — повторил Ронан, словно не замечая нетерпеливого взгляда Хагрида. — Необычайно яркий.

— Да, но я-то не про Марс, а про кое-что поближе, — заметил Хагрид. — Так ты ничего странного не видел?

И снова Ронан ответил не сразу. Прошло какое-то время, прежде чем он открыл рот.

— Лес скрывает много тайн.

Звук, донесшийся из чащи, заставил Хагрида снова вскинуть лук, но это оказался второй кентавр, с черными волосами и черным телом. Вид у него был более дикий, чем у Ронана.

— Привет, Бэйн, — поприветствовал его Хагрид. — Все в порядке?

— Добрый вечер, Хагрид. Надеюсь, что и у тебя все хорошо, — вежливо ответил кентавр.

— Хорошо, хорошо. — Хагрид пытался скрыть нетерпение, но это у него плохо получалось. — Слушай, я вот тут Ронана спрашиваю не видел ли он... э-э... чего странного в последнее время? Тут единорог раненый бродит. Ты... ну... может, слышал об этом чего?

Бэйн подошел к Ронану и тоже поднял глаза к небу

— Марс сегодня очень яркий, — заметил он.

— Да слышали мы уже про Марс-то, — сердито проворчал Хагрид. — Ладно, если чего, мне сообщите. Ну все, пошли мы.

Гарри и Гермиона двинулись за ним, оглядываясь на кентавров, пока тех не загородили деревья.

— Ну никогда кентавры эти напрямую ничего не ответят, — раздраженно заметил Хагрид. —

Звездочеты проклятые! Если что поближе луны находится, это им неинтересно уже.

— А их тут много? — поинтересовалась Гермиона.

— Да хватает, — неопределенно ответил Хагрид. — Они в основном друг дружки держатся, но... э-э... если мне надо чего, появляются сразу, как чувствуют. Умные они, кентавры... и знают много всего... вот только не рассказывают.

— Так ты думаешь, что тот звук, который мы слышали, прежде чем встретить Ронана, что это тоже был кентавр? — спросил Гарри.

— Разве похоже было, что копыта по земле стучат? — ответил Хагрид вопросом на вопрос. — Не, я тебе так скажу: это тот был, кто единорогов убивает. Я в лесу раньше таких звуков не слышал — так что он это.

Они шли сквозь почти сплошную черную стену деревьев. Гарри не переставал нервно оглядываться. У него было неприятное ощущение, что за ними следят. И он был очень рад тому, что рядом с ними Хагрид, а у Хагрида есть лук.

Извилистая тропинка снова сделала резкий поворот, но едва они прошли его, как Гермиона ухватила Хагрида за руку.

— Хагрид, смотри! Красные искры, они в опасности!

— Здесь ждите! — проорал Хагрид. — И с тропинки ни шагу. А я вернусь скоро!

Они слышали, как он ломится через заросли. А потом снова наступила тишина, только листья шелестели вокруг. Гарри и Гермионе было очень страшно. Они стояли и смотрели друг на друга, словно это поможет им не увидеть того, чего следует опасаться, а то, чего следует опасаться, не увидит их.

— Ты думаешь, они попали в беду? — прошептала Гермиона

— Если так Малфой мне не жалко, а вот Невилл... — Гарри запнулся, чувствуя свою вину. — Он ведь оказался здесь из-за нас с тобой... Из-за меня...

Время словно застыло — минуты тянулись, как часы. Гарри ощутил, что слух его обострился до предела. Ему казалось, что он слышит каждый вздох ветра, каждый треск ветвей. А в голове его вертелись два вопроса: что произошло с Невиллом и почему так долго не возвращается Хагрид?

Вскоре громкий треск оповестил о появлении Хагрида. Малфой, Невилл и Клык шли за ним. Хагрид был вне себя от ярости. Оказалось, что Малфой зашел Невиллу за спину и схватил его сзади, чтобы напугать. Невилл запаниковал и выхватил палочку.

— Эти двое такой шум подняли, что не знаю, как нам теперь найти удастся то, зачем мы здесь, — пожаловался Хагрид. — Так по-другому разделимся — Невилл и Гермиона со мной пойдут, а ты, Гарри, бери клыка и этого идиота.

Хагрид подмигнул Гарри и наклонился к нему.

— Ты меня извини, — прошептал он. — Но с тобой у этого дурака номер такой не пройдет... ну... чтоб напугать тебя. А нам дело надо сделать, понимаешь?

Так что Гарри пошел с Клыком и Малфоем. Они уходили все глубже в лес, и где-то через полчаса деревья окончательно преградили им путь. Гарри показалось, что пятен крови тут куда больше. Все корни деревьев были забрызганы кровью, словно несчастное создание металось здесь, обезумев от боли. Сквозь толстые ветви стоявшего перед ними древнего дуба Гарри увидел поляну.

— Смотри, — произнес он, вытягивая руку и показывая на блеск, исходивший от земли.

Они пролезли между ветвями дуба и вышли на поляну. В нескольких метрах от них лежал единорог, он был мертв. Гарри никогда не видел такой печальной и такой прекрасной картины. У единорога были длинные стройные ноги и жемчужного цвета грива

Гарри сделал еще шаг вперед и вдруг застыл, услышав шорох. Кусты на другом конце поляны зашевелились, и из тени выступила облаченная в длинный балахон фигура с брошенным на голову капюшоном. Кто-то крался к ним, как вышедший на охоту зверь. Гарри, Малфой и Клык

были не в силах пошевелиться. Однако фигура в балахоне их не замечала. Некто подошел к мертвому животному, опустился на колени и склонился над огромной рваной раной в боку единорога. И... начал пить кровь.

— А-А-А-А-А!

Малфой, издав дикий крик, бросился бежать, а вслед за ним устремился трусливый Клык. Фигура в балахоне подняла голову и уставилась на Гарри. Гарри отчетливо видел, как с невидимого лица на балахон капала кровь. Потом фигура поднялась с земли и сделала несколько быстрых шагов по направлению к Гарри. А Гарри от испуга даже не мог пошевелиться.

Вдруг он ощутил, как его голову пронзила острая боль, какой раньше никогда не было: казалось, что шрам на лбу вспыхнул ярким пламенем. Полуослепший от боли, Гарри попятился назад. Внезапно сзади раздался стук копыт, и что-то огромное пронеслось мимо него, воинственно устремляясь к фигуре в балахоне.

Боль была такой сильной, что Гарри упал на колени. Однако через минуту или две боль прошла так же внезапно, как и появилась. Когда Гарри наконец поднял голову, фигуры в балахоне на поляне уже не было, а над ним стоял кентавр. Не Ронан и не Бэйн — этот был моложе, у него были белокурые волосы и белое тело в черных пятнах.

— С вами все в порядке? — спросил кентавр, помогая Гарри подняться на ноги.

— Да, спасибо, — неуверенно пробормотал Гарри. — А что это было?

Кентавр не ответил и молча посмотрел на Гарри своими поразительно синими глазами, напоминавшими бледные сапфиры. Глаза кентавра задержались на шраме Гарри, который, казалось, налился кровью и увеличился в размерах.

— Вы — сын Поттеров. — Кентавр не спрашивал, он знал, кто перед ним. — Вам лучше вернуться к Хагриду. В лесу сейчас опасно, особенно для вас. Вы умеете ездить верхом? Так будет быстрее. Кстати, меня зовут Флоренц.

Кентавр опустился на передние ноги, чтобы Гарри смог вскарабкаться на его спину. И тут до них донесся стук копыт. На поляну вылетели Ронан и Бэйн. Они тяжело дышали, а тела их блестели от пота.

— Флоренц! — прогремел Бэйн. — Что ты делаешь? У тебя на спине человек! Тебе не стыдно? Ты что, верховая лошадь?

— Вы разве не поняли, кто это? — спокойно спросил Флоренц. — Это сын Поттеров. Чем быстрее он покинет лес, тем лучше для него.

— Что ты ему рассказал? — прорычал Бэйн. — Запомни, Флоренц, мы поклялись не препятствовать тому, что должно случиться по воле небес. Разве движение планет не показало нам, что произойдет в ближайшее время?

Ронан нервно рыл копытом землю. — Я думаю, Флоренц решил, что так будет лучше, — мрачно произнес он.

— Лучше?! — Бэйн от негодования взбрыкнул задними ногами. — Все происходящее не имеет к нам никакого отношения! Кентавры не должны мешать тому, что предсказано звездами! И не наше дело, подобно ослам, бегать по лесу в поисках заблудившихся людей!

Флоренц в приступе гнева поднялся на дыбы, и это произошло так внезапно, что Гарри пришлось вцепиться ему в плечи, чтобы удержаться на нем.

— Ты что, не видишь этого единорога? — яростно крикнул он, обращаясь к Бэйну. — Ты что, не понимаешь, почему его убили? Или планеты не открыли тебе эту тайну? Лично я против того, кто рыщет по лесу, и я готов помочь людям в борьбе с ним.

Флоренц резко развернулся и галопом устремился в чашу, оставив позади Ронана и Бэйна. Гарри с трудом удерживался на кентавре, но думал не о том, что может упасть, а о том, что происходит.

— Почему Бэйн так разозлился? — шепнул он, когда кентавр сбавил скорость. — И кстати... от кого вы меня спасли?

Флоренц перешел на шаг, попросив Гарри пригнуться, чтобы не удариться головой о низко растущие ветви. Он совсем не торопился отвечать на заданный вопрос. Они так долго шли в полной тишине, что Гарри решил, будто кентавр не хочет с ним разговаривать. Но когда они пробирались сквозь почти непроходимый участок леса, Флоренц вдруг остановился.

— Гарри Поттер, вы знаете, зачем нужна кровь единорога?

— Нет, — удивленно ответил Гарри, не понимая, почему кентавр задал ему такой странный вопрос. — На уроках по зельям мы использовали только толченый рог и волосы из хвоста.

— Это потому, что убийство единорога считается чудовищным преступлением, — заметил Флоренц. — Только тот, кому нечего терять и кто стремится к полной победе, способен совершить такое преступление. Кровь единорога спасает жизнь, даже если человек на волосок от смерти... Но человек дорого заплатит за это. Если он убьет такое прекрасное и беззащитное существо ради собственного спасения, то с того момента, как кровь единорога коснется его губ, он будет проклят.

Гарри ждал, что Флоренц повернется к нему, но перед глазами его был лишь серебристый затылок кентавра.

— Но кто же решился на такое? — спросил он. — Если тебе предстоит быть навеки проклятым, то уж лучше умереть, чем убивать единорога, правда?

— Правда, — согласился Флоренц. — Но он делает это ради того, чтобы набраться сил и завладеть напитком, который полностью восстановит его силы и сделает его бессмертным... Мистер Поттер, вы знаете, что сейчас спрятано в школе?

— Философский камень, — не задумываясь, выпалил Гарри. — Ах да, конечно, он ведь не только превращает все в золото, он еще и эликсир жизни! Но я не понимаю, кому...

— Разве вы не знаете того, кто много лет ждал, пока сможет вернуть себе силы, того, кто все эти годы цеплялся за жизнь, дожидаясь своего шанса?...

Гарри показалось, что его сердце стянул железный обруч. Заглушая шорох деревьев, в ушах его прозвучали слова, сказанные ему Хагридом в ту ночь, когда они встретились: «Кое-кто говорит, что он умер. А я так считаю, что чушь все это. Думаю, в нем ничего человеческого уже не осталось — а ведь только человек может умереть».

— Вы хотите сказать, — хрипло начал Гарри. — Вы хотите сказать, что это Волан...

— Гарри! Гарри, ты в порядке?

К нему со всех ног бежала Гермиона, за ней, тяжело дыша, следовал Хагрид.

— Я в порядке, — автоматически ответил Гарри, даже не отдавая себе отчета в том, что именно говорит. — Единорог мертв, Хагрид, он лежит на поляне в глубине леса.

— Здесь я вас оставляю, — прошептал Флоренц, когда Хагрид поспешно удалился, чтобы лично увидеть единорога. — Теперь вы в безопасности.

Гарри соскользнул с его спины.

— Удачи вам, Гарри Поттер, — произнес кентавр. — И раньше случалось, что движение планет истолковывалось неправильно, даже кентаврами. Я надеюсь, что этот случай как раз один из тех.

Он повернулся и исчез в лесу, а Гарри, дрожа, смотрел ему вслед.

Рон спал в Общей гостиной — видимо, он ждал их возвращения и незаметно для себя задремал. Когда Гарри грубо потряс его, Рон начал выкрикивать что-то про нарушения правил игры, словно ему снился матч по квиддичу. Однако через несколько секунд Рон полностью проснулся и, вытаращив глаза, слушал рассказ Гермионы и Гарри.

Гарри был настолько взволнован, что не мог сидеть и ходил взад-вперед по комнате, стараясь держаться поближе к камину. Его по-прежнему бил озноб.

— Снегг хочет украсть камень для Волан-де-Морта. А Волан-де-Морт ждет в лесу... А все это время мы Думали, что Снегг хочет украсть камень, чтобы стать богатым... А Волан-де-Морт...

— Не произноси это имя! — испуганным шепотом попросил Рон. Казалось, он боится, что Волан-Де-Морт может их услышать.

Гарри проигнорировал просьбу.

— Флоренц спас меня, но он не должен был так поступать... Бэйн был в ярости... Он говорил, что Флоренц помешал свершиться тому, что предвещали планеты... Должно быть, они предвещали возвращение Волан-де-Морта... Бэйн считает, что Флоренц должен был позволить Волан-де-Морту убить меня. Я думаю, звезды предсказали мою смерть.

— Да перестань же ты произносить это имя! — прошипел Рон.

— Так что мне только осталось дожждаться того момента, когда Снегг украдет камень, — продолжал Гарри. Его глаза лихорадочно блестели, а тело сотрясала мелкая дрожь. — Тогда Волан-де-Морт сможет прийти сюда и прикончить меня... Думаю, Бэйн будет счастлив.

— Гарри, но ведь все говорят, что единственный, кого когда-либо боялся Ты-Знаешь-Кто, — это профессор Дамблдор. — Видно было, что Гермиона страшно напугана, но она все же нашла для Гарри слова утешения. — Пока он здесь, Ты-Знаешь-Кто не придет сюда и тебя не тронет. Да и кто сказал, что кентавры правильно истолковали расположение звезд? На мой взгляд, это обычное предсказание будущего, как по руке или картам. А профессор МакГонагалл говорит, что это очень неточная наука.

Когда они закончили беседу, уже светало. От долгих разговоров у Гарри пересохло в горле, и сил ему хватило только на то, чтобы добраться до постели. Но оказалось, что ночные сюрпризы еще не закончились.

Откинув одеяло, Гарри увидел под ним аккуратно сложенную мантию-невидимку. К мантии была прикреплена записка. В ней было всего три слова:

На всякий случай.

Глава 16

ПРЫЖОК В ЛЮК

Впоследствии Гарри так и не мог понять, как ему удалось сдать экзамены, в то время как он ждал, что в любой момент в школу ворвется Волан-де-Морт.

Правда, философский камень все еще оставался на месте — Гарри регулярно подходил к двери, ведущей в запретный коридор. Он прикладывал к ней ухо, чтобы убедиться, что Пушок жив и здоров. Однако это вовсе не означало, что так же будет завтра или даже через полчаса.

На улице стояла ужасная жара. В огромном кабинете, в котором они писали экзаменационные работы, было не только жарко, но и невыносимо душно. Перед экзаменами всем раздали специальные перья, заколдованные так, что тот, кто брал в руки это перо, лишался возможности хитрить.

У них были и практические экзамены. Профессор Флитвик по одному приглашал их в свой кабинет и требовал заставить плясать лежащий на столе ананас. Профессор МакГонагалл дала им задание превратить мышь в табакерку. Количество полученных за экзамен очков зависело от того, насколько красивой получалась табакерка. Но если у табакерки были усы, балл автоматически снижался. А на экзамене у профессора Снегга все жутко перенервничали, пытаясь вспомнить, как приготовить зелье, отнимающее память.

Гарри старался изо всех сил, пытаясь не обращать внимания на сильную колющую боль во лбу, которая беспокоила его с той ночи в лесу. Невилл был убежден, что Гарри просто перенервничал из-за экзаменов и именно поэтому не может спать по ночам. Но правда заключалась в том, что каждую ночь Гарри просыпался от старого кошмара. Только теперь он был еще кошмарнее, потому что, кроме вспышки ярко-зеленого света и ледяного смеха, во сне ему являлась закутанная в балахон фигура с лицом, закрытым капюшоном. С невидимого лица капала кровь.

Рон и Гермиона гораздо меньше беспокоились по поводу сохранности философского камня. Наверное, потому, что они не видели того, что видел в лесу Гарри. А может быть, потому, что у них не было шрамов, которые горели бы огнем. Мысль о возможном появлении Волан-де-Морта их, конечно, пугала. Но он не приходил к ним в снах. К тому же они были так сильно заняты повторением пройденного, что у них не оставалось времени на то, чтобы беспокоиться насчет Снегга.

Последним экзаменом была история магии. Им предстояло в течение часа письменно ответить на вопросы о древних выживших из ума волшебниках — кто из них изобрел самопомешивающийся котел и все в том же духе. А впереди их ждала свобода. Целая неделя свободы до объявления результатов экзаменов. И когда профессор Бинс сказал, что пора сдавать работы, Гарри ликовал вместе с остальными.

— Я думала, все будет гораздо сложнее, — заметила Гермиона, когда они вместе с другими учениками вышли на залитый солнцем школьный двор. — Оказалось, что мне даже не надо было учить наизусть кодекс волков-оборотней тысяча шестьсот тридцать седьмого года и историю восстания Элфрика Нетерпеливого.

Гермиона всегда любила после экзамена обсуждать, написанную работу, но Рон заявил, что ему от этого становится плохо. И они не спеша спустились к озеру и сели под дерево. На берегу веселились близнецы Уизли и Ли Джордан — они дергали за щупальца заплывшего на теплое мелководье кальмара.

— Больше никаких повторений, — вздохнул Рон, вытягиваясь на траве, и на его лице появилось выражение неопишемого счастья. — А ты, Гарри, мог бы выглядеть и повеселее — в конце концов до объявления результатов экзаменов у нас еще целая неделя.

Гарри потер лоб.

— Думаешь, я не хотел бы знать, что со мной происходит?! — взорвался он. — Шрам постоянно болит — такое и раньше случалось, но редко. А сейчас боль вообще почти не проходит.

— Сходи к мадам Помфри, — предложила Гермиона

— Но я же не болен, — возразил Гарри. — Я думаю, это предупреждение... И оно означает, что мне грозит опасность...

Рон безмятежно улыбнулся. Ему было слишком жарко чтобы серьезно задуматься над словами Гарри.

— Расслабься, ведь Гермиона права, — посоветовал он. — До тех пор пока поблизости находится Дамблдор, камень в безопасности. И к тому же у нас нет доказательств, что Снегг узнал, как пробраться мимо Пушка. В прошлый раз пес едва не откусил ему ногу, так что теперь он не будет действовать в спешке. А Хагрид никогда никому не расскажет, как усмирить Пушка. Скорее, Невилла возьмут в сборную Англии по квиддичу, чем Хагрид предаст Дамблдора.

Гарри кивнул, но он не мог избавиться от неясного ощущения, что есть что-то важное, о чем он забыл. Он попытался объяснить то, что он чувствует, но Гермиона его перебила.

— Во всем виноваты экзамены, Гарри, — заявила она. — Я, например, прошлой ночью проснулась и начала листать тетрадь по трансфигурации и только через час вспомнила, что этот экзамен мы уже сдали.

Это звучало убедительно. Но Гарри не сомневался, что беспокоящее его чувство не имеет к экзаменам никакого отношения. Он уставился в ярко-голубое небо, заметив летящую в сторону замка сову. В клюве у нее было письмо. Единственный, от кого Гарри получал письма с совой, был Хагрид. Хагрид, который никогда не предаст Дамблдора. Хагрид, который никогда никому не расскажет, как пройти мимо Пушка... Никогда... Но...

Гарри резко вскочил на ноги.

— Ты куда? — сонно поинтересовался Рон.

— Я только что кое о чем вспомнил, — пояснил Гарри. Лицо его побелело. — Нам надо срочно пойти к Хагриду.

— Зачем? — десять минут спустя уже в сотый раз спрашивала Гермиона, пытаясь не отстать от несущегося впереди Гарри.

— Вы не думаете, что все это очень странно? — наконец произнес Гарри, взбираясь по поросшее травой склону. — Странно, что больше всего на свете Хагрид мечтал о драконе. И тут вдруг появился незнакомец, у которого чудесным образом в кармане оказалось яйцо дракона. Ведь разведение драконов запрещено. А как вы думаете, сколько людей с драконьими яйцами в карманах бродит по Англии? И скольким улыбается удача, и они встречают своего Хагрида? Почему же я раньше об этом не подумал?

— Не пойму, о чем это ты? — недоуменно спросил Рон, но Гарри уже перешел на бег и потому не ответил.

Хагрид сидел в кресле в двух шагах от своей хижины, закатав рукава рубахи и подвернув штанины, и лушил горох. У его ног стояла большая кастрюля.

— Привет! — произнес он, улыбаясь. — Ну как, сдали все? Чайку хотите?

— С удовольствием... — начал Рон, но Гарри оборвал его.

— Нет, Хагрид, мы торопимся. Мы заглянули просто для того, чтобы кое-что у тебя уточнить. Помнишь ту ночь, когда ты выиграл в карты Норберта? На кого был похож тот незнакомец?

— Не знаю. — Хагрид пожал плечами. Вопрос его явно не беспокоил. — Он был в капюшоне.

Хагрид заметил, как Гарри, Рон и Гермиона застыли, и недоуменно поднял брови.

— Да это обычное дело в «Кабаньей голове»... ну... в этом... в баре в деревенском. Там ведь куча всякого... э-э... странного народа ошивается. Кого угодно встретить можно, точно, — объяснил он. — Может, это торговец драконами был, вот лицо и прятал, незаконно же это. Так что не видел я, на кого он похож.

Гарри опустил на землю.

— А о чем ты с ним разговаривал, Хагрид? Ты говорил, что работаешь в Хогвартсе?

— Может быть. — Хагрид стал необычайно серьезным. Похоже, ему требовались усилия, чтобы вспомнить тот вечер. — Да... он вроде спросил, чем я занимаюсь. А я ему рассказал, что лесником при школе работаю... Он меня еще спрашивал... э-э... про зверей разных, за

которыми я тут присматриваю... Ну, я ему ответил... А потом сказал, что всегда... ну... мечтал дракона иметь... А потом... Плохо я помню, он мне все время выпивку покупал... Сейчас, сейчас... Ага, он потом сказал, что у него яйцо есть и коли я хочу, мы на него можем в карты сыграть... И еще... вот... спрашивал меня, умею ли я с драконами обращаться. Не хотел он его лишь бы кому проигрывать... А я ему рассказал, что... того... после Пушка с драконом я запросто управлюсь...

— А он... он спрашивал что-нибудь про Пушка? — спросил Гарри, с трудом сохраняя спокойствие.

— Ну... да... А чего тут такого? Думаешь, много по свету трехголовых псов бродит? Ну, я и рассказал про Пушка... ну... что он милашка, если знаешь, как с ним обходиться надо, да! Ему только спой, или на флейте поиграй немного, или еще на каком инструменте, и он уснет сразу, и...

На лице Хагрида внезапно появился испуг.

— Не должен был я вам такое говорить! — взревел он. — Забудьте, короче, что я тут наболтал! Эй, вы куда?

Гарри, Рон и Гермиона не сказали друг другу ни слова, пока не оказались в замке. Тут было очень холодно и мрачно — не то что под открытым небом.

— Нам надо пойти к Дамблдору — заявил Гарри. — Хагрид сказал тому незнакомцу, как пройти мимо Пушка. А это был или Снегг, или Волан-де-Морт,

спрятавший лицо под капюшоном и напоивший Хагрида, чтобы тот не смог его узнать. Надеюсь, Дамблдор нам поверит. И может быть, Флоренц подтвердит мои слова, если Бэйн ему не помешает. Кстати, а где кабинет Дамблдора?

Они огляделись, словно рассчитывая увидеть указатель или табличку. Им никогда не говорили, где живет и работает Дамблдор. И они не помнили, чтобы кого-то когда-то вызывали к профессору.

— Нам придется... — начал Гарри, но его оборвал донесшийся издалека голос.

— Что вы, трое, делаете в замке?

К ним приближалась профессор МакГонагалл. В руках у нее была стопка книг.

— Мы хотим увидеть профессора Дамблдора, — отважно выступила вперед Гермиона, поразив своей смелостью Гарри и Рона.

— Увидеть профессора Дамблдора? — переспросила профессор МакГонагалл с таким видом, словно слова эти показались ей подозрительными. — А зачем?

Гарри глубоко втянул воздух — у него были секунды на то, чтобы принять решение.

— Это секрет, — произнес он, решив, что не надо посвящать профессора МакГонагалл в детали дела. И сразу понял, что ошибся, потому что ее ноздри начали гневно раздуваться.

— Профессор Дамблдор отбыл десять минут назад, — холодно произнесла профессор МакГонагалл. — Он получил срочную сову из Министерства магии и немедленно вылетел в Лондон.

— Он улетел? — произнес Гарри слабым голосом. — в такое время?

— Видите ли, мистер Поттер, профессор Дамблдор очень известный волшебник, и у него часто появляются срочные, неотложные дела.

— Но это важно, — настойчиво произнес Гарри хотя понимал, что все это звучит неубедительно.

— Вы хотите сказать, Поттер. — Профессор МакГонагалл не прибавила к его фамилии свое обычное «мистер». Это означало, что она уже вне себя и лишь усилием воли держит себя в руках — Вы хотите сказать, что ваше дело куда более важное, чем то, по которому профессор Дамблдор вылетел в Министерство магии?

— Послушайте, профессор, — неуверенным тоном начал Гарри, вдруг сказав себе, что сейчас

ему надо отбросить осторожность. — Это касается философского камня...

Неизвестно, что ожидала услышать от него профессор МакГонагалл, но явно не эти слова. Книги выпали из ее рук, но она даже не заметила этого.

— Откуда... откуда вы знаете? — нервно выговорила она.

— Профессор, я думаю... я знаю... что Сне... — Гарри осекся, тут же поправившись. — Что кто-то хочет похитить философский камень. Мне необходимо-поговорить с профессором Дамблдором.

Профессор МакГонагалл была в шоке от услышанного. Но своей подозрительности не утратила и продолжала внимательно разглядывать Гарри.

— Профессор Дамблдор вернется завтра, — наконец произнесла она после продолжительной паузы. — Я не имею представления о том, как вы узнали о камне, но будьте уверены, что его весьма надежно охраняют и никому не удастся его украсть.

— Но профессор...

— Поттер, я знаю, о чем говорю, — отрезала профессор МакГонагалл. Она нагнулась и начала собирать упавшие книги. — Я думаю, что вам троим лучше выйти на улицу и как следует насладиться хорошей погодой.

Она ушла, но они не последовали ее совету.

— Это произойдет сегодня вечером, — заявил Гарри, как только профессор МакГонагалл отошла достаточно далеко и уже не могла их услышать. — Сегодня Снегт заберется в тайник. Он узнал все, что ему надо, и дождался, пока Дамблдор уедет. Я уверен, что это он послал Дамблдору сову, а в Министерстве магии все ужасно удивятся, когда к ним заявится Дамблдор.

— Но что нам...

Гермиона поперхнулась воздухом. Гарри и Рон, заметив, что она смотрит за их спины, быстро оглянулись. Позади них стоял Снегт.

— Добрый день, — вежливо поздоровался он. Они молча смотрели на него, широко открыв глаза.

— Не стоит упускать возможность насладиться хорошей погодой, — произнес Снегт со странной кривой усмешкой.

— Мы... — начал Гарри, совершенно не представляя, что собирается сказать.

— Вы должны проявлять разумную осторожность, — закончил за него Снегт. — У вас такой вид, что можно предположить, будто вы что-то затеваете. А ваш факультет не может позволить себе еще сотню штрафных очков, не так ли?

Гарри густо покраснел. Он уже повернулся к Снегту спиной, когда тот окликнул его.

— Я вас предупреждаю, Поттер, еще одна ночная прогулка по школе, и я лично позабочусь о том, чтобы вас исключили. А сейчас — хорошего вам дня.

Снегт развернулся и пошел по направлению к учительской.

Они выходили из замка, спускаясь по каменным ступеням, когда Гарри повернулся к остальным.

— Вот что мы должны сделать, — горячо прошептал он. — Один из нас должен следить за Снеггом. Нужно встать у учительской и пойти за ним, когда он из нее выйдет. Это задание для тебя, Гермиона.

— Но почему я?

— Это очевидно, — ответил Рон. — Ты можешь сказать, что ждешь профессора Флитвика, ты же его любимица, как и многих других, кстати. А если Флитвик окажется в учительской, ты найдешь, что ему сказать. «О, профессор Флитвик, я так волнуюсь, мне кажется, что в экзаменационной работе я неправильно ответила на вопрос 146...»

— Замолчи, — бросила Гермиона. Рон очень похоже изобразил ее и ее голос, но, кажется, Гермиона вовсе не обиделась. — Ну ладно, я согласна.

— А мы будем караулить в коридоре третьего этажа. — Гарри повернулся к Рону. — Пошли.

Но план не сработал. Не успели они подойти к двери, за которой находился Пушок, как неизвестно откуда появилась профессор МакГонагалл. На сей раз она своих эмоций не сдерживала.

— Я полагаю, вы считаете, что вы куда более надежные сторожа, чем десяток заклинаний?! — громко возмутилась профессор. — Хватит этой чепухи! Если я еще раз увижу вас около этой двери или кто-то расскажет мне о том, что видел вас здесь, Гриффиндор получит еще пятьдесят штрафных очков. Да, Уизли, мой собственный факультет!

Гарри и Рон вернулись в Общую гостиную Гриффиндора, и не успел Гарри сказать, что по крайней мере Снегг сейчас под присмотром, как в комнату вошла Гермиона.

— Мне очень жаль, Гарри! — прохныкала она. — Снегг вышел из учительской и спросил меня, что я тут делаю. Я сказала, что жду Флитвика. А Снегг пошел и позвал его. И я только что от него отделалась. А пока я разговаривала с Флитвиком, Снегг ушел, и теперь я не знаю, где он.

— Ну что ж, похоже, час пробил, не так ли? — медленно выговорил Гарри. Он был бледен, но глаза его сверкали.

Рон и Гермиона молча уставились на него.

— Сегодня ночью я выйду из спальни и попытаюсь первым завладеть камнем. — В голосе Гарри была отчаянная решимость.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Рон.

— Ты не сможешь! — подхватила эстафету Гермиона. — После того, что тебе сказали МакГонагалл и Снегг? Да тебя же отчислят!

— И ЧТО? — выкрикнул Гарри. — Неужели вы ничего не понимаете? Если Снегг украдет камень, Волан-де-Морт вернется! Разве вы не слышали о тех временах, когда он пытался захватить власть? Тогда уже никого не выгонят из Хогвартса, потому что школы просто не будет! Волан-де-Морт сровняет ее с землей или превратит в школу Темных искусств! Так что штрафные очки уже не имеют никакого значения! Допустим, вы выиграете соревнование между факультетами. И что? Волан-де-Морт оставит в покое вас и ваши семьи? Если меня поймают прежде, чем я доберусь до камня, что ж, мне придется вернуться обратно к Дурслям и там ждать, пока Волан-де-Морт найдет меня. Я просто умру позже, чем мог бы умереть, если бы ничего не предпринял сегодня потому что я никогда не перейду на Темную сторону! И потому сегодня я пойду туда, где хранится камень. И что бы вы, двое, ни сказали, меня это не остановит! Если вы помните, Волан-де-Морт убил моих родителей. Я не могу сидеть сложа руки и ждать, когда он начнет убивать других...

Закончив монолог, Гарри пристально посмотрел на Рона и Гермиону словно ожидал, что они начнут с ним спорить. Но они молчали.

— Ты прав, Гарри, — через какое-то время тихим голосом откликнулась Гермиона.

— Я использую мантию-невидимку — заявил Гарри. — Мне повезло, что мне ее вернули.

— Ты думаешь, мы трое под ней уместимся? — по интересовался Рон.

— Что значит — мы трое? — не понял Гарри.

— Да перестань ты, — отмахнулся Рон. — Ты что, думал, мы оставим тебя одного?

— Конечно, не оставим, — горячо подтвердила Гермиона. — Ты думаешь, тебе удастся без нашей помощи добраться до камня? А сейчас я пойду и полистаю учебники, может быть, наткнусь на полезную, информацию...

— Но если нас поймают, вас тоже исключат, — заметил Гарри.

— Ну уж нет, — мрачно ответила Гермиона. — Флитвик сказал мне по секрету, что на его экзамене я набрала сто двадцать баллов, хотя выше сотни никому не ставят. Не думаю, что меня выгонят после такого.

Рон промолчал — ему козырять было явно нечем.

После ужина они вернулись в гостиную и сели отдельно друг от друга, чтобы никто не подумал, что они что-то замышляют. Хотя зайти сюда профессор МакГонагалл, она бы сразу предположила обратное. Но учителя сюда не заходили, а все остальные предпочитали Гарри не замечать — с ним до сих пор никто не разговаривал. И это был первый вечер, когда Гарри это не огорчало.

Гермиона перелистывала свои записи, надеясь, что это поможет ей расколдовать заклинания, охраняющие камень. А Гарри и Рон молчали, обдумывая то, что им предстоит сделать.

Постепенно комната пустела. Близилось время сна.

— Иди за мантией, — прошептал Рон, когда из комнаты, зевая и потягиваясь, наконец вышел Ли Джордан. Гарри метнулся вверх в темную спальню. Он вытащил из-под подушки мантию, и тут его взгляд упал на флейту, которую на Рождество подарил ему Хагрид. Гарри поспешно засунул флейту в карман — он был не в том настроении, чтобы петь, даже для Пушки И бегом спустился в гостиную.

— Лучше наденем мантию прямо здесь и убедимся, что она скрывает нас всех, — предложил Гарри. — Если Филч вдруг увидит, как по коридору бредет одна нога, он...

— Что вы задумали? — донеслось из угла комнаты.

Все трое резко повернули головы, увидев застывшего в кресле Невилла. Он держал в руках свою свободолюбивую жабу. Судя по всему, та опять попыталась улизнуть, и Невилл оказался в углу именно потому что искал ее.

— Все в порядке, Невилл, ничего особенного, — успокоил его Гарри, поспешно пряча мантию за спину.

Невилл внимательно посмотрел на их виноватые лица.

— Вы снова собираетесь выйти из спальни посреди ночи, — уверенно заявил он.

— Нет-нет-нет! — затараторила Гермиона. — Конечно же нет. Почему бы тебе не пойти спать, Невилл?

Гарри покосился на высокие стоячие часы у двери. Они больше не могли терять время, ведь возможно, что как раз в этот момент Снег напелал Пушку колыбельную.

— Вам нельзя отсюда уходить, — упрямо заявил Невилл. — Вас снова поймают. И у нашего факультета будет еще больше проблем.

— Ты не понимаешь, — не выдержал Гарри. — Это очень важно.

Но Невилл был явно настроен очень решительно.

— Я не выпущу вас. — Он встал, загораживая собой выход в коридор. — Я... Я буду с вами драться!

— Невилл! — взорвался Рон. — Отойди от портрета и не будь идиотом...

— Не смей называть меня идиотом! — парировал Невилл. — Я считаю, что вы не должны больше нарушать правила! А ты, Рон, сам учил меня, что надо уметь за себя постоять!

— Да, но ведь мы твои друзья. — Рон развел руками. — Невилл, ты не понимаешь, что ты делаешь.

Он шагнул вперед, и Невилл выпустил из рук своего Трегора, который упал на пол и тут же скрылся в неизвестном направлении.

— Ну тогда попробуй ударить меня! — Невилл поднял кулаки. — Я жду!

Гарри повернулся к Гермионе.

— Сделай что-нибудь, — в отчаянии попросил он. Гермиона выступила вперед.

— Прости, Невилл, — негромко сказала она. — Мне очень-очень жаль.

И подняла палочку.

— *Петрификус Тоталус!* — воскликнула она, указывая палочкой на Невилла.

Руки Невилла рванулись к бокам, громко хлопнув по телу. Ноги рывком соединились вместе. Невилл вытянулся и застыл, покачиваясь. А потом упал лицом вниз.

Гермиона подбежала к Невиллу и перевернула его. Челюсти Невилла были крепко сжаты — говорить он не мог. Только глаза его двигались, с ужасом глядя на них

— Что ты с ним сделала? — прошептал Гарри.

— Это полная парализация тела, — грустно ответила Гермиона. — О, Невилл, мне так жаль.

— Ты нас вынудил, Невилл, у нас нет времени все тебе объяснять, — добавил Гарри.

— Позже ты все поймешь, Невилл, — поставил точку в разговоре Рон.

Неподвижно лежащий на полу Невилл показался им плохим предзнаменованием. Мантия надежно укрывала всех троих. Но они все равно нервничали и в окружавшей их темноте принимали каждую статую за притаившегося Филча, а любое дуновение ветра, даже еле слышное и очень отдаленное, — за приближение Пивза.

Не успели они подойти к самой первой лестнице, как у ее подножия нарисовалась миссис Норрис.

— Может, пнуть ее, давно мечтал об этом, — прошептал Рон в ухо Гарри, но тот отрицательно помотал головой. Они аккуратно прокрались мимо кошки. И хотя миссис Норрис внимательно смотрела на них своими напоминающими лампы глазами, она явно их не видела, потому что ничего не предприняла.

Больше им пока никто не попадался. Но стоило им подойти к лестнице, ведущей на третий этаж, как они заметили Пивза. Напевая, он что-то делал с лежавшим на лестнице ковром. Судя по всему, готовил сюрприз для школьников, которые, ступив на этот ковер, должны были споткнуться и упасть.

— Кто здесь? — внезапно спросил Пивз, когда они приблизились к нему. Его злобные черные глаза стали еще злее. — Я знаю, что ты здесь, хотя тебя не вижу. Ты дух или привидение? А может быть, школьник?

Пивз поднялся в воздух и завис там, внимательно глядя в их сторону.

— Надо позвать Филча, — задумчиво проговорил Пивз. — Сказать ему, что по школе шляется кто-то невидимый.

Гарри внезапно пришла в голову идея.

— Пивз, — произнес он хриплым шепотом. — У Кровавого Барона есть свои причины на то, чтобы быть невидимым.

Пивз от страха чуть не упал на лестницу. Он был уже у самой земли, когда спохватился и завис, едва не касаясь ступеней.

— Извините, ваша кровавость, господин Барон, — подобострастно заюлил он. — Я ошибся, о, я ошибся... я вас не узнал... конечно, я не мог вас увидеть, ведь вы невидимы... простите старому Пивзу его глупую шутку, прошу вас, сэр.

— У меня тут есть дела, Пивз, — проскрипел Гарри — Не появляйся здесь сегодня ночью.

— Разумеется, сэр, конечно же, я так и сделаю, — испуганно пробормотал Пивз, взмывая в воздух. — Желаю вам успеха в ваших делах, господин Барон, и не буду больше вас беспокоить.

И Пивз поспешно скрылся.

— Гениально, Гарри! — прошептал Рон.

Несколько секунд спустя они стояли перед дверью, ведущей в запретный коридор. Дверь была распахнута настежь.

— Ну что ж, — спокойно произнес Гарри. — Значит, Снегг уже прошел мимо Пушка.

Вид открытой двери напомнил всем троим о том, что их ждет впереди. Гарри повернулся сначала к Гермионе, а потом к Рону.

— Если вы хотите уйти, я на вас не обижусь, — сказал он. — Можете взять мантию — здесь она мне уже не понадобится.

— Не будь дураком, — посоветовал Рон.

— Мы с тобой, — подтвердила Гермиона.

Гарри шагнул внутрь, задев дверь. Раздался громкий скрип, и до них донесся раскатистый громopodobный рык. Пес не мог их видеть, но повернул голову в их сторону, приносясь всеми тремя носами. Мантия не могла помешать ему их обнаружить.

— Что это валается у него под ногами? — прошептала Гермиона.

— Похоже на арфу, — ответил Рон. — Должно быть, это Снегг ее здесь оставил.

— Пушок засыпает, когда слышит музыку, и просыпается, когда она замолкает, — напомнил им Гар-Ри. — Ну что, начали?

Он поднес к губам подаренную Хагридом флейту и дунул. Гарри не умел играть на флейте, но это не имело никакого значения. При первых же звуках все шесть глаз Пушка начали закрываться. Гарри дул, не останавливаясь и едва успевая переводить дыхание. Рычание становилось все тише и постепенно стихло. Пес закачался и опустился на брюхо, а потом повалился на бок. Не было никаких сомнений в том, что он крепко спит.

— Продолжай играть! — шепнул Рон, когда они сняли с себя мантию и медленно двинулись к люку, который охранял Пушок. Жаркое зловонное дыхание, вырывавшееся из трех пасть, чувствовалось все сильнее. — Думаю, мы легко откроем люк, — заверил их Рон, вставая на цыпочки и бросая взгляд за спину Пушка. — Хочешь пойти первой, Гермиона?

— Нет, ни за что! — воскликнула та, отступая назад.

— Хорошо. — Рон скрипнул зубами, собираясь с силами, и опасно переступил через лапы Пушка. А потом нагнулся над люком и потянул за кольцо.

— Что ты там видишь? — возбужденно прошептала Гермиона.

— Ничего. Темнота. Никаких ступеней не видно, придется прыгать.

Гарри, продолжавший играть на флейте, поднял руку и помахал, привлекая внимание Рона. А потом указал пальцем на себя.

— Ты хочешь пойти первым? Уверен? — переспросил Рон. — Честно говоря, не знаю, как далеко нам придется лететь. Отдай флейту Гермионе, Пушок не должен проснуться.

Гарри протянул флейту Гермионе. Прошло несколько секунд, прежде чем та поднесла ее к губам, а трехголовый монстр уже задергался и зарычал. Но как только до него донеслись звуки флейты, он снова погрузился в сон.

Гарри переступил через Пушка и заглянул в люк. Дна видно не было.

Он пролез в дыру, крепко держась за края люка, и наконец повис на кончиках пальцев. А потом поднял глаза на Рона.

— Если со мной что-то случится, уходи отсюда, — произнес он. — Беги к Хагриду, чтобы тот немедленно отправил к Дамблдору сову, понял?

— Понял, — кивнул Рон.

— Надеюсь, скоро увидимся...

И с этими словами Гарри разжал пальцы и полетел вниз. Он все летел и летел, прорезая холодный влажный воздух, а дна все не было, и...

ПЛЮХ!

Гарри приземлился со странным приглушенным звуком — похоже, он упал на что-то мягкое. Он сел и огляделся. Глаза его еще не привыкли к темноте, но было такое ощущение, словно он

сидит на каком-то растении.

— Все в порядке! — прокричал он, подняв голову вверх, где в вышине светился открытый люк, отсюда казавшийся размером с почтовую марку. — Можешь прыгать, тебя ждет мягкая посадка!

Через мгновение рядом с Гарри оказался Рон.

— Это что за штука? — первым делом спросил он.

— Не знаю, какое-то растение, наверное, — покачал головой Гарри. — Я думаю, оно здесь специально, чтобы смягчить приземление. Давай, Гермиона!

Доносившаяся сверху музыка смолкла. Послышался громкий лай, но Гермиона уже летела к ним и вскоре приземлилась по соседству.

— Мы, наверное, в нескольких километрах под школой, — заметила она.

— Это точно. Нам повезло, что здесь есть это растение, — улыбнулся Рон.

— Повезло?! — внезапно взвизгнула Гермиона. — Да вы посмотрите на себя!

Она вскочила на ноги и попятилась к отсыревшей стене. Сделала она это с большим трудом, потому что в тот момент, когда она приземлилась, растение сразу начало обвиваться вокруг ее лодыжек. А что касается Гарри и Рона, то длинные ползучие побеги умудрились связать их ноги так что они даже этого не заметили.

Гермиона успела освободиться прежде, чем растение смогло ее опутать, и теперь, прижавшись к стене, она с ужасом смотрела, как Гарри и Рон пытаются сорвать с себя стебли. Но чем больше усилий они прикладывали, тем сильнее и быстрее обвивались вокруг них змееподобные побеги.

— Не двигайтесь! — приказала Гермиона. — Я знаю, что это. Это «дьявольские силки»!

— Я ужасно рад, что это именно так называется! — прорычал Рон, пытаясь помешать стеблю, пытавшемуся обвиться вокруг его шеи. — Это, конечно, нам поможет!

— Заткнись, я пытаюсь вспомнить, как убить его! — отозвалась Гермиона.

— Тогда побыстрее, мне уже дышать нечем! — выдавил Гарри, борясь со стеблем, обвившимся вокруг его груди.

— Дьявольские силки, дьявольские силки, — напряженно повторяла Гермиона, морща лоб. — Что там говорила профессор Стебль? Это растение любит мрак и влажность...

— Так разведи огонь! — крикнул Гарри, задыхаясь.

— Да, разумеется, но что мне поджечь? Я нигде не вижу ничего деревянного, честное слово! — В голосе Гермионы слышалось отчаяние, она нервно заламывала руки.

— ТЫ С УМА СОШЛА? — проревел Гарри. — ТЫ ВОЛШЕБНИЦА ИЛИ НЕТ?

— Ой, верно! — Гермиона выхватила волшебную палочку и взмахнула ей, что-то шепча. Из палочки вырвалось синее пламя — такое же, каким она подпалила на матче по квиддичу одежду Снегга. Буквально через секунду Рон и Гарри почувствовали, как слабеют объятия стеблей. Растение стремилось уползти подальше от света и тепла. Судорожно извиваясь и вращаясь, охватившие их отростки поспешно разматались и наконец исчезли.

— Как хорошо, что ты была внимательна на занятиях по травологии, Гермиона, — произнес Гарри, утирая пот с лица.

— Ага, — поддакнул Рон. — И как хорошо, что Гарри не потерял голову в минуту опасности. «Но что мне поджечь? Я не вижу ничего деревянного...» — передразнил он Гермиону.

— Пошли. — Гарри махнул рукой в сторону единственного каменного прохода, который вел отсюда.

Все, что они слышали — кроме своих шагов, разумеется, — были капли воды, падающие со стен. Коридор резко пошел вниз, и Гарри вспомнил «Гринготтс». Сердце его сжалось, когда в памяти всплыли слова Хагрида о том, что, по слухам, сейфы в банке охраняют драконы.

Возможно, так было и в этом месте, очень похожем на банковское подземелье. А что, если они встретят дракона, большого, взрослого дракона, хотя, признаться, и Норберта было бы достаточно...

— Слышите? — прошептал Рон.

Гарри прислушался. Откуда-то сверху доносилось мягкое шуршание и тихий звон.

— Думаешь, это привидение? — спросил он Рона.

— Не знаю... — Рон пожал плечами. — Но вообще похоже на крылья.

Гарри задумался.

— Там впереди свет... И я вижу, что там что-то движется, — наконец произнес он. — И чем бы это ни было, другого выхода у нас нет.

Они дошли до конца коридора и очутились у входа в ярко освещенный зал с высоким дугообразным потолком. Зал был полон порхающих и кружащихся птиц — маленьких и ярких, как драгоценные камни. На другой стороне зала виднелась тяжелая деревянная дверь.

— Думаешь, они нападут на нас, если мы попытаемся пройти через зал? — спросил Рон.

— Возможно. — Гарри задумался. — На вид они не особенно опасны, но если нападут все разом... Ну что ж, другого пути нет... Я попробую...

Гарри шумно втянул в себя воздух, закрыл голову руками и метнулся к двери. Он был готов к тому, что в любое мгновение в него вонзятся острые клювы и когти, но этого не произошло. Гарри добежал до двери и схватился за ручку — дверь оказалась запертой.

Убедившись, что птицы не опасны, Гарри повернулся к Рону и Гермионе и махнул им рукой.

Они дружно тянули дверь на себя и толкали ее плечами, но даже втроем не смогли ее открыть. Не помогло даже заклинание *Алохомора*, которое несколько раз произнесла Гермиона.

— И что теперь? — поинтересовался Рон.

— Эти птицы... Они не могут быть здесь просто так, для украшения, — с умным видом заметила Гермиона.

Они подняли головы, разглядывая порхающих у них над головами птиц — ярких, блестящих... Блестящих?

— Это не птицы! — внезапно крикнул Гарри. — Это — ключи! Крылатые ключи! Присмотритесь повнимательнее — сами увидите. Это ключи, а значит...

Гарри огляделся по сторонам.

— Ну конечно, смотрите! — воскликнул он. — Метлы! Мы должны поймать нужный ключ!

— Но их здесь сотни! — ужаснулась Гермиона. Рон наклонился к двери, изучая замок

— Нам нужен большой старинный ключ... скорее всего, серебряный, такой же, как дверная ручка.

Они быстро оседлали метлы, поднялись в воздух и оказались в облаке ключей. Сначала они пытались наобум ухватить то, что им нужно. Но заколдованные ключи уворачивались, резко пикируя или набирая высоту, так что казалось, что поймать их просто невозможно.

Однако Гарри не зря стал самым молодым ловцом за последние сто лет. У него был дар замечать вещи, которых не замечают другие. Покружив несколько минут в водовороте из разноцветных перьев, он заметил огромный серебряный ключ с помятым крылом. Было похоже, что его совсем недавно уже ловили и с силой всовывали в замок

— Вот он! — крикнул Гарри, обращаясь к остальным. — Этот большой, вот здесь... нет, вон там... с ярко-голубыми крыльями... одно крыло помято!

Рон устремился туда, куда указывал Гарри, врезался в потолок и чуть не свалился с метлы.

— Нам надо окружить его! — прокричал Гарри, не выпуская ключ из виду. — Рон, ты заходи сверху, а ты, Гермиона, оставайся внизу и помешай ему спуститься. Я попробую его схватить. Готовы? НАЧАЛИ!

Рон поднялся вверх, Гермиона рванулась вниз, ключ ускользнул от них обоих, метнувшись в сторону, и Гарри устремился за ним, вытянутой рукой прижав его к стене. Раздался неприятный хруст, который заглушили восторженные возгласы Гермионы и Рона.

Они поспешно приземлились, и Гарри метнулся к двери, чувствуя, как ключ пытается вырваться из его руки. Он с силой вонзил ключ в замок, повернул его и услышал щелчок. В этот момент ключ вырвался из замочной скважины и тяжело взмыл вверх. Вид у него был очень помятый и потрепанный.

— Готовы? — спросил Гарри, держась за дверную ручку. Рон и Гермиона кивнули, и он потянул дверь на себя.

В следующем зале было настолько темно, что вообще ничего не было видно. Однако стоило им сделать несколько шагов, как комнату внезапно залил яркий свет.

Все трое от изумления вытаращили глаза. Они стояли на краю огромной шахматной доски, прямо за черными каменными фигурами, которые были выше их троих, даже долговязого Рона. На другой стороне доски стояли белые фигуры. Гарри, Рон и Гермиона поежились — у белых фигур, в отличие от черных, отсутствовали лица.

— И что нам теперь делать? — прошептал Гарри.

— По-моему, ответ вполне очевиден, — заметил Рон. — Мы должны выиграть, чтобы оказаться на другой стороне зала.

Там, за белыми фигурами, виднелась еще одна дверь.

— И как же нам выиграть? — нервно спросила Гермиона.

— Я думаю, — выговорил Рон после непродолжительного раздумья, — мы должны стать фигурами.

Он смело шагнул вперед и, подойдя к черному всаднику, игравшему роль шахматного коня, коснулся его лошади. В одно мгновение каменная фигура ожила. Лошадь стала рыть копытами землю, а всадник повернул голову в шлеме и посмотрел на Рона сверху вниз.

— Нам... э... нам надо присоединиться к вам, чтобы перебраться на ту сторону? — запинаясь, спросил Рон.

Рыцарь кивнул. Рон повернулся к Гарри и Гермионе.

— Надо подумать, — прошептал он. — Полагаю, нам следует занять места трех черных фигур...

Гарри и Гермиона молча ждали, пока Рон закончит свои размышления.

— Короче так — наконец поднял голову Рон. — Не обижайтесь, но в шахматы я играю куда лучше вас...

— Да мы и не обижаемся, — быстро вставил Гарри. — Просто скажи нам, что делать.

— Ты, Гарри, встань на место того слона. А ты, Гермиона, займи место этой ладьи.

— А ты? — в один голос спросили оба.

— А я буду конем, — уверенно заявил Рон. Похоже, фигуры слушали их разговор, потому что в следующее мгновение конь, слон и ладья повернулись и ушли с доски, освободив три клетки. А Рон, Гарри и Гермиона заняли их не раздумывая.

— Белые всегда начинают, — произнес Рон, глядя на ту сторону доски. — Ага... вот оно...

Белая пешка шагнула на две клетки вперед.

Рон начал руководить черными фигурами, которые покорно вставали туда, куда он им указывал. Гарри почувствовал, что у него дрожат колени. В голове его вертелась только одна мысль: что будет, если они проиграют?

— Гарри, переместись на четыре клетки вперед! — скомандовал Рон.

В первый раз всем троим стало не по себе, когда противник напал на их второго всадника. Белая королева сбила его на пол и стащила с доски — лежавший вниз лицом рыцарь не шевелился.

— Мне пришлось им пожертвовать, — прошептал Рон, хотя, судя по его виду, он тоже был потрясен — но не неожиданностью случившегося, а жестокостью расправы. — Гермиона, теперь ты можешь взять этого слона.

Белые фигуры были безжалостны. Вскоре у доски уже лежала целая гора неподвижных черных тел, а значит, скоро мог прийти и их черед. Уже дважды Рон только в самый последний момент успевал заметить, что Гарри и Гермиона находятся в опасности. Сам Рон беспрерывно метался по доске, и следовало признать, что, несмотря на жестокость противника, белых фигур на ней осталось ненамного больше, чем черных.

— Мы почти у цели, — вдруг лихорадочно зашептал Рон. — Дайте мне подумать... дайте мне подумать...

Белая королева повернула к нему свое отсутствующее лицо.

— Да... — тихо произнес Рон. — Это единственный способ... Мне придется пожертвовать собой.

— НЕТ! — дружно запротестовали Гарри и Гермиона

— Но это шахматы! — крикнул в ответ Рон. — Здесь приходится идти на жертвы! Я сделаю один шаг вперед, и она меня заберет, и тогда ты, Гарри, сможешь объявить королю шах и мат!

— Но... — начал было Гарри.

— Ты хочешь остановить Снегга или нет? — голос Рона был твердым и уверенным.

— Но, Рон... — вмешалась Гермиона.

— Слушайте, если вы не поторопитесь, то камень окажется у Снегга!

Рон был прав, и Гарри с Гермионой не могли этого не признать.

Готовы? — спросил Рон, его бледное лицо было полно решимости. — Я пошел, а вы, когда объявите им мат, не теряйте времени.

Рон шагнул вперед, и белая королева метнулась к нему. Размахнувшись, она с силой опустила свою именную руку на голову Рона, и тот тяжело рухнул на пол. Гермиона закричала от ужаса, но осталась на своей клетке и завороченно смотрела, как белая королева стаскивает Рона с доски. Гарри показалось, что Рон потерял сознание.

Ощущая дрожь во всем теле, Гарри сдвинулся на три клетки влево.

Белый король стащил с себя корону и кинул ее к ногам Гарри. Они победили. Белые фигуры, кланяясь, расступились. Путь был свободен. В последний раз оглянувшись и бросив на Рона полный боли взгляд, Гарри и Гермиона открыли дверь и оказались в следующем коридоре.

— А что, если он... — тихо прошептала Гермиона

— С ним все будет хорошо, — ответил ей Гарри, пытаясь убедить в этом самого себя. — Как думаешь, что нас ждет впереди?

— Со Стебля мы разобрались, я хотела сказать, с ее «дьявольскими силками». С Флитвиком тоже: наверняка это он заколдовал ключи. МакГонагалл оживила шахматные фигуры, это ее работа. Остается Квиррелл... и затем Снегг...

Они оказались перед очередной дверью.

— Готова? — шепнул Гарри.

Гермиона кивнула, и Гарри потянул дверь на себя.

Их встретил такой отвратительный запах, что если бы они не зажали носы, то, наверняка, потеряли бы сознание. Даже глаза слезились, пока они всматривались в полумрак. Наконец они увидели распростертого на полу огромного тролля, значительно превосходившего по

размерам того, которого они победили в Хэллоуин. Тролль явно был без сознания, а на его голове багровела гигантская шишка.

— Хорошо, что нам не пришлось с ним сражаться, — прошептал Гарри. Затаив дыхание, они с Гермионой перешагнули через толстенные ноги. Пойдем отсюда скорее, тут нечем дышать.

Гарри аккуратно приоткрыл следующую дверь и с опаской заглянул внутрь — за ней их могло ждать что угодно. Но в комнате не было ничего страшного. Посредине стоял стол. На нем выстроились в ряд семь разнокалиберных сосудов, наполненных какими-то жидкостями.

— Тролля здесь поставил Квиррелл, а Снегг с ним разобрался, — шепнул Гарри. — Значит, нам остается победить заклятие Снегга. Только вот что нам делать с этими сосудами?

Он подошел к столу, и вдруг позади них из-под пола вырвалось пламя, отсекая путь назад. Судя по ярко-фиолетовому цвету, это был не простой огонь, а волшебный. Тут же языки огня заплясали перед той дверью, которая находилась впереди. Гарри и Гермиона оказались в ловушке.

— Смотри! — Гермиона схватила со стола свиток пергамента.

Гарри перегнулся через ее плечо и прочитал:

— Впереди опасность, то же позади, Но две из нас помогут, ты только их найди. Одна вперед отправит, еще одна — назад, В двух — вино всего лишь, а еще в трех — яд. Ты хочешь здесь остаться на долгие века? Тогда ищи — к тому же подсказка тебе дана. Во-первых, как бы ловко ни скрывался яд, Найти его несложно — от вина левый ряд. Второе — в крайних бутылках налито не одно и то же, Но если вперед тебе надо, помощи зря ты ждешь. Затем ни в большой, ни в малой смерти ты не найдешь, А если из второй слева и второй справа глотнешь, Сам убедишься — налито одно и то же в них, Хотя на взгляд они разные, но это уже в-четвертых.

Гермиона глубоко вздохнула. Гарри поразило то, что она улыбается. Этого он ждал от нее меньше всего.

— Гениально, — произнесла Гермиона. — Это не магия — это логика. Логическая задача. Между прочим, многие величайшие волшебники были не в ладах с логикой, и, попади они сюда, они остались бы здесь навечно.

— Как и мы, — мрачно вставил Гарри. — Разве не так?

— Разумеется, нет, — удивилась Гермиона. — В свитке есть все, что нам надо. На столе семь бутылей: в трех находится яд, в двух — вино, еще одна даст нам возможность вернуться обратно, а седьмая пропустит вперед.

— А как мы узнаем, из какой мы должны отпить? — поинтересовался Гарри.

— Дай мне пару минут, — попросила Гермиона.

Она несколько раз прочитала написанное, а затем начала прохаживаться вдоль стола. Гермиона рассматривала бутылки, тыкала в них пальцем и что-то бормотала себе под нос. Наконец она хлопнула в ладоши.

— Поняла! — сообщила она. — Глоток из самой маленькой бутылочки даст нам возможность пройти вперед, к камню.

Гарри взглянул на крошечную бутылочку.

— Но здесь хватит только на одного из нас, — заметил он. — Здесь только на один глоток.

Они посмотрели друг на друга.

— А какая даст тебе возможность пройти через фиолетовый огонь? — поинтересовался Гарри.

Гермиона ткнула пальцем в крайнюю справа круглую бутылку.

— Вот ты из нее и глотни, — произнес Гарри. — Нет, в самом деле, вернись и заberi Рона. А когда доберетесь до комнаты, где летают ключи, возьмите метлы — они поднимут вас наверх и пронесут мимо Пушка. Когда окажетесь в замке, летите напрямик туда, где спят совы, и отправьте Буклю к Дамлбдору. Он нам очень нужен. Возможно, мне удастся на какое-то время задержать Снегга, но если честно, то вряд ли надолго.

— Но Гарри. — Гермиона побледнела. — А что, если с ним Ты-Знаешь-Кто?

— Ну... Мне ведь повезло когда-то, ты же знаешь. — Гарри дотронулся до шрама. — Может быть, мне повезет еще раз.

У Гермионы дрожали губы, словно она готова была расплакаться. Она вдруг метнулась к Гарри и крепко обняла его.

— Гермиона! — изумленно воскликнул Гарри.

— Гарри, ты великий волшебник — прошептала Гермиона ему на ухо.

— Но я не так хорош, как ты, — произнес Гарри, когда Гермиона разжала объятия. Он чувствовал себя смущенным.

— Я? — удивилась Гермиона. — А что я — ум и книги, вот и все! Но, оказывается, есть куда более важные вещи — например, дружба и храбрость. И, Гарри... будь осторожен!

— Пора, — поторопил ее Гарри. — Ты уверена, что правильно разгадала головоломку?

— Абсолютно, — кивнула Гермиона. Она поднесла к губам круглую бутылку, сделала большой глоток и поежилась.

— Это не яд? — взволнованно спросил Гарри.

— Нет. Но эта жидкость просто ледяная.

— Тебе надо уходить, и побыстрее, — напомнил Гарри, хотя ему вовсе не хотелось оставаться одному. — Пока жидкость не перестала действовать.

— Удачи тебе, и береги себя, — шепнула Гермиона. — И...

— ИДИ!

Гермиона повернулась, прошла сквозь фиолетовое пламя и скрылась из виду. Гарри перевел дыхание и взял в руки самую маленькую бутылочку. А потом повернулся лицом к черному пламени.

— Я иду, — произнес он, одним глотком опустошив бутылку.

Действительно, было такое ощущение, словно он проглотил глыбу льда. Гарри передернулся, поставил бутылочку обратно на стол и пошел вперед. Он собрался с духом, подходя вплотную к черным языкам огня. В следующую секунду пламя лизнуло его, но он ничего не почувствовал. На какое-то мгновение огонь закрыл от него то, что находилось впереди. А затем он оказался в следующем зале. Последнем зале.

Однако тут уже кто-то был. И это был не Снегт. И не Волан-де-Морт. Это был тот, кого Гарри меньше всего рассчитывал здесь увидеть.

ГЛАВА 17

ЧЕЛОВЕК С ДВУМЯ ЛИЦАМИ

Посреди комнаты стоял профессор Квиррелл.

— Вы? — изумленно выдохнул Гарри.

Квиррелл улыбнулся. Лицо его, обычно конвульсивно дергавшееся, на сей раз выглядело абсолютно нормальным.

— Именно, — спокойно подтвердил он. — А я все гадал, встречу ли здесь тебя, Поттер.

— Но я думал... — ошеломленно пробормотал Гарри. — Я думал... что Снегг...

— Северус? — Квиррелл расхохотался, и это было не его обычное дрожащее хихиканье, но ледяной, пронзительный смех — Да, Северус выглядит подозрительно, не правда ли? Похож на огромную летучую мышь, парящую по школе и хватающую невинных учеников. Он оказался мне полезен. При наличии такого Снегга, никто не мог заподозрить б-б-бедного за-за-заикающегося п-п-профессора Квиррелла.

Квиррелл явно издевался, копируя собственное заикание. А Гарри все никак не мог поверить в происходящее. Этого не могло быть, просто не могло.

— Но Снегг пытался убить меня! — воскликнул он, ухватившись за спасительную нить.

— Нет, нет и нет. — Квиррелл категорично замотал головой. — Это я пытался убить тебя, Поттер. Твоя подруга мисс Грэйнджер случайно сбила меня с ног, когда бежала к Снеггу, чтобы подпалить его мантию. Я упал, и зрительный контакт прервался. Мне не хватило нескольких секунд, чтобы сбросить тебя с метлы. Конечно, ты бы давно был мертв, если бы Снегг не пытался спасти тебя. Ведь это именно он бормотал себе под нос контрзаклятие.

— Снегг пытался меня спасти? — Гарри показалось, что он сходит с ума.

— Разумеется, — холодно подтвердил Квиррелл. — А как ты думаешь, с чего это он решил судить следующий матч? Он пытался помешать мне сделать это снова. Это на самом деле смешно — ему вовсе не надо было так стараться. Я все равно ничего не мог сделать, потому что на матче присутствовал Дамблдор. А все преподаватели решили, что Снегг хочет помешать сборной Гриффиндора одержать победу. Так что Снегг сам себя подставил и стал весьма непопулярной личностью... Зря терял время, потому что сегодня ночью ты все равно умрешь.

Квиррелл щелкнул пальцами. Появившиеся из пустоты веревки впились в Гарри, крепко связывая его.

— Ты слишком любопытен, чтобы оставлять тебя в живых, Поттер, — пояснил Квиррелл. — Кто шатался по школе в Хэллоуин? Я чуть не столкнулся с тобой, когда хотел посмотреть, кто охраняет камень.

— Так это вы впустили тролля? — со все возрастающим недоумением спросил Гарри.

— Ну конечно. — Квиррелл, кажется, был удивлен тем, что Гарри никак не может понять, что происходит. — Я наделен особым даром управляться с троллями. Видел, как я обошелся с тем, мимо которого ты прошел по пути сюда? К сожалению, пока все преподаватели искали тролля, Снегг, который уже подозревал меня, пошел прямо на третий этаж, чтобы меня перехватить. И мало того что троллю не удалось тебя убить, так еще и эта трехголовая псина не смогла как следует укунить Снегга и хотя бы отхватить ему ногу. Гарри открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но Квиррелл предостерегающе поднял руку.

— Постой спокойно, Поттер, мне надо исследовать это любопытное зеркало.

Только тогда Гарри увидел то, что стояло позади Квиррелла. Это было зеркало Еиналеж.

— В этом зеркале кроется ключ к камню, — пробормотал Квиррелл, постукивая пальцами по раме. — Следовало догадаться, что Дамблдор придумает что-нибудь в этом духе... Но он в Лондоне... А когда он вернется, я буду уже далеко...

Гарри судорожно пытался что-нибудь придумать. Но все, что пришло ему в голову — это

втянуть Квиррелла в разговор и не давать ему сосредоточиться на зеркале

— Я видел вас со Снеггом в лесу! — выпалил он.

— Да, — рассеянно согласился Квиррелл, обходя вокруг зеркала, чтобы посмотреть, что у него сзади. — Он Уже был уверен в том, что это я, и пытался выведать, как далеко я готов зайти Он с самого начала меня подозревал Пытался меня напугать — как будто это было в его силах! Ведь на моей стороне сам лорд Волан-де-Морт...

Квиррелл обогнул зеркало и жадно уставился в него.

— Я вижу камень, — прошептал он. — Я собираюсь преподнести его моему повелителю... Но где же этот камень?

Гарри пытался ослабить стягивающие его веревки, но они не поддавались. Казалось, что Квиррелл полностью сосредоточился на зеркале. Гарри обязан был его отвлечь.

— Но мне всегда казалось, что Снегг меня ненавидит...

— О, конечно, — равнодушно подтвердил Квиррелл. — Небо тому свидетель — он тебя ненавидит. Он учился в Хогвартсе вместе с твоим отцом, разве ты этого не знал? Они друг друга терпеть не могли. Но Снегг никогда не желал тебе смерти.

— Но я слышал, как вы плакали несколько дней назад, — не успокаивался Гарри. — Я думал, Снегг вам угрожает...

В первый раз с того момента, как Гарри появился в зале, Квиррелл утратил спокойствие. На его лице отразился страх.

— Он здесь ни при чем. — Голос Квиррелла чуть подрагивал. — Просто иногда... иногда мне бывает нелегко выполнять приказы моего господина — ведь он великий волшебник, а я слаб и...

— Вы хотите сказать, что в той комнате он был вместе с вами? — воскликнул Гарри, не веря своим ушам.

— Он всегда со мной, где бы я ни был, — мягко ответил Квиррелл. — Я встретил его, когда путешествовал по миру. Я был молод, глуп и полон нелепых представлений о добре и зле. Лорд Волан-де-Морт показал мне, как сильно я заблуждался. Добра и зла не существует — есть только сила, есть только власть, и есть те, кто слишком слаб, чтобы стремиться к ней... С тех пор я служу ему верой и правдой, хотя, к сожалению, я не раз подводил его. Ему приходилось быть со мной суровым...

Квиррелл внезапно поежился.

— Он не склонен прощать ошибки. Когда мне не удалось украсть камень из «Гринготтса», он был очень мной недоволен. Он наказал меня... Он решил, что должен пристальнее следить за мной и постоянно контролировать меня...

Голос Квиррелла поплыл по комнате, постепенно затихая. А Гарри вспомнил тот день, когда они с Хагридом были в Косом переулке. Господи, как он мог быть так глуп? Ведь в тот день он видел там Квиррелла, тот пожимал ему руку в «Дырявом котле». Значит, он давно должен был догадаться, что Снегг тут ни при чем, что это...

Квиррелл негромко пробормотал какое-то ругательство.

— Я не могу понять, — прошептал он. — Может, этот камень находится внутри зеркала? Может быть, я должен его разбить?

Гарри судорожно пытался понять, что ему делать.

«Сейчас больше всего на свете я хочу найти камень раньше Квиррелла, — подумал он. — Значит, если я посмотрю в зеркало, я увижу, как я его нахожу, то есть я увижу, где он спрятан! Но как я могу заглянуть в зеркало, чтобы Квиррелл этого не заметил и не понял, чего я хочу?»

Гарри попробовал сдвинуться с места, но веревки крепко держали его — он пошатнулся и упал. Квиррелл не обратил на это никакого внимания. Он все еще разговаривал сам с собой.

— Что делает это зеркало? Что оно показывает? Помогите мне, мой господин!

Гарри похолодел от ужаса. В комнате раздался незнакомый ему голос. Казалось, что голос этот исходит из самого Квиррелла.

— Используй мальчишку... Используй мальчишку... Квиррелл повернулся к Гарри.

— Так, Поттер, иди-ка сюда.

Профессор хлопнул в ладоши, и веревки упали на пол. Гарри медленно поднялся на ноги.

— Иди сюда, — поторопил Квиррелл. — Загляни в зеркало и скажи мне, что ты видишь.

Гарри подошел.

«Я должен его обмануть, — приказал он самому себе, чувствуя, что находится на грани отчаяния. — Я должен заглянуть в зеркало и увидеть то, что мне надо, и соврать, только и всего».

Квиррелл встал за его спиной. Гарри ощутил странный запах, исходящий из тюрбана, скрывавшего голову профессора. Он закрыл глаза, шагнул ближе к зеркалу и снова раскрыл их.

Он увидел свое отражение — бледное, испуганное лицо. Но мгновение спустя отражение подмигнуло ему. Оно засунуло руку в свой карман и вытащило оттуда кроваво-красный камень. А потом, снова подмигнув, засунуло камень обратно. Гарри ощутил у себя в кармане что-то очень тяжелое. Какими то образом — каким-то невероятным образом — камень оказался у него.

— Ну и что? — нетерпеливо спросил Квиррелл. — Что ты там видишь?

Гарри собрался с духом.

— Я вижу, как я пожимаю руку Дамблдору — выпалил он, стараясь врать поубедительнее. — Я... я выиграл для Гриффиндора соревнование между факультетами.

Квиррелл снова выругался.

— Отойди отсюда! — скомандовал он.

Гарри шагнул в сторону. Камень оттягивал карман, и Гарри спросил себя, не попробовать ли ему убежать.

Он не успел сделать и пяти шагов по направлению к двери, когда до него донесся резкий голос. Гарри обернулся и понял, что Квиррелл каким-то образом умудряется говорить, не раскрывая рта.

— Он врет... Он врет...

— Поттер, иди сюда! — крикнул Квиррелл. — Говори правду! Что ты там видел?

Квиррелл закрыл рот, и тут снова раздался резкий голос.

— Дай мне поговорить с ним... Я хочу видеть его лицо, и чтобы он видел меня...

— Но, повелитель, вы еще недостаточно сильны! — запротестовал Квиррелл.

— У меня достаточно сил... — отрезал резкий голос. — Для этого вполне достаточно...

Гарри чувствовал себя так, словно снова попал в «дьявольские силки». Он словно прирос к месту и был не в силах пошевелиться. В оцепенении Гарри смотрел, как Квиррелл начинает разворачивать свой тюрбан. Наконец ткань упала на пол. Без нее голова Квиррелла, сильно уменьшившаяся в размерах, выглядела как-то странно. И тут Квиррелл медленно повернулся к Гарри спиной.

Гарри готов был завопить от ужаса, но не смог выдать из себя ни звука. Там, где должен был находиться затылок Квиррелла, было лицо, самое страшное лицо, которое Гарри когда-либо видел. Оно было мертвенно-белым, вместо ноздрей-узкие щели, как У змеи. Но страшнее всего были глаза — ярко-красные и свирепые.

— Гарри Поттер, — прошептало лицо.

Гарри попытался отступить назад, но ноги его не слушались.

— Видишь, чем я стал? — спросило лицо. — Всего лишь тенью, химерой... Я обретаю форму, только вселяясь в чужое тело... Всегда находятся те, кто готов впустить меня в свой мозг и свое сердце... Кровь единорога сделала меня сильнее... Ты видел, как мой верный Квиррелл пил ее в лесу... И как только я завладею эликсиром жизни, я смогу создать себе свое собственное тело... Итак, почему бы тебе не отдать мне камень, который ты прячешь в кармане?

Значит, он все знает. Гарри внезапно ощутил, что к нему вернулись силы, и, спотыкаясь, попятился назад.

— Не будь глупцом, — прорычало лицо. — Лучше присоединяйся ко мне и спаси свою жизнь... или ты кончишь так же, как и твои родители... Они умерли, моля меня о пощаде...

— ЛЖЕЦ! — неожиданно для самого себя крикнул Гарри.

Квиррелл приближался к нему — он шел спиной вперед, чтобы Волан-де-Морт мог видеть Гарри. На белом лице появилась улыбка.

— Как трогательно, — прошипело оно. — Что ж, я всегда ценил храбрость... Ты прав, мальчик, твои родители были храбрыми людьми... Сначала я убил твоего отца, хотя он отважно сражался... А твоей матери совсем не надо было умирать... но она старалась защитить тебя... А теперь отдай мне камень, чтобы не получилось, что она умерла зря.

— НИКОГДА!

Гарри метнулся по направлению к двери.

— ПОЙМАЙ ЕГО! — завопил Волан-де-Морт.

Через мгновение Гарри ощутил на своем запястье руку Квиррелла. Его лоб — как раз в том месте, где был шрам, — пронзила острая боль. Ему показалось, что голова его сейчас разлетится надвое. Гарри закричал, пытаясь вырваться, и, к его удивлению, ему это удалось. Боль стала слабее. Гарри поспешно обернулся, чтобы понять, куда делся Квиррелл. Профессор корчился от боли, глядя на свои пальцы, прямо на глазах покрывавшиеся красными волдырями.

— Лови его! ЛОВИ ЕГО! — снова завопил Волан-де-Морт.

Квиррелл кинулся на Гарри и сбил его с ног. Гарри не успел опомниться, как Квиррелл уже оказался на нем. Руки просрессора держали его за горло. Боль в голове была такой сильной, что Гарри почти ослеп. Тем не менее он отчетливо слышал, как Квиррелл завывал от боли.

— Повелитель, я не могу держать его — мои руки, мои руки!

Квиррелл выпустил шею Гарри и с ужасом уставился на свои ладони. Гарри, к которому начало возвращаться зрение, заметил, что они покраснели и выглядят сильно обожженными. Казалось, что с них слезла кожа.

— Тогда убей его, глупец, и покончим с этим! — хрипло выкрикнул Волан-де-Морт.

Квиррелл поднял руку, собираясь наложить на Гарри смертельное заклятие, но Гарри инстинктивно рванулся вперед и ударил Квиррелла по лицу, метя в глаза...

— А-А-А-А!

Квиррелл свалился с него. Все его лицо тоже покрылось ожогами. И Гарри внезапно понял. Каждый раз, дотрагиваясь до него, Квиррелл испытывал жуткую боль. Так что у Гарри был единственный шанс.

Он не должен был выпускать Квиррелла из рук, чтобы тот от боли позабыл обо всем на свете и не смог наложить проклятие.

Гарри вскочил на ноги и вцепился профессору в руку. Квиррелл заверещал и попытался стряхнуть его с себя. Но сам Гарри, только коснувшись Квиррелла, ощутил, как острая боль пронзила голову. Он снова почти ослеп. Но он слышал дикие крики Квиррелла, слышал голос

Волан-де-Морта, вопившего: «УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!» А потом пришли другие голоса, выкрикивавшие его имя. Но возможно, они ему только почудились.

Гарри ощутил, как Квиррелл выкручивается из его захвата. Он понял, что все кончено, и провалился в темноту. Он летел все ниже, и ниже, и ниже...

Гарри уловил, что над ним блеснуло что-то золотое. Снитч, конечно же, это был снитч! Гарри попытался поймать его, но казалось, что руки налились свинцом.

Он моргнул. Это был не снитч. Это были очки. Как странно...

Он снова моргнул. Из тумана выплыло улыбающееся лицо Альбуса Дамблдора.

— Добрый день, Гарри, — произнес Дамблдор. Гарри уставился на него. И тут он все вспомнил.

— Сэр! — произнес Гарри слабым голосом, тщетно пытаясь подняться. — Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Сэр, торопитесь...

— Успокойся, мой дорогой мальчик, ты немного отстал от времени. — Голос Дамблдора был приветлив и спокоен. — Камень не у Квиррелла.

— Но тогда у кого? — Гарри раздирало беспокойство. — Сэр, я...

— Гарри, пожалуйста, тихо, — попросил Дамблдор. — Иначе мадам Помфри выставит меня отсюда.

Гарри тяжело вздохнул и огляделся. Он только сейчас понял, что, судя по всему, находится в больничном крыле. Он лежал на кровати, а столик, стоявший рядом с ним, был завален сладостями. Казалось, что кто-то специально для Гарри скупил по меньшей мере полмагазина.

— Знаки внимания от твоих друзей и поклонников, — пояснил Дамблдор, поймав взгляд Гарри. — То, что произошло в подземелье между тобой и Квирреллом — это строжайший секрет, и потому нет ничего удивительного в том, что его знает вся школа. Кстати, я полагаю, что именно твои друзья, Фред и Джордж Уизли, попытались передать тебе в подарок сиденье от унитаза. Не сомневаюсь, они полагали, что тебя это развлечет. Однако мадам Помфри сочла это несколько негигиеничным и конфисковала сиденье.

— Я давно здесь? — перебил его Гарри. Он не мог сосредоточиться ни на чем, кроме случившегося.

— Три дня. Мистер Рональд Уизли и мисс Грэйнджер будут весьма счастливы, что ты наконец пришел в себя. Они были крайне обеспокоены твоим состоянием.

— Но, сэр, а как же камень...

— Я вижу, что он волнует тебя больше всего остального. — Улыбка сползла с лица Дамблдора. — Что ж, поговорим о камне. Профессору Квирреллу не удалось отобрать его у тебя. Я появился как раз вовремя, чтобы помешать ему это сделать. Хотя должен признать, что ты и без меня неплохо справлялся.

— Вы были там?! — воскликнул Гарри. — Вы получили сову, которую послала Гермиона?

— Должно быть, мы разминулись в воздухе. Как только я прибыл в Лондон, сразу стало очевидно, что я должен находиться как раз в том месте, которое я покинул. Я прибыл вовремя и успел стащить с тебя Квиррелла...

— Значит, это были вы, — произнес Гарри, вспомнив последнее, что он слышал перед тем, как потерять сознание. Значит, ему ничего не почудилось. — Это были вы...

— Я боялся, что опоздал, — признался Дамблдор. — Да, вы чуть не опоздали, — согласился Гарри. — Я еще немного, и он бы вырвал у меня камень...

— Я боялся не за камень, — мягко поправил его Дамблдор, — а за тебя. Схватка отняла у тебя все силы, и ты едва не погиб. В какой-то момент я даже подумал, что это произошло. А что касается камня, то он был уничтожен.

— Уничтожен? — недоверчиво переспросил Гарри. — Но ваш друг, Николас Фламель...

— О, так ты знаешь о Николасе? — судя по голосу Дамблдор был очень доволен этим

обстоятельством. — Ты все разузнал, не так ли? Что ж, мы с Николасом немного поболтали и решили, что так будет лучше.

— Но это означает, что он и его жена умрут, не так ли? — продолжал недоумевать Гарри.

— У них имеются достаточные запасы эликсира для того, чтобы привести свои дела в порядок. А затем — да, затем они умрут.

Дамблдор улыбнулся, видя непонимание на лице Гарри.

— Такому молодому человеку как ты, это кажется невероятным. Но для Николаса и Пернеллы умереть значит лечь в постель и заснуть после очень долгого дня. Для высокоорганизованного разума смерть — это очередное приключение. К тому же камень — не такая уж прекрасная вещь. Представь себе — он может дать столько денег и столько лет жизни, сколько ты захочешь! То есть две вещи, которые в первую очередь выберет любой человек. Но беда в том, что люди, как правило, выбирают то, что для них является наихудшим.

Воцарилась тишина. Гарри лежал, глядя в потолок и не зная, что сказать. Дамблдор что-то мурлыкал себе под нос и рассеянно улыбался.

— Сэр! — наконец окликнул его Гарри. — Я тут подумал... Сэр... даже если камень уничтожен, Волан...

Я хотел сказать, Вы-Знаете-Кто...

— Называй его Волан-де-Мортом, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Страх перед именем усиливает страх перед тем, кто его носит.

— Да, сэр. — Гарри поспешно кивнул, ему не терпелось услышать ответ. — Я хотел спросить: ведь теперь Волан-де-Морт будет искать другой способ вернуть себе силы, правда? Я имею в виду, ведь он не исчез навсегда?

— Нет, Гарри, — согласился Дамблдор. — Он все еще где-то здесь, возможно, ищет новое тело, в которое мог бы вселиться... Так как он не является живым существом в полном смысле этого слова, его нельзя убить. Он бросил Квиррелла умирать — ведь он безжалостен не только к врагам, но и к союзникам. Однако ты не должен огорчаться, Гарри, пусть ты всего лишь на какое-то время отдалил его приход к власти. Но в следующий раз найдется кто-то другой, кто будет готов сразиться с ним. И это несмотря на то, что наша борьба против него кажется заранее проигранной. А если его возвращение будет отодвигаться все дальше и дальше, возможно, он никогда не будет властвовать.

Гарри попробовал кивнуть и поморщился от боли.

— Сэр, есть еще кое-что, что я хотел бы узнать, если вы мне расскажете, — тихо, но настойчиво произнес он. — Я бы хотел знать всю правду...

— Правду... — вздохнул Дамблдор. — Правда — это прекраснейшая, но одновременно и опаснейшая вещь. А потому к ней надо подходить с превеликой осторожностью. Однако я отвечу на твои вопросы — если, конечно, у меня не будет достаточно веской причины для того, чтобы промолчать. Если я не смогу ответить, прошу меня простить: я промолчу, потому что ложь недопустима.

— Хорошо. — Гарри прикрыл глаза. — Волан-де-Морт сказал, что убил мою мать просто потому, что она пыталась не дать ему убить меня. Но я не могу понять, зачем ему вообще понадобилось убивать меня?

На сей раз Дамблдор вздохнул куда глубже.

— Увы, Гарри, на этот вопрос я не могу ответить. По крайней мере сегодня и сейчас. Однажды ты узнаешь... а пока забудь об этом. Когда ты будешь старше... Я понимаю — наверное, это звучит неприятно. Тогда когда ты будешь готов, ты все узнаешь.

Гарри понял, что настаивать бесполезно.

— А почему Квиррелл не мог прикоснуться ко мне?

— Твоя мать умерла, пытаясь спасти тебя. Если на свете есть что-то, чего Волан-де-Морт не в силах понять, — это любовь. Он не мог осознать, что любовь — такая сильная любовь, которую испытывала к тебе твоя мать — оставляет свой след. Это не шрам, этот след вообще невидим...

Если тебя так крепко любят, то даже когда любящий тебя человек умирает, ты все равно остаешься под его защитой. Твоя защита кроется в твоей коже. Именно поэтому Квиррелл, полный ненависти, жадности и амбиций, разделивший свою душу с Волан-де-Мортом, не смог прикоснуться к тебе. Прикосновение к человеку, отмеченному таким сильным и добрым чувством, как любовь, вызывало у него нестерпимую боль.

Дамблдор замолчал и начал с интересом изучать сидевшую на подоконнике птичку. А Гарри, улучив момент, тайком вытер наворачнувшиеся на глаза слезы.

— А мантия-невидимка, — спросил он, когда к нему вернулся дар речи. — Вы знаете, кто мне ее прислал?. — Когда-то твой отец оставил ее мне. А я подумал, что, возможно, она тебе понравится. — Глаза Дамблдора засияли. — Полезная вещь... Твой отец в основном использовал ее для того, чтобы тайком пробираться на кухню в поисках еды. Это было, когда он учился в Хогвартсе.

— И еще кое-что, — никак не мог успокоиться Гарри.

— Давай, — приободрил его Дамблдор, словно почувствовав, что Гарри боится его разозлить.

— Квиррелл сказал, что Снегг...

— Профессор Снегг, Гарри, — поправил его Дамблдор.

— Да, верно, Квиррелл сказал, что он меня ненавидит, потому что он ненавидел моего отца. Это правда?

— Да, они испытывали друг к другу сильную неприязнь, — признал Дамблдор после секундного раздумья. — Примерно как ты и мистер Малfoy. А затем твой отец сделал кое-что, чего Снегг так и не смог ему простить.

— Что? — выдохнул Гарри.

— Он спас ему жизнь.

— Что?

Гарри не верил своим ушам.

— Да-а-а... — мечтательно протянул Дамблдор. — Меня всегда забавляло то, какими странными путями порой следуют человеческие мысли. Профессор Снегг не мог смириться с тем, что остался в долгу перед твоим отцом... Я думаю, что именно поэтому он приложил столько усилий к тому, чтобы спасти тебя. Профессор Снегг верил, что таким образом он вернет долг твоему отцу. И спокойно сможет продолжать ненавидеть память о нем...

Гарри попытался понять услышанное, но у него сразу разболелась голова.

— И, сэр, — осмелился он. — Еще один вопрос...

— Всего один? — улыбнулся Дамблдор.

— Как мне удалось достать камень из зеркала?

— А! — воскликнул Дамблдор. — Я рад, что ты задал этот вопрос. Это была одна из моих самых гениальных идей. Видишь ли, я сделал так, что только тот, кто хочет найти камень — найти, а не использовать, — сможет это сделать. А все прочие могли увидеть в зеркале, как они превращают металл в золото и пьют эликсир жизни, но не боле того. Иногда мой мозг удивляет меня самого... А теперь достаточно вопросов. Я предлагаю тебе заняться этими сладостями. О! Драже на любой вкус «Берти Боттс»! В юности мне не повезло: я съел конфету со вкусом рвоты. И боюсь, что с тех пор я несколько утратил к ним интерес. Но вот эта конфетка кажется мне вполне безобидной, как ты считаешь?

Дамблдор улыбнулся и закинул в рот золотисто-коричневую карамельку. И тут же поперхнулся.

— Не повезло! — выдавил он. — Вкус ушной серы, не самый приятный на свете, ты не находишь?

Мадам Помфри, хозяйка больничного крыла, была очень приятной, но весьма строгой женщиной.

— Ну пожалуйста, всего на пять минут, — умоляющим тоном произнес Гарри.

— Это исключено.

— Но ведь вы пустили ко мне профессора Дамблдора...

— Разумеется, но это совсем другое дело, ведь профессор Дамблдор — директор школы. А сейчас тебе нужен отдых.

— Я и так отдыхаю, правда, — не сдавался Гарри. — Я ведь лежу и все такое...

— О, ну хорошо! — смиростивилась мадам Помфри. — Но ровно пять минут.

Она открыла дверь, впуская в палату Рона и Гермиону.

— Гарри! — завопила Гермиона, кидаясь к нему. Гарри показалось, что сейчас она снова заключит его в объятия, и обрадовался, когда она этого не сделала. Голова его по-прежнему раскалывалась, и от объятий ему стало бы только хуже.

— О, Гарри, мы были уверены, что ты... — Гермиона осеклась, не произнося слово «умрешь». — Дамблдор был так обеспокоен...

— Вся школа говорит о том, что случилось, — сообщил Рон. — А что там произошло на самом деле?

Это был один из тех редких случаев, когда правда оказывается куда более странной и волнующей, чем самые нелепые слухи. Гарри рассказал им все — про Квиррелла и зеркало, про Волан-де-Морта и камень. Рон и Гермиона были очень хорошими слушателями. Они изумленно открывали рты как раз тогда, когда Гарри от них этого ждал. А когда он рассказал им о том, что пряталось под тюрбаном Квиррелла, Гермиона громко вскрикнула.

— Значит, камня больше нет? — спросил Рон, когда Гарри замолк — Значит, Фламель умрет?

— Я тоже задал этот вопрос, — кивнул Гарри. — А Дамблдор сказал... сейчас вспомню... Он сказал, что для высокоорганизованного разума смерть — это очередное приключение.

— Я всегда говорил, что он сумасшедший, — с обожанием в голосе откликнулся Рон. Дамблдор был его кумиром. Рон готов был восхищаться всем, что связано с профессором, даже крайней степенью его сумасшествия.

— А с вами что было после того, как мы расстались? — в свою очередь поинтересовался Гарри.

— Ну, я вернулась назад, привела в порядок Рона — это оказалось непросто. — Гермиона закатила глаза. — А потом мы поспешили туда, где спят совы. Но на выходе из школы столкнулись с Дамблдором. Он уже все знал, представляешь? Он просто спросил: — Гарри пошел за ним, да? — и полетел на третий этаж, к люку.

— Ты думаешь, он специально так все подстроил? Может, он хотел, чтобы именно ты это сделал? — задумчиво спросил Рон. — Раз это он прислал тебе мантию-невидимку и все такое...

— Ну, знаете! — взорвалась Гермиона. — Если это он... Я хочу сказать, это ужасно, ведь тебя могли убить...

— Да нет, все было правильно, — после паузы ответил Гарри. — Он странный человек Дамблдор. Я думаю, что он просто хотел дать мне шанс. И что он, в общем, знает обо всем, что здесь происходит. Так что Дамблдор был в курсе того, что мы задумали. Однако вместо того чтобы остановить нас, он меня кое-чему научил, подготовил меня к тому, что должно было случиться. Не думаю, что я случайно нашел зеркало Еиналеж, — это он подталкивал меня к тому, чтобы я его нашел, и сам объяснил мне, как оно действует. Мне даже кажется, это он решал, есть ли у меня право встретиться один на один с Волан-де-Мортом. И я доказал, что готов к этому...

— Нет, Дамблдор действительно псих! — гордо воскликнул Рон. — Слушай, Гарри, тебе тут не следует залеживаться — завтра будет банкет по случаю окончания учебного года. Конечно, особенно праздновать нам нечего — разумеется, соревнование между факультетами выиграл Слизерин, да и в квиддиче мы не преуспели. В последней игре, которую ты пропустил, нас начисто разнесли ребята из Когтеврана — как паровым катком раскатали. Но еда на банкете будет вкусной, это я тебе обещаю...

В этот момент в комнату ворвалась мадам Помфри.

— Вы уже пятнадцать минут тут сидите, — строго заявила она. — А теперь — марш отсюда!

Той ночью Гарри не снились кошмары, поэтому утром он почувствовал себя значительно лучше.

— Я хотел бы пойти на банкет, — сказал он мадам Помфри, когда та раскладывала на столике рядом с кроватью Гарри его сладости, которые уже с трудом там помещались. — Я могу пойти, правда?

— Профессор Дамблдор говорит, что я должна вас отпустить. — Судя по тону, мадам Помфри не одобряла решение Дамблдора. Похоже, она считала, что банкеты очень опасны для здоровья, и потому просьба Дамблдора неразумна. — Да, к вам пришел еще один посетитель.

— О, прекрасно! — воскликнул Гарри. — Кто это? В ту же секунду, словно услышав слова Гарри, в дверь протиснулся Хагрид. Оказываясь в помещении, великан всегда казался непозволительно большим. Он кое-как примостился рядом с Гарри, покосился на него и вдруг разрыдался.

— Это... все... моя... чертова... вина! — выдавил он сквозь слезы, закрывая лицо руками. — Это ж я сказал этому чудовищу, как Пушка усыпить! Я сам! Ты же умереть мог! И все из-за какого-то яйца драконьего! В жизни больше пить не буду! Меня вообще надо гнать отсюда и к маглам, чтоб я с ними жил!

Гарри был потрясен видом плачущего великана. Хагрид в буквальном смысле сотряслся от рыданий, а по его лицу катились огромные слезы, скрываясь в густой бороде.

— Хагрид, успокойся, он бы все равно узнал, — произнес Гарри, пытаясь утешить Хагрида. — Ведь мы же говорим о Волан-де-Морте. Даже не выведай он все у тебя, он бы нашел другой способ выяснить, как нейтрализовать Пушка.

— Но тебя ж убить могли! — простонал Хагрид. — И это... Гарри... не произноси ты его имя, ради всего святого!

— ВОЛАН-ДЕ-МОРТ! — во весь голос прокричал Гарри. Хагрид был так поражен, что даже перестал плакать. — Я встречался с ним, я видел его лицо, и потому я буду называть его по имени. И хватит плакать, Хагрид, выше нос. Мы спасли камень. Теперь камня больше нет, и он не сможет его использовать. Ты лучше съешь шоколадку, у меня их тут сотни...

Хагрид шмыгнул носом и вытер его рукавом.

— Ты мне тут напомнил кое о чем... э-э... подарок у меня для тебя есть.

— Надеюсь, это не бутерброд с мясом горностая? — обеспокоенно спросил Гарри.

И тут Хагрид наконец-то улыбнулся, хотя улыбка получилась еле заметной.

— Не. — Великан мотнул головой. — Дамблдор мне вчера специально выходной дал, чтоб я все сделал. Ему, если по правде, уволить меня надо было, а он... Короче, вот, держи...

То, что Хагрид вытащил из кармана, было похоже на книгу в красивом кожаном переплете. Гарри с интересом раскрыл ее. Книга оказалась альбомом для фотографий. С каждой страницы ему улыбались и махали руками его родители.

— Я вчера весь день сов посылал ко всем, с кем твои родители в школе дружили... да и после нее тоже, — пояснил Хагрид. — Чтоб фотографий прислали, потому как нет у тебя ни одной... Ну что, нравится тебе?

Гарри не смог ничего ответить, но Хагрид понял его и без слов.

Гарри пришел на банкет, когда зал уже был полон. Он хотел сначала зайти в Общую гостиную Гриффиндора, чтобы прийти на банкет вместе со всеми. Но мадам Помфри сломала его планы, настояв на последнем осмотре. Поэтому когда Гарри вошел в Большой зал, все факультеты уже были там.

Поскольку соревнование между факультетами в седьмой раз подряд выиграл Слизерин, то зал был оформлен в зелено-серебряной цветовой гамме. На стене за преподавательским столом висело огромное знамя Слизерина, на котором была изображена змея.

Стоило Гарри войти в дверь, как в зале наступила полная тишина, а в следующую секунду все одновременно заговорили. Гарри, не поднимая головы, быстро подошел к своему столу и сел между Роном и Гермионой. Он пытался делать вид что не замечает направленных на него взглядов всех собравшихся. Многие даже встали со своих мест, чтобы получше его видеть.

К счастью, буквально через несколько секунд в зале появился Дамблдор. Все расселись по местам, и разговоры стихли.

— Итак, еще один год позади! — радостно воскликнул Дамблдор. — Но перед тем как мы начнем наш фантастический пир, я немного побеспокою вас старческим брюзжанием и пустой болтовней. Итак, позади остался отличный учебный год! Я надеюсь, ваши головы немного потяжелели по сравнению с тем, какими они были в начале года. Впрочем, впереди у вас все лето для того, чтобы привести свои головы в порядок и полностью опустошить их до начала следующего семестра.

Дамблдор обвел всех присутствующих взглядом своих лучистых глаз.

— А сейчас, как я понимаю, мы должны определить, кто выиграл соревнование между факультетами. Начнем с конца. Четвертое место занял факультет Гриффиндор — триста двенадцать очков. Третье — Пуффендуй, у них триста пятьдесят два очка. На втором месте Когтевран — четыреста двадцать шесть очков. А на первом Слизерин — четыреста семьдесят два очка.

Стол, за которым сидели слизеринцы, взорвался громкими криками и аплодисментами. Гарри видел, как Малфой победно стучит по столу золотым кубком. И тут же отвел глаза: ему не понравилось это зрелище.

— Да, да, вы прекрасно потрудились, — произнес Дамблдор, обращаясь к сидевшим за столом Слизерина. — Однако мы не учли последних событий...

Зал затих. За столом Малфоя улыбались уже не так радостно.

Дамблдор громко хмыкнул.

— Итак, — продолжил он. — В связи с тем, что в свете последних событий некоторые ученики заработали некоторое количество очков... Подождите, подождите... Ага...

Дамблдор задумался — или сделал вид, что задумался.

— Начнем с мистера Рональда Уизли...

Рон побагровел и стал похож на обгоревшую на солнце редиску.

— ...за лучшую игру в шахматы в истории Хогвартса я присуждаю факультету Гриффиндор пятьдесят очков.

Крики, поднявшиеся за столом, где сидел Гарри, наверное, долетели до заколдованного потолка. По крайней мере звезды на потолке задрожали. Гарри отчетливо слышал, как Перси, обращаясь к другим старостам, безостановочно выкрикивает:

— Это мой брат! Мой младший брат! Он выиграл в заколдованные шахматы МакГонагалл!

Наконец снова наступила тишина.

— Далее... мисс Гермиона Грэйнджер, — произнес Дамблдор. — За умение использовать холодную логику перед лицом пламени я присуждаю факультету Гриффиндор пятьдесят очков.

Гермиона закрыла лицо руками. Гарри не сомневался, что она расплакалась. За их столом творилось что-то невообразимое — за одну минуту факультет заработал сто очков.

— И наконец, мистер Гарри Поттер, — объявил Дамблдор, и в зале воцарилась абсолютная тишина. — За железную выдержку и фантастическую храбрость я присуждаю факультету Гриффиндор шестьдесят очков.

Поднявшийся шум оглушил Гарри. Все, кто умел считать и одновременно хрипло вопить, уже поняли, что у Гриффиндора теперь четыреста семьдесят два очка. То есть столько же, сколько и у Слизерина. Они почти выиграли соревнование между факультетами. Если бы Дамблдор дал Гарри еще одно очко...

Дамблдор поднял руку. Зал начал затихать.

— Храбрость бывает разной. — Дамблдор по-прежнему улыбался. — Надо быть достаточно отважным, чтобы противостоять врагу. Но не меньше отваги требуется для того, чтобы противостоять друзьям! И за это я присуждаю десять очков мистеру Невиллу Долгопупсу.

Если бы кто-то стоял за дверями Большого зала, он бы подумал, что здесь произошел взрыв, — настолько бурноотреагировали на слова директора за столом Гриффиндора. Гарри, Рон и Гермиона вскочили и зааплодировали Невиллу, подбадривая его громкими криками. А Невилл, весь белый от изумления, исчез под кинувшимися обнимать его школьниками. До этого он ни разу не принес факультету ни одного очка.

Гарри, продолжая аплодировать, ткнул Рона под ребра и кивком указал на Малфоя. Вид у него был такой обескураженный и испуганный, словно Гермиона наложила на него заклятие, полностью парализовавшее его тело.

— Таким образом, — громко прокричал Дамблдор, пытаясь заглушить аплодисменты, которые только усилились оттого, что факультеты Когтевран и Пуффендуй тоже возликовали по поводу поражения Слизерина. — Таким образом, нам надо сменить декорации.

Он хлопнул в ладоши, и свисавшее со стены зелено-серебряное знамя стало ало-золотым, а огромная змея исчезла, и вместо нее появился гигантский лев Гриффиндора. Снегг протянул руку профессору МакГонагалл и начал трясти ее с вымученной улыбкой. Гарри на мгновение встретился с ним взглядом и сразу почувствовал, что отношение к нему Снегга ни на йоту не изменилось. Но сейчас Гарри это не беспокоило. Главным было то, что в следующем учебном году он будет чувствовать себя куда лучше, чем в конце этого. Он будет чувствовать себя так же хорошо, как чувствовал, пока не подвел своих друзей.

Это был лучший вечер в жизни Гарри. Он был Даже лучше, чем те вечера, когда он выигрывал в квиддич, встречал Рождество и сражался с горным троллем. И он знал, что этот вечер он никогда не забудет. Никогда в жизни.

У Гарри как-то вылетело из головы, что впереди его ждало объявление результатов экзаменов. Но оказалось, что ему и не стоило беспокоиться. К его огромному удивлению, они с Роном получили хорошие отметки — ну а Гермиона, разумеется, стала лучшей ученицей. Даже Невилл умудрился кое-как сдать экзамены: его хорошая оценка за травологию компенсировала невероятно плохую оценку за зельеварение.

Гарри с Роном надеялись, что Гойл — который был настолько же туп, насколько и злобен — будет отчислен. Но и он каким-то образом умудрился сдать экзамены. Это было обидно, но, как справедливо заметил Рон, нельзя получить сразу все.

Буквально через несколько минут после объявления результатов экзаменов все шкафы опустели, чемоданы были упакованы, а жабу Невилла поймали в тот момент, когда она пыталась улизнуть сквозь дырку в стене туалета. Всем ученикам вручили предупреждения о том, что они не должны прибегать к волшебству на каникулах.

— А я-то надеялся, что они хоть раз забудут раздать нам эти бумажки, — грустно заметил Фред Уизли

Хагрид проводил их к берегу озера и переправил на лодках на ту сторону. Ученики залезли в поезд, болтая и смеясь. За окном дикая природа сменялась ухоженными полями и аккуратными домиками. Они дружно поедали конфеты, проезжая мимо горных маглов, а потом не менее дружно сняли с себя мантии и надели пиджаки и куртки. И наконец поезд подошел к платформе номер девять и три четверти вокзала «Кингс Кросс».

Им понадобилось немало времени для того, чтобы покинуть платформу. Перед выходом с нее стоял старый мудрый смотритель, выпуская их по двое и по трое, чтобы они не привлекли внимание маглов. Если бы из сплошной стены вдруг появилась толпа школьников с огромными чемоданами, маглы бы точно переполошились.

— Ты должен приехать и пожить у нас этим летом, — сказал Рон, пока они стояли в очереди. — И ты, Гермиона, тоже. Я pošлю вам сову.

— Спасибо, — с благодарностью откликнулся Гарри. — Рад, что этим летом меня ждет что-то приятное.

Они возвращались в мир маглов в ужасной суматохе и толчее.

— Пока, Гарри! — раздалось несколько голосов.

— До встречи, Поттер! — прокричали еще несколько человек

— Ты по-прежнему знаменит и популярен, — ухмыльнулся Рон.

— Но не там, куда я еду, это точно, — заверил его Гарри.

Он, Рон и Гермиона вместе прошли через стену.

— Вот он, мам, смотри!

Это был голос Джинни Уизли, младшей сестры Рона, но показывала она вовсе не на брата.

— Гарри Поттер! — пропищала Джинни. — Смотри, мам! Я его вижу.

— Поттише, Джинни, — одернула ее мать. — Не надо показывать пальцем, это некрасиво.

Миссис Уизли улыбнулась им.

— Нелегкий выдался год?

— В общем, да, — признался Гарри. — Большое вам спасибо за свитер и сладости, миссис Уизли.

— О, не стоит благодарности, мой дорогой, — откликнулась она.

— Ну, ты готов?

Голос принадлежал дяде Вернону — такому же усатому как год назад, такому же багроволицему с такой же яростью взирающему на племянника. Дядя был явно возмущен его наглостью. Подумать только — стоять среди обычных людей с огромной совой в клетке! За дядей виднелись тетя Петунья и Дадли, с ужасом глядевший на двоюродного брата.

— Вы, должно быть, родственники Гарри! — воскликнула миссис Уизли.

— В каком-то смысле, — прорычал дядя Вернон. — Поторопись, мальчик, я не собираюсь ждать тебя целый день.

Дядя Вернон отошел в сторону, а Гарри повернулся к Рону и Гермионе.

— До встречи, — улыбнулся он.

— Надеюсь, что у тебя... что у тебя будут веселые каникулы... — неуверенно выдавила Гермиона, явно пораженная нелюбезностью дяди Вернона.

— О, не сомневайтесь! — воскликнул Гарри. Рон и Гермиона с удивлением заметили, что он широко ухмыляется: «Мои родственники ведь не знают, что на каникулах нам запрещено прибегать к волшебству. А значит, этим летом я хорошенько повеселюсь с Дадли...»